

Андрей Феликсович Величко
Гатчинский коршун

Кавказский принц – 3

http://zhurnal.lib.ru/w/welichko_a_f/a-03.shtml

«Гатчинский коршун»: Альфа-книга; 2010

ISBN 978-5-9922-0654-8

Аннотация

Русско-японская война выиграна, первой революции не предвидится, лучший друг стал

российским императором, племянница — императрицей, а по совместительству еще и королевой. Наконец-то дядя Жора может пожить в свое удовольствие! Ведь возраст уже преклонный, материальных затруднений нет и быть не может, казалось бы, самое время купить дачу и разводить там кошек. В принципе дядя Жора не против, но с маленькой оговоркой: он согласен быть пенсионером только в великой России, и никакая другая его почему-то не устраивает. А значит, дача отменяется. И над всей империей на страх ее врагам реет грозная тень Гатчинского коршуна.

Величко Андрей Феликсович Гатчинский коршун

Пролог

Литературно-политическая газета «Санкт-Петербургские ведомости» от 21-го июля 1904 года:

... так какая же это победа, спрашивают некоторые недалекие люди, когда не было победоносных сражений, мы не занимали вражеских столиц, не прирастили территории, не получили контрибуции, наконец? Давайте попытаемся им ответить...

Итак, что можно считать победой в войне? Ответ тут однозначный — это когда достигнуты цели войны. А какие цели были у подвергшейся нападению России? Первая — отбить это нападение. Вторая — сделать так, чтобы его повторение в обозримое время стало невозможным. Эти цели достигнуты, так зачем нам еще какие-то территории — у России что, своих пустых земель мало? А по поводу контрибуции...

Да, многие военные обоснованно считают, что если бы наши войска после июньской бойни перешли в наступление и под Мукденом, и под Порт-Артуром, можно было бы спокойно поднимать вопрос о контрибуции. Но в остальном-то мир остался бы тем же самым! Автор этих строк лично присутствовал на встрече Его Императорского Величества Георгия Первого с журналистами и услышал там вот что: «Наступлений без потерь — и больших потерь — не бывает. А результатом этого наступления и последующего разгрома японских армий были бы только деньги. Я не согласен менять на золото жизни наших солдат и уверен, что они в этом меня поддерживают».

Надеюсь, все сомнения о том, что результатом японской войны стала наша победа, больше не будут приходить в головы мыслящим людям. Но давайте подумаем — а какая это была победа? И сразу получим ответ — одна из величайших в истории! Ибо ни одна большая война еще не оканчивалась столь малыми потерями у выигравшей стороны. И они, эти потери, были не напрасны. Попробуйте сейчас найти в мире страну, которая осмелится напасть на Россию! Наши солдаты, моряки и летчики наглядно показали всему миру, чем кончаются агрессии против нашей могучей державы...

Из радиопереговоров Его Императорского Величества Георгия I с государственным канцлером князем Найденовым Порт-Артурским:

ЕИВ: — Да долго ты там еще будешь возиться? Оставь шлифовать детали Дурново и двигай в Питер, из-за тебя до сих пор дата свадьбы не назначена.

ГК: — Ну, блин, величество, ты и даешь. Я, конечно, понимаю, любовь там... Поимей терпение, примерно неделя осталась. А если невтерпеж, женись без меня, переживу.

Глава 1

Насчет недели – это я по своей всегдашней привычке просил срок с запасом, переговоры в Циндао были уже практически завершены, послезавтра, тьфу-тьфу, будем мирный договор подписывать. Пока только сам договор, секретный протокол к нему предполагалось разработать без спешки и в Гатчине.

По договору Корея признавалась исключительно японской зоной влияния. Про Ляодунский полуостров было сказано, что теперь там допускается присутствие японских вооруженных сил – а в секретном протоколе предстояло расписать график вывода нашего флота из Порт-Артура и механизм передачи прав аренды на часть территории.

– Отсюда можно сделать вывод, что у вас есть артиллерия с эффективной дальностью стрельбы в двадцать два километра, – с кислой миной сказал мне принц Ито, глядя на карту Ляодуна с нанесенной границей японской и российской зон влияния.

Я пожал плечами – типа у меня много чего есть, все так сразу и не упомнишь...

Дальний оставался нашим.

Курильские острова становились королевством, где на троне восседала королева Мария Первая. Это королевство входило в состав Черногорской Империи на правах вассала.

Манчжурия полностью сохраняла свой довоенный статус, но в секретном протоколе предполагалось прописать условия участия Японии в освоении ее природных богатств.

– А что за необязательный пункт, о котором вы говорили при первой встрече? – поинтересовался принц.

– Это... – запнулся я. Ну что мне мешало лучше запомнить имя принцессы! Так как же ее зовут, а, кажется, вспомнил...

– Заранее прошу прощения, – продолжил я, – если предлагаю что-нибудь неприемлемое, вы сразу скажите, настаивать не буду. Но не поженить ли нам русского принца и дочь микадо? Я имею в виду принцессу Макако.

– Может быть, Масако? – осторожно уточнил Ито.

– Разумеется, это просто неточность перевода. Так что подумайте, в случае интереса – сразу ставьте в известность меня...

Когда мирный договор был уже подписан, при прощании с Ито я сказал:

– У меня вообще-то было еще одно предложение по секретному протоколу, но оно предполагалось к озвучиванию только после достижения взаимовыгодных соглашений по всем остальным вопросам. И мне представляется, что уже можно... Суть его вот в чем. Извините за прямоту, но воевали вы в основном английским оружием. Однако в новых условиях у вас могут возникнуть финансовые трудности при продолжении этого же курса... Я предлагаю вам помощь России в вопросах развития вашей военной промышленности. Надеюсь, по результатам военных действий вы не сомневаетесь, что наше оружие как минимум не хуже английского?

– И вы будете поставлять нам новейшие образцы и оборудование для их производства? – не поверил принц.

– Те, что еще только в разработке – не обязательно, хотя и возможно. Но уже поступившие на вооружение нашей армии – да.

Разумеется, я говорил чистую правду. Принц ведь не спрашивал меня о том, что Россия, кроме армии, собралась обзавестись еще корпусом быстрого реагирования, куда и будут поступать новейшие образцы всего, включая танки и самолеты...

В Питер я вылетел на присланном за мной новом борту N1, то есть наконец-то закончившем испытания «Кондоре». По основным параметрам (кроме дальности, она была увеличена втрое за счет полезного груза) этот самолет примерно соответствовал Ю-52, то есть уже мог обеспечить вполне приемлемый уровень комфорта. Провожающий меня Ито с опаской переводил взгляд с воздушного гиганта на стоящую рядом с ним и кажущуюся совсем маленькой «Кошку» – видимо, вспоминал, что наделали в Сасебо всего три этих

малышки и прикидывал, что смогут при желании учинить десяток-другой «Кондоров»... Разницу между пикирующим бомбардировщиком и гражданским самолетом я ему объяснять не стал.

Почти весь полет ушел на радиоругань с Гошей – тому приспичило устроить из моего прилета шоу на тему чествования героев войны. Наконец уже в районе Казани удалось убедить величество, что для этого гораздо лучше подходят калединские отпускники по ранению, эшелон с которыми уже проехал Красноярск. Так что в Гатчине я сел тихо, без всякой помпы, и отправился обживать свое крыло дворца, в котором и был-то всего несколько раз.

Естественно, обжитие началось беседами с интересными людьми. Первый из них, Беня, слегка огорчил меня сообщением, что секретарь Ламсдорфа наконец-то найден, но увы – в несколько неживом виде... Но покойник качественный, идентификация удалась на сто процентов. Однако не успел я толком погоревать по этому поводу, как Татьяна доложила, что ее служба нашла еще один труп того же секретаря, причем даже лучшего качества, чем найденный шестым отделом. Это уже вселяло оптимизм – если человек так разбрасывается своими трупами, то есть основание продолжать поиски, ибо для покойников такое поведение несколько нехарактерно.

Вечером я отправился в Аничков дворец, навестить вдовствующую императрицу Марию Федоровну. Так как она уже вполне оправилась от последствий отравления, то утром, по возвращении в Гатчину, я завалился спать до обеда. Да, пожалуй, до свадьбы сына Мари выбыла из политической жизни, думал я, анализируя наш с ней обмен мнениями. Чем-то они там с Машей не сошлись в вопросе, сколько сантиметров до пола не должна доставать юбка невесты, так что я был строго озадачен в кратчайшие сроки повлиять на племянницу. Решив, что позиционная оборона в данном случае не годится и нужно контрнаступление, я поинтересовался, в каком именно из своих кошмарных официальных нарядов предстанет сама императрица. Вроде же договорились, любимая, с невинным видом продолжал я, что ты будешь изображать из себя умирающую старуху только две недели после покушения, а тут уже третий месяц пошел... Поэтому хрен с ней, с племянницей, пусть про нее у Гоши голова болит, а я хочу предстать на данном мероприятии в обществе прекрасной молодой женщины, а не живого памятника позапрошлому царствованию.

– Ты что, хочешь, чтобы я вырядилась во что-то подобное наряду невесты? – с подозрением спросила Мари.

– Разумеется, нет. Наряд невесты подразумевает некое целомудрие, которым она должна выделяться из остальных дам... У тебя тут Машины рисунки есть?

Конечно, они были, и я быстро перелистал эскизы. Ага, этот вроде ничего...

– По-моему, вот это тебе пойдет, у тебя очень красивые ноги, – предположил я, подавая ей рисунок длинноногой секс-бомбы в мини-юбке и кургузом жакетике, кончающемся примерно в области диафрагмы. Переждав бурю возмущения, я перешел к следующему эскизу...

В общем, мне хотелось надеяться, что хотя бы сомнения я зародил. Потому как ну надоело мне хуже горькой редьки постоянное созерцание дам, подметающих пол подолами своих юбок!

Но все это было вчера, а сейчас, проснувшись, я сел обедать и заодно послушать свежие новости от Татьяны. Кроме всего прочего, ей было поручено присматривать за семьей покойного Ники – как во избежание, так и вообще. И вот сейчас, за чашкой кофе, она рассказала мне, что прошедшим вечером у Алисы родился сын. Разумеется, все медики в Петергофе так или иначе работали на нее, так что уже имелся подробный доклад о состоянии новорожденного. Он появился на свет несколько недоношенным, но абсолютно здоровым! Ни малейших признаков гемофилии у младенца не было. Окончательно все пошло наперекосяк, резюмировал я про себя, тут уже и дети не те рождаются... Но вообще-то я был рад за Алексея. Правда, ситуация требовала анализа. Ну и что, что прав на престол у младенца нет – Аликс особа такая, мало ли что ей взбредет в голову, а тут и оппозиция

какая-нибудь подоспеет. Ждать развития событий или превентивно ее слегка припугнуть?

Ждать, решил я, немного подумав. Пусть пока посидит с дитем, пару-тройку фрейлин ей Танечка презентует, и посмотрим, кто начнет навещать эту вторую вдовствующую императрицу.

Ну, а потом мы потратили минут двадцать на устройство личной жизни самой Татьяны. Дело было в том, что ей теперь предстояло жить в основном в Петербурге. А муж пребывал в Георгиевске, замом у Тринклера! Что меня удивило, так это то, что Танечка, кажется, даже немного скучала...

Вообще-то в Питере было место как раз для Сергея Князева – здесь закладывался завод по производству судовых дизелей (точнее, тринклеров), именно по которым Сергей и был специалистом мирового уровня. Но кем его туда назначить? Директором и думать нечего, это не Тринклер, завалит все в первый же день. Главным инженером при толковом администраторе-директоре? Тоже нельзя, Сергей совершенно не умеет отстаивать свою точку зрения, а без конфликтов с администрацией не обойдется. В общем, Татьяна предложила дать своему муженьку зама по связям с людьми, оставив тому чисто инженерные функции. И не абстрактно, у нее уже были две кандидатуры, но она затруднялась с выбором. Вникнув в ситуацию, я предложил соломоново решение – пусть у главного инженера будет два зама. Один по связям с начальством, другой – с подчиненными... Ну, а уж проследить, чтобы главного инженера невзначай никто не обидел, Татьяна прекрасно сможет и сама.

Так что я дал ей два дня на устройство семейной жизни, «Кондор» на этот же срок и пятьдесят тысяч на всякие связанные с переездом расходы.

Уходя, Татьяна оставила мне последние донесения Собакиной.

Оказывается, у той были интересные новости! Первая заключалась в том, что как раз когда я садился в «Кондор» для отлета из Циндао, к ней приехал муж, то есть де Хэвиленд. Его интересовали вопросы боевого применения «Спитфайров» и переделки, внесенные в конструкцию самолета Токигавой. Но вообще над Джеффри помаленьку сгущались тучи. Адмиралтейство не могло простить ему того, что английский истребитель в боях совершенно проигрывал русскому «Бобику»... Ей-богу, мне стало даже несколько обидно. Да что же эти уроды, они всерьез надеялись, что двадцатидвухлетний парень, получив от меня компоновку самолета, сделает его лучше моих? Ведь самолет – это сложный комплекс, оценивать который нужно по сумме параметров, про половину которых Джеффри и знать не знал! Он решил, что истребителю нужна горизонтальная маневренность, и его «Спит» действительно выразил лучше «Бобиков». Но это привело только к тому, что наши навязывали японцам бой на вертикалях, к чему те были совершенно не готовы... В общем, по большому счету самолет де Хэвиленда был не так уж плох, но высоким шишкам требовалось срочно найти виноватого. Во исполнение этого плана было заявлено, что главным качеством истребителя является скорость, а в фирме «ДХ» этого не поняли, ату их...

«Роллс-ройс» увидел в этом хороший шанс и решил влезть в склоку со своим проектом сверхскоростного истребителя. Почитав описание проекта в пересказе Ксюши, я долго и весело смеялся. Сердцем нового самолета был новый мотор. Четырехтактный, водяного охлаждения, и аж о двенадцати цилиндрах. Расположены они были в один ряд... У меня просто не хватило воображения представить себе эту кишку. Хоть бы сначала автомобили научились нормально делать, а уж потом в небо лезли, подумал я. Но то, что на Джеффри покатили бочку, открывало неплохие перспективы.

Жаль, конечно, что этого уродца англичане задумали слишком рано. Если я прав и в ближайшее время мировой войны не будет, то к ее началу по опыту эксплуатации роллс-ройсовского чуда уже будет придумано что-то попроще...

Это, кстати, общая проблема вооружения любой страны – оно должно быть хорошим, то есть новейшим, и его должно быть много. Но даже богатейшая Англия не может позволить себе содержать свой флот постоянно на пике боеготовности, а уж мы – и тем более... То есть руководство должно четко знать, когда будет война, и именно к ее началу и

готовить вооруженные силы. В этом смысле очень показателен опыт японцев – у них флот строился так, чтобы оказаться готовым и очень мощным именно в девятьсот четвертом году. Начнись война на год раньше или позже – их преимущество было бы под большим сомнением...

Я уверен – еще в девятьсот первом японцы уже не только знали, что будет война с Россией, но и когда она начнется.

Первая мировая война неизбежна, это мы примем за аксиому. А значит, надо сделать так, чтобы именно к ее началу у нас развернулось производство новейших на тот момент самолетов, танков и прочего... Надо точно знать, когда сворачивать опытные работы и запускать в массовую серию то, что будет к тому моменту. А это может означать только одно – дату начала Первой Мировой войны должны назначить мы и сейчас.

Глава 2

Уф, ну наконец-то все, подумал я утром восьмого июля тысяча девятьсот четвертого года. Наконец-то величества женились друг на друге! Кстати, в силу отсутствия прецедента русская императрица теперь называется не по отчеству, а по номеру, то есть ее величество Мария Первая – все-таки действующая королева!

Свадьба вышла на славу. Сложно даже сказать, кто тут был главной звездой – Мари или Маша. Вдовствующая императрица буквально поразила весь Петербург как молодостью и красотой, так и небывалой смелостью своего наряда. Юбка открывала почти все сапоги! В общем, на меня смотрели с завистью...

Как и положено на приличной свадьбе, не обошлось без мордобоя. Я с сомнением оглядел сбитые костяшки пальцев на обеих руках – блин, аж вспомнить неудобно, как коряво я чистил рыло красавчику Сандро! Вот что значит четыре года без практики, надо собой подзаныться, а то мало ли еще чему полезному разучусь...

Правда, Гоша был в некоторых сомнениях – мол, а хорошо ли это, вот так, на людях... Но Мари твердо сказала, что так и надо! Нечего, мол, было всякие скабрёзности говорить в ее адрес. Тем более на французском, который мне несколько незнаком, добавил я.

Но слава аллаху, праздник позади, до коронации еще два месяца, и можно спокойно заняться делами. Причем сегодня не всякими интригами в исполнении моих спецслужб, а мирным, созидательным, так сказать, трудом...

Я взял карандаш. Итак, мы имеем шестицилиндровый дирижабельный тринклер мощностью двести пятьдесят лошадей. Что можно сделать на базе этого механизма? Правильно, танк... Но какой?

От мысли копировать что-то из моего мира я отказался сразу – больно уж извилист оказался путь танкостроительной конструкторской мысли. Итак, что мы можем сами? Полноценное противоснарядное бронирование не потянуть, да оно и не особо нужно на первом этапе. Всяких колесно-гусеничных уродов плодить тоже не будем. Значит, исходя из скорости в тридцать пять км, получаем максимально допустимый вес тонн в двадцать. Компоновка... хм. Почему не получила распространения с движком и коробкой спереди? Вроде так вполне разумно – дополнительная защита самого ценного в танке, то есть экипажа, компактность – не нужен кардан, боевое отделение объединено с моторным, управление опять же удобное... Движок, ясное дело, надо ставить поперек. Вооружение? Ну, пусть будет вариантным – части короткоствольную трехдюймовку, а части – сорокопятку под переделанные из сорока семи миллиметровых бронебойных, которых на складах ну просто девать некуда. Да, и заранее понять – сможем мы в ближайшее время производить литые башни? Или лучше даже не пытаться, а сосредоточиться на сварке...

С местом производства будущих мирных тракторов уже было решено, и в Екатеринбург выехала группа для выбора конкретного места под стройку.

Раз мы собрались-таки делать танки, то понятно, что оставить их без грузовиков я никак не мог. Так что недавно сманенный из Германии в Георгиевск, на автозавод, Луцкой

уже приступил к рисованию трехосной трехтонки под четырехцилиндровый вариант того же тринклера. Если дело пойдет хорошо, то успеем потом на базе грузовика сделать и полугусеничный транспортер...

Время до обеда пролетело незаметно, а после него я принимал Федорова с Мосиным.

— Мы уже начинали обсуждать проблему, — начал я, — но сейчас настало время определиться со стратегией развития российского стрелкового оружия. Как уже говорилось, у имеющегося сейчас патрона только одно достоинство — он дешевый и технологичный. Все остальное — недостатки... Но с прошлого обсуждения появилась одна новость. В руководстве страны принято решение не допустить большой войны в течение ближайших шести-семи лет, и можно использовать эту паузу для перевооружения. Кроме того, заметно улучшившиеся отношения с Германией тоже открывают кое-какие перспективы... Владимир Григорьевич, вам слово.

— Мы сделали опытный образец пулемета под маузеровский патрон, — сообщил Федоров, — он получился на кило триста легче, двадцать процентов дешевле и несколько надежней имеющегося.. Кроме того, маузеровский патрон мощнее нашего, что вовсе не лишнее именно для пулемета. Но делать под него массовую винтовку... Не уверен, что это правильный путь.

— Я обдумал ваше предложение насчет промежуточного патрона уменьшенного калибра, — начал Мосин, — и могу сказать, что шести лет мира для перехода на него мало. Нужно вдвое больше, или мы к войне останемся без винтовок и патронов. А вот ввести промежуточный трехлинейный патрон можно и успеть... Я заканчиваю карабин под него, через месяц смогу представить на испытания. С автоматом — мне нужно еще три месяца, и все равно о их массовом производстве речи пока быть не может.

— Значит, — предположил я, тогда следует принять примерно такой стандарт для формирующихся частей. Стрелковое вооружение — треть автоматы под маузеровский пистолетный патрон, две трети карабины под трехлинейный промежуточный. В каждой роте — пулеметный взвод, плюс еще несколько снайперов, это под маузеровский винтовочный. В полку — батарея легких минометов — это те, что у нас уже есть. В дивизии — артиллерийский полк, вооруженный пушками, гаубицами и тяжелыми минометами.

— В вашей системе вообще не предусматриваются автоматы под промежуточной патрон? — поинтересовался Мосин.

— Только для специальных частей, а мы рассматриваем вооружение основной массы армии. В связи с этим предлагаю подумать, какое именно оборудование надо закупить в Германии, в каком количестве, ну и кого туда послать, наконец, чтоб не проворовался!

После ухода оружейников я переключился на авиацию и внимательно прочитал докладную записку Тринклера. Он предлагал в ближайшее время сосредоточиться на следующих типах моторов:

— Двойная четырнадцатилиндровая звезда — такие моторы стояли на «Кондоре». Путем установки наддува мощность можно будет поднять до пятисот сил, писал Тринклер.

— Семицилиндровая звезда, стоящая сейчас на «Кошках», должна была остаться для легких транспортных и разведывательных самолетов. Наддув на этот мотор не предусматривался.

— Предельно простой трехцилиндровый мотор мощностью порядка семидесяти сил — для учебных самолетов.

У всех движков предполагались одинаковые ЦПГ, клапанные механизмы и головки.

Я написал резолюцию «очень даже согласен, но почитайте мою бумажку!», и, пришив ту самую «бумажку», отложил документ для отправки.

В моей добавке содержалось общее описание и эскизные чертежи тоже четырнадцатилиндровой, но более крупной, сорокалитровой звезды. Мне очень хотелось иметь мотор АШ-82...

Вечером в Гатчину заехал Гоша.

— Я тут провел небольшое такое исследование, — сообщил он мне. — Вот, сравни

пожалуйста два эти списка...

– А чего их сравнивать? Я и так вижу, что они одинаковые. Только почему в правом три фамилии подчеркнуты?

– Объясняю. Правый список – это те, кто уже успел выразить мне свое возмущение безобразным поведением некоего Найденова, который по своей сути есть безродный выскочка, на ужине после свадьбы. Подчеркнуты в нем те, кого на этом ужине не было. Левый – он твой, там перечислены мои родственники, подлежащие... гм... ну, в общем, подлежащие чему-то там. Так это вы с маман что, специально все подстроили?

– Ну, не то чтобы совсем специально, – признался я, – но мысль обозначить им действительное положение дел и посмотреть на реакцию была. А тут подходит эта пьяная рожа, торчащая на почетном втором месте в моем списке, и начинает что-то квакать Мари... Я еще думал, может, ну его нафиг, но Мари взяла и перевела мне его пассаж! Тут уж, извини, думать стало не о чем – раз сама императрица не поленилась при мне переводчицей поработать, значит, простым посыланием тут не обойдешься. Ну я и дал ему в репу...

– А поднимать за шкуру и второй раз давать было зачем?

– Для симметрии.

– Ох, сложная это вещь, высокая политика, – вздохнул Гоша, – особенно для простых натур вроде меня. И, кстати, на тебя генерал-адмирал обижается, что ты его не разбудил перед своей выходкой, он тоже хотел поучаствовать...

Гоша прошелся по комнате и наконец обратил внимание на листы с эскизами танков, специально оставленные на столе. Правда, сверху я положил картинку, имеющую несколько иной характер. Именно ее величество и выбрало к высочайшему рассмотрению.

– О, наконец-то, а то я уже отчаялся посмотреть на настоящий танк... Это Т-35?

– Нет, – хмыкнул я, – это Т-39, он побольше, а в моем исполнении будет еще и плавающим. Вот только мореходность ему никак не сделать приличной, так что Ла-Манш придется переплывать исключительно в хорошую погоду.

С Гоши можно было начинать лепить статую эпического охренения. Наконец до него стало помаленьку доходить...

– Вот именно, – подтвердил я, – фотошоп – страшная сила. А заинтересуются – не пожалее сил, построю пару штук из из фанеры и продемонстрирую, как замечательно они плавают. Надо ведь всему миру показать, чем занимается новый завод! Не это же им под нос совать (я потыкал пальцем в настоящие эскизы), сам видишь – мелковат, не зрелищен... Думаешь, для чего я с таким энтузиазмом ламсдорфовского секретаря ловлю, который, кстати, что-то уж очень подозрительно мордой на Рейли смахивает? Ага, на того самого, который Сидней Джордж. Просто выбить признание, как он Ники травил – мелковато для такой фигуры. А вот если через него наладить канал поставки моего художественного творчества в Англию – это будет самое то! Никакая экономика не выдержит...

– Кстати, – посерьезнел Гоша, – наша бы выдержала... Проект сметы уже начал делать? Сразу предупреждаю, совсем зарезать ассигнования на флот не дам.

– Во как замечательно, – обрадовался я, – мне как раз надо два линейных крейсера. Только хороших, не как эти, императрицы имени катамарана «Машки»... Кстати, надо с Крыловым что-то делать, больно уж вольно он с бюджетом обращается.

– Зачем тебе два крейсера? – с подозрением спросил Гоша.

– Авианосец охранять. А про Крылова ты, значит, согласен? Может, вызовешь его и намекнешь?

– Твоих же любимых классиков тебе напомним, – усмехнулся Гоша. – «Кто есть король? Светлое величество»... А для пугания народа имеется специальный персонаж, которого, кстати, по углам уже называют Гатчинским Коршуном. Что, не знал? Вот что значит Танечка в отпуске!

– Да, – вспомнил я, – ты Дурново утвердил на министра иностранных дел? А то тут послезавтра японская делегация приезжает протоколы к договору сочинять. Хотя это и неофициально, но присутствие настоящего министра там не помешает.

– Еще вчера, – кивнул Гоша, – вполне достойный человек. Теперь ждем реакции от Вилли. Да, ты в курсе насчет его последней просьбы?

– Разумеется, это же не свои клички отслеживать. Не против я, пусть евойные офицеры приезжают и изучают передовой опыт современной войны, нам нечего скрывать от своих друзей... Ну, разумеется, кроме того, что мы вообще никому не показываем. Да, насчет друзей. Вот тут списочек из вооружения, что мы в ближайшее время собираемся загнать в страну восходящего солнца.

– Полностью всю линию по производству авиационных двухтактников? Неслабо... Все новые «Бобики», а нам остаются только первого выпуска и вообще «Тузики»? Ах, музей хочешь устроить, тогда ладно. Я рад за них... Восемнадцать «Кошек»? А, со снятым автоматом вывода из пикирования... «Кондор» номер три? Так его же и строить еще не начали!

– Есть такое слово – «предоплата», – пояснил я. – Вот предоплатят, и начнем.

– Надо будет с Машей посоветоваться, – прикинуло величество, – хватит у них сейчас денег или придется отсрочку давать...

– Вообще-то я предполагал все это учинить по бартеру, – скромно сообщил я. – Понимаешь, мне нужен хороший авианосец. Вот пускай и строят!

– Один нам и сколько-то себе, – уточнил Гоша. – Ты хотел именно этого?

– Разумеется. Нам, даже в случае ухудшения отношений, ихние авианосцы пофигу, через пять лет вся Япония будет в зоне действия нашей береговой авиации. А некоторым остальным такие суденышки у берегов какого-нибудь Пирл-Харбора не помешают, я так думаю.

– Ладно, – встало величество, – это я утверждаю. Но вообще на четверг назначены посиделки в узком кругу – три величества и твоя светлость. Так что копи умные мысли, озаряйся идеями – будем прикидывать черновые наброски первого пятилетнего плана. Здесь, у тебя сидеть будем, в моих покоях.

– Ладно, давно пора... Только вот что я хочу сказать – если принимаем план, то никакого стахановского движения!

– Так это твои prerogatives, – рассмеялся Гоша, – обеспечить... как бы это помягче сказать... правовую базу государственного планирования. Вплоть до уголовной ответственности за перевыполнение, я не против. И еще, чуть не забыл обрадовать! В пятилетку я уже забил и реформу правописания, так что можешь больше бессонными ночами не мучиться вопросом, через «е» или через «ять» пишется твое любимое слово «хер».

Глава 3

Все-таки нельзя разведчику быть таким бабником, думал я, разглядывая своего собеседника. Бывший секретарь бывшего министра иностранных дел таки попался, причем именно Татьяниной службе и самым тривиальным образом...

– Ну, господин Каминский с паспортом на имя британского подданного Рейли, а на самом деле уроженец Херсона Зигмунд Маркович Розенблюм, – начал светскую беседу я, – вы как, будете сознаваться сразу или предпочитаете сначала познакомиться с учениками господина Гниды? Вот только такую удивленную рожу делать не надо, не верю я, что вы ничего не слышали о моем седьмом отделе. Что? Это вы мне? Ну и наглец... Господин младший следователь, у вас есть пятнадцать минут на работу с этой скотиной, я пока тут прогуляюсь маленько по коридору...

Младший следователь господин Ли как всегда оправдал доверие, и через пятнадцать минут Розенблюм был уже несколько более расположен к откровенной беседе. То есть в покушении на Мари, которое вылилось в отравление Николая, он сознался, но утверждал, скотина такая, что сделал это не по заданию Сикрет Сервис, а из революционных побуждений – он-де старый социал-демократ! Услышав такое, господин Ли виновато развел руками – мол, извините, небольшая недоработка, я сейчас...

– Слушайте, вы, Зигмунд, который Шломо, – поморщился я, – постарайтесь понять простую вещь. Ни возвращение в Англию, ни даже хоть сколько-нибудь свободная жизнь вам уже не светит ни при каких условиях. Все необходимые нам сведения вы все равно расскажете, можете не сомневаться. И выбор у вас только в том, насколько вы будете похожи на человека после этого... Если похожи, то проживете еще довольно долго в комфортабельной камере, иногда, может быть, и выбираясь с соответствующими мерами предосторожности на улицу. А если показывать вас будет уже нельзя, то... в общем, сами увидите. Господин Ли, теперь у вас есть трое суток.

Разумеется, в разговоре с пойманной легендой английского шпионажа я несколько лукавил. Он мне был очень нужен живым и относительно здоровым, готовым в любой момент рассказать мировому сообществу о страшных злодеяниях английских секретных служб... А кроме того, один из Бениных сотрудников был весьма похож на этого Сиднея Розенблюма, что тоже открывало неплохие перспективы. Дело в том, что в Лондоне скоро должен был произойти несчастный случай, в результате которого некий полковник Фрезерджил прикажет нам долго жить... А больше в Секрет Сервис никто Розенблюма близко и не знал – а за пару встреч досконально запомнить человека, да чтобы через год обнаружить, что он несколько изменился, это далеко не у всякого получится. Потому как без хорошей информации и без еще лучшего канала втюхивания дезы нам труба, думал я, идя из подвала левого крыла Гатчинского дворца на второй этаж своего правого крыла. Мне еще оставался вечер на обдумывание вопросов к завтрашнему совещанию...

Итак, впервые новая правящая верхушка Российской Империи собралась в полном составе и при этом рядом никто не помирал, ничего не горело и не взрывалось. Каждый из нас предупредил своих подчиненных, что отвлекать его можно только в случае мировой войны или аналогичных неприятностей.

Первой слово взяла Маша. Слово это было коротким и доступным даже мне, несмотря на мою далекую от безграничности осведомленность в тонких финансовых материях.

– Нате, читайте, – сказала ее величество, раздавая нам по листочку бумаги.

«О мерах по частичному восстановлению золотого стандарта», – прочитал я заголовок и с подозрением посмотрел на племянницу. Гоша с хитрым видом следил за мной – он-то наверняка уже был знаком с супружиним творением. Мари спокойно читала свой документ, причем даже не надевая очков – почему-то, в отличие от меня, походы по порталам улучшили ей и зрение. Я попытался вникнуть в текст, и со второго раза у меня начало получаться.

В самом начале войны еще Николай с нашей подачи резко ограничил возможности вывоза золота из страны, мотивировав это начавшейся войной. Мера получилась непопулярная, но тогда сразу случилось столько событий, что конкретно по этому поводу мало кто возмущался. Теперь, в силу закончившейся войны, ситуацию предлагалось вернуть к довоенной... Почти. Вывоз золота был разрешен, но только с согласия специального комитета при министерстве финансов. Для получения согласия нужно было заполнить декларацию, причем неточности в ней подлежали уголовному преследованию с конфискацией имущества. Аналогичная картина была и для заграничных валют, а вот все ограничения на вывоз рублей снимались. То есть под видом частичного восстановления золотой стандарт имени покойного Витте был практически похоронен...

– Замечательно, – выразил свое отношение я, – у меня, кстати, есть предложение в тему. Оно в том (я вытащил пару листков из своей папки), что в уголовном праве просто недопустимо мало статей с конфискацией. Вот, значит, мои предложения по расширению этой чрезвычайно действенной меры, в основном я предлагаю дополнить этим большинство политических статей. Ну и некоторые уголовные такая фенечка очень украсит... В общем, вместо всех этих уложений и сводов пора нормальный уголовный кодекс писать, причем поручать это минюсту как-то не хочется, напишут не того да еще растрезвонят об этом по всему свету. Так что предлагаю создать рабочую группу и приступать, не откладывая... Мои предложения по персоналиям на втором листе.

– Возражения есть? – обвел нас взглядом Гоша. – У меня тоже нет, так что принимаем оба предложения.

Он сделал пометку в своих бумагах.

– А теперь – то, что хочу предложить я, реформа образования. Подробно она расписана там, – он показал на три тоненьких брошюры, – а я вкратце поясню, что предлагается. Обязательное всеобщее четырехклассное образование. Да понимаю я, что не успеть за пять лет, но начать-то нужно! Увеличение числа реальных училищ на балансе государства и перевод классического образования на полную самокупаемость. Так что греческий с латынью желающие будут зубрить за свой счет... Уточнение статуса императорских высших учебных заведений. То есть раз они императорские, то бесплатные, но учат там тому, что надо императору и так, как он указал. Что никоим образом не отменяет частных вузов, где вольнолюбивое студенчество сможет колбаситься как сейчас, но только уже целиком за свои деньги. Создание сети государственных педагогических училищ и, главное, разработка мер, которые сделают обучение там престижным... Жора, это к твоему информбюро. Профтехобразование по образцу того, что сделано в Георгиевске – вроде неплохо получилось. Отдельный вопрос – кому все это поручить, есть предложения?

– Есть, – усмехнулся я, – замечательная кандидатура, зовут Оля Оболенская (то, что на самом деле она сестра Татьяны и ее фамилия Кубышкина, знал только я). Организация поездов-госпиталей у нее получилась отлично, да и вообще ее вклад в медицинское обеспечение войск оценивается весьма неплохо – из девочки вырос толковый администратор.

– Назначить ее министром просвещения? – усомнился Гоша.

– Зачем? Она работает дуэтом с великой княжной Ольгой, вместе у них замечательно выходит... Вот и назначить Ольгу-высочество главой госкомитета по делам образования, а Оболенскую ее товарищем.

– Поддерживаю, – кивнула Мари. – А вот реформа правописания... Это обязательно?

– Маман, пожалей Жору! – засмеялся Гоша. – Он мне уже четыре года про это плачется...

Мой пятилетний план развития промышленности особым возражений не вызвал. Правда, Гоша поначалу порывался увеличить цифры, утверждая, что деньги он как-нибудь найдет. Пришлось минут десять объяснять ему, что дело не в деньгах, а в кадрах – рабочих просто мало. И переток части крестьян в города проблему не решает, потому что из них получаются только подсобные рабочие... Поэтому я исходил из кадровых, а не финансовых соображений.

Машины предложения о внутренних займах с выигрышными облигациями возражений не вызвали.

У Мари своих предложений не было. Вообще чувствовалось, что ей скучновато, но она считала присутствие здесь своим долгом и безропотно его исполняла.

После обеда началось обсуждение внешнеполитических проблем.

– Гатчинский договор с Германией накануне подписания, – объявил Гоша. – В нем стороны обязуются помогать друг другу в случае нападения на них какой-либо третьей стороны. Помощь разделена на обязательную – это прекращение торговли с агрессором, и прямую военную, которая может оказываться по просьбе подвергшейся нападению стороны.

– А что скажет приезжающая на днях французская делегация? – поинтересовалась Мари.

– Это вопрос к дяде Жоре, он у нас предиктор, – хмыкнула недовольная императрица.

– Что скажет? Вопить будет, слюной брызгать, – предположил я, – напоминать про союзный договор... Я его, кстати, почитал и могу сказать, что буквы мы не нарушаем, договор с Германией – это не союз. То есть пока Франция ни на кого не напала, ее эта бумага вообще не касается.

– Я хочу сделать заявление, что Россия готова заключить такой договор с любой

поддерживающей ее мирные устремления страной, – уточнил Гоша.

– Окстись, – испугался я, – к тебе же через пять минут сербский посол прибежит! А этим только дай волю, так на них все Балканы нападут и половина остальной Европы в придачу.

– Идея! Надо сопровождать договор... э-э-э... назовем это взаимозалогом. То есть стороны обязуются разместить друг у друга определенные средства... Чтоб всякая нищета хулиганистая в компанию к серьезным людям не лезла, – озарилась Маша.

– А Черногория?

– Дядя, я тебе самая богатая женщина планеты или кто? И черногорско-курильская королева, между прочим... Так что не тронь мою Черногорию, с ней все в порядке. Кстати, действительно, а почему у нас с этой империей до сих пор такой бумаги нет? Ваше величество, это недоработка.

– Отлично, – обрадовался Гоша, – договор потихоньку обретает черты общеевропейской системы коллективной безопасности...

– С нарушителями которой мы будем поступать очень строго, – кивнул я. – В связи с чем меня несколько беспокоит Австрия...

– Но у нас же с Габсбургами терпимые отношения, – пожалла плечами Мари.

– Ага, настолько терпимые, что во время войны пришлось перебросить к австрийской границе еще две дивизии, – уточнил Гоша. – Причем Вилли утверждает, что Вена с ним не консультировалась и вообще он по поводу ее поведения в некотором недоумении...

– Англии нужен кто-то, согласный воевать за ее интересы с Россией, – высказал я свое видение ситуации. – И в качестве этого «кого-то» Австрия вполне сойдет... Я прогнозирую усиленную активность британских дипломатов в Вене. Вопрос же в том, как нам на это реагировать. Кстати, и в Германии последнее время начались какие-то проанглийские шевеления, возглавляемые вроде Каприви... Я этим уже занимаюсь.

– А что мешает заняться тем же самым и в Австрии? – не поняла Маша.

– Неясность вопроса – а очень ли она нам нужна. Ведь если окажется, что настроить Австрию против России не получится, в Англии мгновенно забудут все противоречия со Штатами и начнут их обхаживать по полной программе. Оно нам надо?

– Значит, вопрос с Австрией нуждается в дополнительной проработке, – подвел черту Гоша. После чего помолчал, обвел нас взглядом и продолжил:

– Я хочу внести в пятилетний план еще одно направление. Только заранее прошу не вертеть головами в поисках санитаров... Россия открывает космическую программу. Разумеется, я не жду реальных полетов ни в этой, ни в ближайших следующих пятилетках, но понемногу начинать надо. В частности, и для того, чтобы было чем увлечь активную часть молодежи...

– При чем тут санитары, я бы и сам такое предложил, разве что чуть позже. Но раз будет государственное финансирование – очень хорошо.

– Не только государственное, – уточнила Маша, – я, как частное лицо, тоже внесу посильную лепту.

– Не разоришься?

– Наоборот, – негромко сказал Гоша.

А, подумал я, все та же вечная тема, почему это все филантропы – очень богатые люди, где тут причина, а где следствие... Вслух же сказал:

– Ставить во главе проекта Циолковского категорически нельзя.

– И не будем, – кивнул Гоша, – Поморцев же справляется? Вот его и нагрузим немножко. А Циолковский будет Главным Теоретиком космонавтики, ведь должен же быть такой? И ее главным популяризатором заодно.

На этой оптимистической ноте и закончилось первое заседание того, что потом получило неофициальное название «политбюро».

А с утра я отправился в подвал левого крыла, где некто Рейли-Розенблюм буквально места себе не находил от желания со мной поговорить. Меня сопровождал сотрудник

шестого отдела Игорь Рюмин.

По дороге я несколько беспокоился, не перестарался ли младший следователь, ведь не прошло и двух суток, но увиденное меня успокоило – клиент имел вполне товарный вид. Седина ему даже шла, а дрожал и заикался он только наткнувшись взглядом на господина Ли...

– Я так понимаю, что вы раздумали пудрить мне мозги про приверженность идеалам социал-демократии? (собеседник быстро закивал). Ну и хорошо... Значит, вас переводят в более комфортабельную трехкомнатную камеру. С вами будет жить господин... э... господин Максим Максимович Исаев. Он вас подробно расспросит про работу на Секрет Сервис, ну и вообще про жизнь... А в случае чего – вы, самое главное, не волнуйтесь! – господин Ли всегда сможет помочь вам принять правильное решение, даже не дожидаясь специальной просьбы... В общем, как кончите икать, можете собираться, вас проводят.

Глава 4

Надо же, уважительно подумал я по внимательном прочтении пятилетнего плана в области образования, величество неплохо поработало! Причем видно было, что автором документа является именно Гоша.

Первым этапом было максимальное приближение к всеобщей грамотности. До развертывания сети начальных школ движущей силой процесса должны были стать георгиевцы (подготовленные в преддверии войны агитаторы для работы в глубинке) и приходские священники. Крестьянам, имеющим грамотных детей, полагались налоговые послабления, вплоть до полного освобождения на какой-то срок, по критериям как количества – детей много, так и качества – если их один-два, но они шибко грамотные относительно среднего уровня.

В городах задача возлагалась на предприятия. Частные ставились перед выбором – или обеспечить рабочим и, главное, их детям возможность учиться, получив за это налоговые льготы, или не делать этого и со следующего года платить специальный налог, величину которого еще требовалось обдумать. . На госпредприятиях у дирекции просто появлялась дополнительная головная боль, а чтобы они не очень пищали, имелась приписка «ответственный – ГК, меры убеждения на его усмотрение». В армии, естественно, обучение солдат грамоте возлагалось на командиров.

Тут, конечно, высокого качества образования ждать не приходилось. Но ведь требовалось всего лишь научить людей читать, с этим справится каждый третий.

Далее предполагались единые программы для всех государственных начальных и средних учебных заведений, примерно слизанные с советских – один иностранный язык, треть часов на гуманитарные дисциплины, две трети на естественные. После восьми классов желающий продолжать образование имел выбор – ПТУ (два года), техникум (три) или подготовительное отделение ВУЗа (год). Тут учащимся уже полагалась стипендия – в ПТУ всем, в техникумах и ВУЗах только отслужившим в армии или отличникам.

Учебники должны были стать едиными для всей империи, причем тут уже имелось прямое обращение ко мне: «за образец принять те, по которым учился ГК, ответственный он же».

Затем предполагалось создать государственную систему отбора способных – конкурсы, олимпиады с призами и специальные люди, которые будут следить, чтобы выявленные таланты имели возможность продолжить и расширить образование.

Выделялись средства на специальное издательство «Наука», основной продукцией которого должны были стать научно-популярные издания. На моем экземпляре Гоша от руки приписал: «будь добр, найди Перельмана и помоги ему написать его занимательные физику, математику и прочее». Молодец его величество, самокритично подумал я, царапая срочную записку в секретариат. Кончался документ еще одним призывом ко мне: «раз уж не хочешь писать сам, подготовь к изданию учебник по изобретательству твоего Альтшуллера!».

Тут я задумался. Ситуация выглядела так: вдобавок ко всем моим обязанностям на меня еще маленько навалили. А что должен делать нормальный начальник среднего звена, если высшее начальство что-то ему поручило? Правильно, тут же перепоручить это вниз! По тем направлениям, которыми я занимался давно, это примерно столь же давно и было сделано, но мне захотелось решить задачу в общем виде. Итак, кто я есть? Личный представитель императора для работы на каких-то делегированных им мне направлениях, причем в порученных областях мои права равны императорским. Значит, нужны какие-то уполномоченные уже мной люди, с правами канцлера, но только ограниченными как по времени, так и по месту. Например, вот эта возня с грамотностью – несколько заводов поручаются комиссару, который смотрит, хорошо ли администрация выполняет приказ насчет учить читать. Если хорошо – открывает первую страницу служебной инструкции, где прописаны поощрения, и выбирает. Если плохо – на то будет вторая страница...

Итак, как только величество поручает мне что-то новое, я тут же вызываю из резерва комиссара, наспех царапаю ему бумажку с задачей и правами по ее решению, и отправляю служить отечеству. То есть прямо тут, во дворце, благо он большой, в ближайшее время должна появиться контора – Исполнительный Комиссариат ГК. Кадры? Ну, для начала Танечку и Беню ограблю человек на пять-семь каждого, а дальше уж пусть они сами штаты расширяют. Кстати, пусть эти комиссары шастают в черной форме наподобие моей, но попроще, примерно как у штурмфюреров.

Пока я воспарял мыслью на бюрократические темы, позвонили из секретариата и сообщили, что Перельмана искать не надо. В данный момент он находится в Георгиевске, конкретно – в гостинице Приемного парка, и пишет книгу про авиацию. Грант на это дело, между прочим, прошел за личной подписью вашей светлости...

М-да, подумал я и включил терминал узла связи – умеренно секретные переговоры можно было вести и из моего кабинета. Вызвав Георгиевск, я попросил без особой срочности связаться с Татьяной.

Действительно, припомнил я, подписывалась такая бумажка во время моего последнего прилета, вот только фамилия соискателя не запомнилась – кто же знал, что это тот самый Перельман! А тут и Татьяна вышла на связь.

– Добрый день, Танечка, – приветствовал я ее. – Вы когда в Питер вылетаете? Нет, не волнуйтесь, не тороплю, завтрашнее утро меня вполне устраивает. Нет, ничего не случилось, разве что меня тут птичьей кличкой обозвали, а я и не знал... Это самое, там в Приемном парке сидит популяризатор Перельман... Что? Нет, не от слов «лизать попу». Он писатель, пишет простыми словами про сложные вещи, конкретно сейчас – про самолеты. Очень полезный господин, захватите его с собой в Питер. Со всей возможной вежливостью, уточняю...

Чуть забегаю вперед, скажу, что услышанное слово Татьяне очень понравилось, и она долго еще называла директора моего информбюро, Константина, исключительно «популяризатором».

Сразу по прилету Татьяне предстояло взвалить на себя еще один геморрой – предстоящую коронацию их величеств. Совместно с Бенею, ибо дело было до крайности важное.

Наверняка народ прекрасно помнил Ходинку, и надо было проследить, чтобы эта коронация настолько отличалась в лучшую сторону от предыдущей, что даже самый тупой обыватель начнет делать правильные выводы. А с другой, было бы крайне желательно такое развитие событий, при котором за промахи в организации торжеств Гоша имел бы повод выразить московскому генерал-губернатору великому князю Сергею свое неудовольствие. От того, как он на это прореагирует, зависела его судьба – на своем месте в новом царствовании он был совершенно не нужен, но и сразу вот так, с ходу устраивать ему несчастный случай было бы проявлением неуместной торопливости.

Кстати, их величества изволили пожелать явиться в Москву на самолетах, причем со своей ближайшей свитой, благо размеры двух наших «Кондоров» позволяли. Ну, Маша

ладно, а вот у Гоши откуда такой садизм – половина же весь полет будет пребывать в обмороке от страха... Хотя надо будет посмотреть, кого он собирается посадить в первый борт, на котором полетит сам, а кого во второй, к императрице-королеве. Врачей, что ли, добавить в состав пассажиров? Нет, нафиг, в программе обучения стюардесс есть оказание первой помощи, вот пускай и тренируются. А вот памятку для летящих в первый раз надо обязательно составить, где крупными буквами будет категорически запрещено что-нибудь есть перед полетом и столь же категорически рекомендовано перед покорением пятого океана обязательно посетить сортир.

Отдав распоряжение отправить группу из Георгиевского БАО в Тушино на предмет начала подготовки летного поля, я снял трубку и велел запускать пришедшего ко мне визитера. Встретил я его стоя.

Евгений Сергеевич Боткин зашел в мой кабинет и остановился в некоторой растерянности.

– Прошу, – я показал на стул около журнального столика, на котором уже стояли чай, кофе простой, растворимый и какие-то печенюшки к этому.

– Нам не довелось встретиться с вами на войне, – начал я, – но ваша деятельность там известна мне достаточно хорошо и ничего, кроме восхищения, не вызывает. Хотите заняться тем же самым, но в масштабах всей России? При Его Величестве образуется комитет по народному здравоохранению. Со временем, я думаю, он станет министерством. На пост главы этого комитета и предлагается ваша кандидатура.

– Но я же всего лишь врач...

– Один из лучших в России. Именно такой и нужен во главе создаваемого учреждения. То есть вы, как врач, будете говорить, что надо делать. Находящиеся же в вашем подчинении чиновники придумают, как им реализовать ваши планы.

– А если не придумают? – осторожно спросил доктор.

– Я помогу. Зря вы на меня так смотрите, я, а не мой особый отдел... Назначению именно вас есть две причины. Первая, как я уже говорил – вы хороший врач. Вторая, не менее важная – у меня нет ни малейших сомнений в вашей высочайшей честности. То есть вы не допустите, чтобы из дела сохранения здоровья русского народа кто-то сделал себе кормушку... А суммы будут весьма значительными.

– Но у меня же совершенно нет опыта! И, позвольте спросить... У вас в Георгиевске имеется чрезвычайно эффективная организация, я интересовался ее работой – Департамент охраны материнства. У госпожи Княzewой как раз есть большой опыт успешной работы именно в области медицинского администрирования...

– Увы, по многим важным причинам назначить Княzewу главой здравоохранения нельзя, – вздохнул я. – Но всю необходимую помощь она вам окажет, завтра я познакомлю вас с этой действительно выдающейся женщиной. Вы согласны?

Бюджет здравоохранения в самом деле планировался очень приличный, примерно как на содержание императорского двора. И, кстати, в основном оттуда и взятый... Их величества (все три) уже пожертвовали большую часть своего содержания на медицину, и теперь мне предстояло смотреть, с какой скоростью их примеру будут следовать все остальные получающие значительные средства от казны лица. Пристально смотреть, с большим и несколько нехорошим интересом...

Вечером, разбирая бумаги, я наткнулся на конверт от Гоши. Надпись на нем интриговала:

«Не важно и не срочно, но интересно». Мне стало именно так, и я быстро вскрыл конверт. Там оказались два документа – совсем маленькая бумажка и чье-то объемистое машинописное творение на трех страницах. Маленькая бумажка оказалась запиской от Гоши:

«Я в некотором недоумении. По-моему, все, что мне написал Лев Николаевич, или общие слова, или бред. Но, возможно, я что-то недопонял, так что ты, как специалист по чтению между строк, тоже ознакомься с творением великого русского писателя. Может,

даже ответить соберешься, если да, то разрешаю от моего имени»

Опа, так мне, как будто в школе мало было уроков литературы, предстоит снова читать поток мысли этого долгобородого графа? Правда, тут немного, осилю... Что это он Гошу братом называет? Хотя хорошо хоть не внучком... так... вооруженное подавление рабочих восстаний уже легло черным пятном на вашу репутацию... Где же этот пахарь восстания видел, тем более с подавлением? А, в Туле был еврейский погром, полиции пришлось стрелять... Своеобразно. Так, а это еще что? «Олицетворение дьявола у подножия трона» – да кто же это у нас такой, я вроде тоже недалеко от того самого трона обитаю? Ах, это я и есть... Душитель свободы? Тоже вроде я, да, действительно, приметы совпадают... и кого это я придушил? «Русское слово» – было что-то такое, Бенья докладывал, так там никого даже не покалечили, не говоря уж о большем! Так, объяснили маленько о правилах поведения прессы во время войны, причем ведь поначалу словами объясняли, жесты начались уже потом. Так, тут что, вся страница про меня? Да, и треть следующей тоже, между прочим. И когда же он к делу перейдет? Про землю... ладно. И это все? Негусто, однако.

Итак, попробуем написать краткий конспект этого произведения... Какие тут основные мысли? Вроде просматривается три штуки:

Первая – управление состоит не в угнетении народа, а в ведении его к добру и свету. Тут даже отвечать ничего не хочется, это лучше какую-нибудь эльфятину про борьбу света с тьмой почитать...

Вторая – Найденов есть гад ползучий. Начхать, он не первый и не последний, кто так думает...

Третья – все беды от частной собственности на землю. Эх, в колхоз бы тебя, размечтался я. И ведь не предлагает ничего взамен! А то мы не знаем, что землей можно спекулировать.

Но некоторую гордость я все же испытал. Не каждый удостоивается кляузы от автора «Войны и мира»! Вырезав из текста страницу со своей характеристикой, я убрал ее в стол, пригодится. И задумался – писать ли ответ, если да, то о чем, и если о его предложениях, то от чьего имени?

Быстро пробежав глазами остальную корреспонденцию, я все-таки решил потратить остаток вечера на ответ папе Анечки Карениной. Итак, чья подпись будет стоять под моим творением? Однозначно Гошина! Во-первых, она красивей. Во-вторых, после характеристики, данной мне графом в его труде, есть риск, что бумага с моим автографом сразу окажется в печке, еще до прочтения, чего не хотелось бы. У меня появилась мысль попытаться направить энергию яснополянского земледельца на что-нибудь полезное. Это же не показатель, что лично мне фэнтези не нравится, а так вполне даже разновидность литературы. Но не пишет ее пока никто, вот в чем дело! Так что включаем ноутбук, где у нас тут Гошин почерк? Вводим...

– Дорогой старший брат! – застучал по клавишам я. И дальше изложил простую мысль – даже если предположить, что величество знает, в какой стороне свет, то все равно вести туда народ не получится, ибо этот народ разбредется. Нет в нем даже отдаленного подобия единства во взгляде на эту проблему... А чем в это время занимается совесть нации? С церковью собачится! И в перерывах на Найденова доносы пишет... Ну нельзя же так расходовать ваше драгоценное время, вдохновенно писал я, – мелочь он, этот Найденов, при дворе и погаже экземпляры есть, приезжайте, познакомлю. А народ все больше путается в вопросах, где свет и что такое добро... Напишите ему про это, а? И лучше в аллегорической форме, так получится доходчивей.

Дальше я описал все, что помнил про орков, гоблинов и эльфов. Упомянул троллей и хоббитов, пересказал своими словами содержание «Властелина колец»... Правда, тут я не мог ручаться за точность, потому как книгу не читал, не пошла, а смотрел фильм в обработке Гоблина. Но ничего, Лев Николаевич и этого не видел...

Вот так, подумал я, заклеивая конверт, посмотрим, родится в земле российской новый Перумов или я зря мучил ноутбук? А то ведь как-то неправильно получается. Такой писатель

в такое время – и сидит без дела...

Глава 5

К августу в зарубежной прессе уже начали появляться приличные аналитические материалы по итогам русско-японской войны. Англичане, утешившись многими публикациями о поражении России, наконец-то закончили анализ единственного крупного боя в Желтом море. Выводы были сделаны правильные, во всяком случае мне они понравились...

Основным поражающим фактором в бою линейных кораблей является огонь главного калибра, решили они – и правильно, на «Микасе» и «Фудзи» были их наблюдатели. Бомбы, говорилось дальше, лишь в исключительных случаях пробивают бронепалубу. Урон от огня вспомогательного калибра тоже не очень велик. Отсюда был сделан вывод о необходимости нового типа линейного корабля, в обсуждаемых параметрах которого уже проскальзывали черты будущего «Дредноута». Про подводные лодки единого мнения еще не было – потому как достоверные сведения имелись только по «Дельфину», а он никак не тянул на грозу морей.

Во Франции развернулась дискуссия между Лавалем и Фошем. Первый считал, что русско-японская война показала – правильно построенную, глубоко эшелонированную оборону пробить невозможно. Фош с этим не соглашался. Аргументировал он свое несогласие тем, что в рассматриваемой войне снабжение было затруднено для обеих сторон, и в силу этого, а также некоторой дикости ее участников русско-японская война не может быть показателем. Судя по всему, в склоке возьмет вверх Фош, думал я. И вовсе не потому, что он более прав, а исключительно в силу национальной французской идеи-фикс насчет забратия взад Эльзаса с Лотарингией, о чем можно было мечтать только при наступательной военной доктрине. Так что в грядущей войне вполне можно будет увидеть результаты и похлеще гор трупов на Ляодунском перешейке, пулеметы совершенствуются быстро, да и минометы не отстают.

С редким единодушием удачное применение нами ракет было объявлено случайностью и исключительными условиями перешейка. Англичане даже не постеснялись напомнить, что почти сто лет назад именно они и именно ракетами сожгли Копенгаген... Хамы, честное слово – нашли чем гордиться.

Наиболее разумные выводы были сделаны в Германии, Шлиффеном. Он писал, что сторона, добившаяся на решающем участке фронта подавляющего преимущества в артиллерии, авиации и пулеметах, добьется успеха независимо от того, наступательное это сражение или оборонительное. В результате в Гатчине уже сидела не только японская делегация, утрясавшая тонкости секретного протокола, но и немецкая, с которой мы торговались насчет лицензий на наш хайтек. В частности, мы уже договорились насчет постройки немцами «под ключ» двух патронных заводов в обмен на лицензии по производству пистолета-пулемета и единого пулемета, а также авиационных моторов нового поколения. Кроме того, планировались совместные работы по «Арию-Бисмарку», постройку которого кайзер собирался начать в ближайшее время.

Через два дня я был в Москве – пора было готовить вторую столицу к коронации. Я сразу выбил себе право не присутствовать официально ни на каких мероприятиях – ибо мне и неофициальных дел хватит. Поначалу я остановился в штаб-квартире Гоше-Машиной финансовой империи на Даниловской, ибо, хотя финансы позволяли, а положение обязывало иметь в Москве собственный дом, по некоторым причинам его приобретение было отложено на после коронации. Главная из этих причин называлась Сергей Александрович Романов, являлась братом позапрошлого монарха и занимала должность московского генерал-губернатора. Собственно, не успел я толком распаковаться с дороги, как явился генерал-губернаторский адъютант даже не то что с просьбой, а с требованием рассказать о целях моего приезда в первопрестольную. То есть великий князь Сергей сразу пошел на

обострение, что было хорошо, ибо снимало некоторые неудобства морального плана.

– Цели мои просты, прямы и незатейливы, – честно признался я, – и состоят в возможно более точном исполнении данных мне Его Величеством указаний.

Адъютант долго ждал продолжения, но его, понятно, не последовало.

– И это все? – нервно спросил он наконец.

– Разумеется! – с энтузиазмом воскликнул я. – Ну какие еще могут быть цели у подданного российской короны, кроме максимально точного и быстрого исполнения приказов императора? Или вы считаете, что допустимы еще какие-то устремления? Извините, но согласиться с вами в этом я никак не могу.

– Но хотя бы поставить в известность о направлениях своей предполагаемой работы вы можете?

– Ну какой же вы странный! – всплеснул руками я. – Неужели вы думаете, что среди императорских приказов один был про то, что о содержимом всех остальных я могу говорить с кем угодно? И вообще, что за манеры у вашего шефа? По происхождению мы с ним равны, оба дяди императорских особ, по должности я его превосхожу... А что должен делать государственный чиновник в случае приезда вышестоящего начальства? Первым делом прибежать и представиться! В общем, идите отсюда, вы мне надоели.

Замечательно, подумал я, когда возмущенный до глубины души адъютант его высочества выскочил за дверь. Сергей Александрович и раньше относился ко мне без особой приязни, а уж теперь его чувства должны существенно усилиться.

Дело было не в том, что великий князь Сергей был плохим генерал-губернатором – он был слишком независим и при Ники практически превратил Москву в свое удельное княжество. А кроме того, что у него в подчинении были московские жандармы во главе с Джунковским, полиция и охранка, он был еще и командующим МВО! То есть независимость князя Сергея имела под собой весомые основания. Еще при Николае мы прикидывали, что будет, если великие князья, обладающие реальной силой, то есть генерал-адмирал, Ник-Ник-младший, Владимир и Сергей объединятся в нежелании видеть данную фигуру на троне. Получалось, что фигура слетит оттуда как миленькая... Но теперь дядя Алексей вошел в нашу команду. Ник-Ник поддерживал Мари, Владимир был занят своими внутрисемейными неприятностями. Неохваченным оставался только Сергей. Надеяться, что он станет с пониманием трудиться в нашей команде, было глупо, и оставалось только начать работу по освобождению московского градоначальнического кресла, что я и делал. Поводом к проявлению высочайшего неудовольствия должна была стать организация коронационных торжеств. Здесь князь Сергей ухитрился сразу неплохо мне подыграть – он, помня, во что вылилась раздача подарков на Ходынке, в этот раз решил производить ее децентрализованно. Мысль-то была нормальная, а вот исполнение... Раздачу предполагалось производить по околоткам.

Полиция в Москве и так не пользовалась всенародной любовью, а тут еще такой соблазн... Причем там, где ему не последуют и не украдут ни одного из подарков, слухи все равно будут, об этом я уже позаботился. Ну и нетрудно представить, что начнется в райотделах полиции, когда выяснится, что подарков на всех очень даже не хватает... А потом приедут люди канцлера, и все станет хорошо. Людей же у меня в Москве было немало...

Во-первых, тут находились приехавшие с фронта два эскадрона казаков Богаевского, причем те, в программу обучения которых входило и пресечение уличных беспорядков.

Во-вторых, имелся полк калединских ветеранов со всеми средствами усиления – ну, это уже на крайний случай, если что-то пойдет совсем наперекосяк.

В-третьих, сюда были командированы две трети сотрудников шестерки и «ДОМа»

А еще в Москву незаметно прибыла третья рота суворовского училища, находящегося под официальным патронажем Мари и Татьяны. Ибо, напомним, в число официальных обязанностей последней входила и охрана детства. Но ведь детишек гораздо проще охранять, когда они собраны в компактную группу, живут в казарме, ну и так далее... В общем,

получилось суворовское училище. Его первая рота была инкубатором кадров для авиации, вторая – для армии, а третья – для секретных служб. Недавно она закончила проходить практику.

Сразу после окончания войны в Серпухове, Туле и Подольске стали появляться фургоны из Георгиевска, которые раздавали народу подарки в честь победы над врагом. Задачей экипажей было научиться строго дозировать беспорядки, причем в широких пределах – от полного бардака до безукоризненной очереди. Мальчикам помогали казаки, но их было не очень много. Могу сказать, что под конец стало получаться совсем неплохо... Нашелся действенный прием – в момент, когда толпа того и гляди снесет фургон, вдруг появлялись слухи, распускаемые самыми мелкими пацанами, что в этой машине фигня, а не подарки, вот сейчас приедет другая, но даст только не успевшим отовариться с первой... В общем, практика подобных мероприятий у моих людей была.

Кстати, несмотря на циркулирующие по Москве слухи о голубизне великого князя, моим службам так и не удалось найти достоверные подтверждения оным. Но зато специально организованная группа папарацци уже наснимала кучу кадров, где генерал-губернатор пребывал в довольно идиотских видах, а на коронации планировалось сильно пополнить эту коллекцию.

И вот она наступила...

Я сидел на Даниловской и слушал донесения. Все шло по планам.

Беспорядки на Тверской. Локализованы силами полиции.

На Якиманке – полиция не справилась, порядок наводили казаки.

Ну и так далее, весь день...

Вечером я с десятком отборной охраны ждал за дверями Георгиевского зала Большого Кремлевского дворца. Вот пискнула рация в моем кармане... Я кивнул, и два самых здоровых бойца могучим синхронным пинком распахнули передо мной двери. Мимоходом получив по морде, улетел в угол бросившийся нам наперерез некто в мундире. Народ застыл, и в наступившей тишине мощно прозвучал хорошо поставленный голос Гоши:

– Господин генерал-губернатор, что вы позволяете себе перед лицом императора? Повелеваю вам немедленно покинуть помещение и у себя дома ждать моих дальнейших распоряжений! Господин канцлер, проследите за выполнением приказа.

– Слушаюсь, – сказал я. За моей спиной лязгнули взводимые затворы автоматов.

Великий князь надменно глянул на меня, и, ничего не сказав, прошествовал мимо моей охраны к выходу. Я тоже двинулся за ним, но у самого выхода был остановлен высокой женщиной, очень похожей на Аликс, но постарше и, пожалуй, покрасивей ее. Это была жена Сергея, Елизавета.

– Могу ли я поговорить с вами? – спросила она.

– Говорите, – пожал плечами я.

Она оглянулась по сторонам и, видно не обнаружив поблизости знакомых лиц, тихо сказала:

– Прошу вас, не убивайте его...

– Вы же слышали императорский приказ, – несколько удивился я, – и насчет убить там не было ни слова. Или я что-то пропустил?

– Ах, оставьте, я же все понимаю... Сережа не сможет молча перенести отставки, он что-нибудь сделает, и это станет для вас поводом... Ну скажите же мне, что я не права!

– Вы действительно не правы, – кивнул я, – но только в одном. Как только он начнет делать что-либо неподобающее, это станет не поводом, а причиной. Если не начнет – причины не будет.

– Ах, не надо, – всхлипнула дама, – это же все просто слова... Ну неужели вы ничего не можете придумать, чтобы он остался жив? Вы же умный и сильный, а Сережа сильным только кажется...

– Придумать, говорите? Хорошо, сейчас придумаю. Но выполнять придуманное мной придется вам. В случае успеха никаких обсуждаемых нами поводов или причин не будет, это

я вам обещаю. Согласны? Тогда так, на улице стоит два авто с надписями «амбуланс» и красными крестами. Подойдите к тому, что поменьше, и подождите, я там буду через пять минут.

Я отошел в сторонку, достал рацию и отдал необходимые распоряжения. Все-таки рация в кармане слишком выходила за рамки возможностей этого мира, и я старался ее без нужды не демонстрировать.

Елизавета ждала меня у фургончика «скорой помощи», и я пригласил ее внутрь.

– Зочка, дайте мне пожалуйста набор номер три, – попросил я находящуюся там Танину девочку. Взяв коробку, я открыл ее и показал княгине. Там лежали два пакетика с таблетками.

– Ваш муж сегодня вечером наверняка будет сильно нервничать, – пояснил я. – Так вот, предложите ему таблетку из первого пакета. Это успокаивающее, и довольно сильное. Ему станет хорошо, и совершенно не будет тянуть на всякие ненужные интриги... Как называется? Фенобарбитурат, если вам это что-нибудь говорит. Скорее всего на следующий день он сам попросит у вас еще одну... Больше чем по две в день давать нельзя, этот препарат вызывает привыкание, и при приеме в таких дозах оно может стать необратимым. Как нетрудно убедиться, в пакете сорок таблеток. То есть двадцать дней ваш муж не будет испытывать потребности в активных действиях... А по истечении этого срока он уже и не будет представлять опасности для нас. Но прекращение приема вызовет сильный абстинентный синдром, для его смягчения – содержимое второго пакета. Тоже не больше чем по две в день... Если будут какие-нибудь осложнения, обращайтесь, вам помогут – мне тоже как-то комфортнее, когда не приходится применять крайних мер. Так что все в ваших руках, а вовсе не только в моих.

За то время, что Сергей Александрович будет успокаивать нервы, предполагалось на пост командующего МВО поставить Каледина, а генерал-губернатором посадить Дубасова. И придумать, что делать с Джунковским. Даже если бы я не читал о его извилистой биографии в нашей истории, одно то, что, прознав по своим каналам о грядущем снятии своего шефа, он прибежал не к нему, а ко мне, с полным одобрением данного мероприятия – заставляло относиться к нему с сугубой осторожностью.

На следующий день с утра я занялся тем, что при желании можно было бы квалифицировать как использование служебного положения в личных целях...

НИИ, в котором я работал от начала и до конца восьмидесятых, находился в начале Ленинского проспекта. И мы часто ходили в Нескучный сад – когда просто так, а когда и с пивом либо иными подлежащими приему внутрь реактивами. Распитие – это была традиция – всегда совершалось около стоящего в глубине сада полузаброшенного двухэтажного дома без всяких мемориальных табличек. Ниже, у пруда, имелся и вовсе развалившийся объект непонятного назначения. Вот сюда мы и приехали.

Здесь дом имел более жилой вид. Я посигналил, машина охраны тоже. На звук двух клаксонов из дома выползло что-то вроде дворецкого, европейский вид которого несколько портила опухшая от пьянства рожа с синеватым оттенком.

– Ч-чего надо? – вежливо спросила рожа у капота моего автомобиля. Капот не ответил, но я открыл дверь и вышел.

– Ик... – потрясенно сказал дворецкий, качаясь, как тонкая рябина из песни.

– Я вам кого-то напоминаю? – поинтересовался я.

– И-ик, ваша светлость, – подтвердила пьяная рожа.

– Тогда, может быть, вы пригласите меня в дом?

Но тут сзади, со стороны будущего Минералогического музея, к нам подбежал явно более компетентный персонаж

– Ваша светлость, не обращайтесь внимания на этого идиота! – еще на бегу возопил он. – Позвольте представиться – управляющий Орловским летним домиком...

Этот домик находился примерно в полукилометре от дворца ВК Сергея в Нескучном саду, где в данный момент он и жил. И стать домик должен был не столько моей московской

резиденцией, сколько опорным пунктом по слежке за отстраненным от должности великим князем – оставлять его без присмотра было никак нельзя. Но тем не менее я купил этот коттедж, вместе с объектом у пруда, оказавшимся раздевалкой. Благо принадлежал весь Нескучный управлению дворцов, то есть по прямому указанию Гоши сделка была проведена со всей возможной скоростью.

Ох, и наплачемся мы еще со своим гуманизмом, думал я, обходя новое жилье. Но именно мы, потому как решение про Сергея было принято без особых споров – и мне, и Гоше не хватило совести отдать приказ о превентивной ликвидации.

Глава 6

Через три дня после коронации император с обеими императрицами (Аликс, которая тоже носила этот титул, на торжествах не присутствовала) улетел в Питер, а я на некоторое время задержался. Торжества в общем прошли нормально, несколько инцидентов их не испортили, потому что какой же это праздник без драки? Главное, что кончилось все хорошо. Ну, а то, как ее величество Мария Первая после многочасового стояния в соборе, в полном парадном облачении, в нецензурных выражениях сравнивала коронации на Итурупе и в Москве, причем ее симпатии явно были на стороне первой, слышали только мы с Гошей.

Отставной генерал-губернатор безвылазно сидел в своем дворце неподалеку от моего домика. Визитеров у него не было, кроме одного, зато какого!

Великий князь Сандро, сказавшись больным, в Москву на торжества не поехал. Почти все это время он проторчал в гостях у Алисы, а сразу по нашему отъезду развил бурную деятельность. Простая мысль, что микрофоны там стоят почти во всех помещениях, да и слухачи не спят на дежурствах, в голову ему не приходила. В общем, он признался Алисе, что считает восшествие Гоши на трон натуральной узурпацией, потому как новым императором должен стать сын старого, то есть Алексей, под регентством своей матери. К чести Алисы надо сказать, что у нее хватило то ли ума, то ли инстинкта самосохранения не соглашаться безоговорочно, а в основном слушать, ограничиваясь междометиями. Три дня этот змей вешал императрице лапшу на уши, а потом направился в Москву. Тут, вырядившись мелким клерком, он двинул прямиком в Нескучный сад, во дворец Сергея.

К сожалению, здесь микрофонов еще не было, поэтому моя информация ограничилась только тем, что встреча была короткой, а вылетел интриган с нее как ошпаренный. Скорее всего это означало полную неудачу его поползновений, но могло быть и результатом игры на публику, дабы показать, что ничего у него, бедного, не получилось... Ну, на то и есть плотное наблюдение, чтобы прояснять такие моменты.

Естественно, с Гошей мы связывались каждый день, так что он был вполне в курсе происходящего. И у императора появилась интересная мысль, во исполнение которой он направил опальному Сергею письмо, где в завуалированных выражениях предлагал считать, что на вечернем послекоронационном приеме погорячились оба, и больше к этому не возвращаться. Я же послал Елизавете записку, где в вежливых выражениях набивался в гости. Так что в один прекрасный августовский вечер я пешочком прошелся по Нескучному саду от пруда до дома, где в будущей Москве располагался президиум Академии Наук. И здесь он же тут образуется, думал я, место хорошее, а Сергей все равно будет жить либо в Питере, либо у себя в Ильинском.

Елизавета встретила меня у дверей и в процессе провожания до мужа успела поблагодарить – оказывается, мои снадобья не только помогли против нервов, но и свели на нет постоянные боли в позвоночнике, которыми Сергей давно страдал. Ну, ничего удивительного, седативное лекарство и должно производить примерно такой эффект, кивнул я.

Великий князь встретил меня в своем кабинете – стоял, всем своим видом показывая, что никакого канцлера к нему не зашло, а вовсе даже имеется пустое место... Я же, наоборот, демонстрировал, что собеседник мне симпатичен – ну, разумеется, не

беспредельно, а так, слегка. Специально для подчеркивания этого я был не канцлерском, а в авиационном генеральском мундире.

Хозяин не спешил начать беседу, так что пришлось проявить инициативу самому.

– Есть у меня к вам предложение, – сообщил я. – Но позвольте зайти несколько издалека. Вспомните, пожалуйста, что вы думали вечером после коронации, когда поняли, что император возложил решение вашего вопроса на мои плечи?

Елизавета покраснела. Ну, я примерно так себе это и представлял – небось простились друг с другом и слопали по таблетке, после чего легли спать, не надеясь проснуться... Однако получился облом-с.

– Но должен сразу признаться в двух вещах, – продолжил я. – Во-первых, использованный образ действий не является для меня ни единственным, ни даже предпочтительным. А во-вторых, и вы далеко не единственный великий князь...

Собеседник совершенно не понимал, к чему я клоню, так что пришлось пуститься в детализацию:

– В России существует немало людей, стоящих над законом – а именно великие князья. И раз над законом, то получается, что в случае чего призвать их к порядку может только император. Ну делать больше его величеству нечего, кроме как разбираться во внутрисемейных дразгах! А у величества, говорю вам приватно, есть такая черта – если предстоит какая-то неприятная работа, то взять да и спихнуть ее на канцлера... Вот он и спихнул. И ведь я честно рассказал, как представляю себе решение этой задачи! Даже бланк типового некролога показал. Так единственное, что потребовал государь – это перед вписыванием туда очередного имени поставить в известность его.

– Это бесчестно, – негромко бросил Сергей, – то, что вы сейчас говорите. Я не верю, что государь мог пойти на такое.

– Не верите или не хотите верить? Вы уж поточнее выражайте свои мысли, пожалуйста... Но продолжаю – мне это тоже не очень импонирует. Нет, есть, конечно, и редкие сволочи, вроде вашего недавнего гостя, но есть и такие, которые идут против государственных интересов по недостатку у кого опыта, у кого мозгов, у кого денег, но выдающегося вреда пока не наносят... Так вот, мне хотелось бы свалить с себя обязанность разбираться еще и с ними. Уточняю, именно на вас свалить. Подайте его величеству проект создания Высочайшего Арбитража – органа для разбирательства внутри императорской фамилии. Тогда по большинству фигур император будет обращаться именно к вам, а ко мне – только в исключительных случаях. Но даже тут за вами остается право требовать высочайшего решения – вы излагаете императору свои доводы, я – свои, и как он решит, так и будет. Обещаю, что такой проект я полностью поддерживаю. На этом разрешите откланяться, а на прощание подкину-ка я вам почву для размышлений... Вы случайно не обращали внимания, что все ближайшие соратники нового государя отличаются завидным здоровьем? Так что подумайте, где тут причина, а где следствие.

Мое сидение в Москве объяснялось тем, что в нашей истории именно этот город стал колыбелью первой русской революции. Ну я и решил немного постоять у той колыбельки, чтобы не пропустить момент появления младенчика...

Свободное время я использовал для творчества. Еще в первой своей речи Гоша обещал привлечь лучших представителей народа к управлению государством, и пора было начинать демонстрировать нерушимость слова его величества. С местным самоуправлением у нас уже был георгиевский опыт, так что теперь мэр Георгиевска и по совместительству председатель Российской Рабоче-Крестьянской партии по моей просьбе писал соответствующий документ. Кстати, партии были уже две недели как официально разрешены – естественно, не имеющие целью насильственное свержение существующего строя. На данный момент зарегистрировались две – та самая рабоче-крестьянская и гучковский «Союз Пятого Августа». Гучков, кстати, успел не только создать партию, но и учинил газету «Голос Москвы», в первом номере которой разливался соловьем про необходимость парламента, во главе которого явно видел себя.

...И чего это кадеты никак не могут сорганизоваться, помочь, что ли, – думал я, читая его откровения.

Разумеется, никакой думы мы с Гошей создавать не собирались. Но собрать Всероссийский Собор, который якобы выработает основные направления реформ государственности, предполагалось в ближайшее же время. Ну и помочь ему в работе, понятно...

Помню, как я еще в том мире прочитал про подобное сборище при Екатерине. Значит, они собрались... Через некоторое время императрица вынуждена была писать указ о том, что во время заседаний депутатам запрещено покидать свои места, во избежание мордобоя. Думаете, помогло? Через две недели пришлось распорядиться еще и о рассаживании этих депутатов таким образом, чтобы ни один не мог доплюнуть до оппонента! Так что я просто собирался возродить богатые традиции русского парламентаризма и не пожалеть пленки на фиксацию каждого мгновения этого процесса. А потом, после показа во всех кинотеатрах страны многосерийного боевика «Заседание Собора номер...» Гоша со скорбью в голосе признается, что считать это парламентом он никак не может, так что давайте попробуем вместо такого собора в будущем году организовать другой, поприличней...

Но для должного экшена на этом сборище к моменту выборов партий должно быть как минимум три, так что кадетов действительно стоило поторопить. И, хотя скорее всего делегаты и сами справятся с созданием подходящей атмосферы на заседаниях, на всякий случай в рабоче-крестьянскую группу уже были включены специалисты, которые могли организовать склоку с рукоприкладством не только в готовом к этому коллективе, но и вообще где угодно.

В перерывах своих неустанных забот о развитии либерализма в России я немного занялся и собственным бытом. Ремонт домика предполагалось осуществить после моего отъезда, а пока внизу, на Москве-реке, уже была сооружена пристань для доставленного из Георгиевска торпедного катера, близнеца тех, что использовал Одуванчик – потому как ездить и в Кремль, и в Тушино по воде было существенно удобнее. Рядом с будущим минералогическим музеем, а ныне конюшней, был оборудован мини-аэродром, где уже имелся один «Тузик», так что в Георгиевск я теперь мог добраться за сорок минут.

В самом конце августа я покинул бывшую, а в некотором мире еще и будущую столицу. В Питере меня ждало порядочно дел, но среди них было одно, от результата которого зависело довольно много. Имелась в виду наметившаяся трудность при открытии порталов. Одна гипотеза у меня была, но независимо от нее, если портал таки удастся открыть, надо будет вытащить из той Москвы максимум полезных вещей, на всякий случай – а вдруг он окажется последним?

В Гатчине уже было подготовлено специальное место, когда туда явился Гоша. Мы прошли в большую пристройку к правому крылу, напоминающую гараж-переросток.

– Открываем? – поинтересовался Гоша.

– Давай, – кивнул я.

Портал открылся не то чтобы совсем легко, но все-таки не с таким напряжением, как в последний раз.

– Я ожидал худшего, – признался Гоша.

– Ну, а я его допускал. Понимаешь, затруднения могли быть связаны с тем, что какая-то, скажем так, энергия, благодаря которой и получают порталы, просто подходила к концу. И вопрос тут в том – или нового притока вообще нет, или он есть, но небольшой и нам просто не нужно частить? Похоже, что второе предположение ближе к истине, но на всякий случай все равно работаем по плану «Ковчег».

Нет, мы не собирались тащить в Гошин мир каждой твари по паре. Но вот всем остальным, кроме тварей, чего там нет и еще очень долго не будет, надо было запастись.

Купив «Форд-Транзит» (машина большего размера через портал не пролезла бы), я три дня ездил по Москве и окрестностям, набивая кузов всякими полезными девайсами. И таки набил, да так, что появились некоторые сомнения – а куда тут сунуть Гошу?

Император же трое суток не вылезал из-за компа, скачивая с интернета все, что хоть как-то могло понадобиться.

Мы посмотрели друг на друга, потом каждый – в зеркало, и решили денек отдохнуть, чтобы не пугать изможденным видом свои свиты в Гатчине. Сходили на Торбеево, половить рыбки, но клевало много хуже, чем у меня в пруду около московского домика. Потом отоспались, Гоша побрился, кое-как утрамбовался в свободный уголок фордовской кабины, и мы проехали на десять метров вперед и на сто пять лет назад.

Для хранения всех артефактов, включая «Форд», предполагалось построить спецбазу, а пока помещение было просто закрыто, опечатано и снабжено усиленной охраной с приказом не пускать никого, кроме императора и канцлера.

Гоша уехал в Зимний, захватив с собой небольшой портфель с приобретенными по Машиному заказу мелочами. А через два часа, когда я позвонил ему, чтобы проконсультироваться на предмет условий передачи немцам эскизной документации по экраноплану, величество поразило меня новостью. Оказывается, я по неграмотности не обратил внимания – то, что я покупал для Маши в аптеке, было тестом на беременность. И он таки дал положительный результат...

Ну вот, подумал я, закончив поздравлять Гошу и племянницу. Оно, конечно, здорово, но работоспособность обоих величеств теперь наверняка начнет понижаться. А это означает, что старой, больной и, главное, от природы ленивой светлости придется пахать еще интенсивней...

Глава 7

Ну что, подумал я, просьбу величества можно считать выполненной. Ведь что мне Гоша сказал – «посмотри документы и выработай свое мнение». Посмотрел. Мнение даже вырабатывать не пришлось, оно само образовалось, причем однозначное – бардак! И довольно опасный.

Меня и раньше несколько удивляло, что в России была академия Генштаба, но самого этого Генштаба не было. Я по умолчанию считал, что это как-то исторически сложилось – ну был одно время генштаб, потом при нем образовалась академия, потом генштаб почему-то переименовали в главный, а про академию забыли, бывает...

Действительность оказалась хуже. Не было давно уже генштаба как конторы! Он всегда был кастой и именно в этом качестве существовал сейчас. Меня сбило с толку само слово, и я еще подумал, не поработал ли тут кто-то вроде меня, любитель давать похожие на правду, но на самом деле предназначенные скрывать суть названия... Генштабисты – вот как правильно называется это явление! И академия называлась правильно, ибо представляла собой не только учебное заведение для подготовки высших офицеров, но и единственный путь, по которому офицер мог пролезть в данную касту. В свете чего недавняя инициатива Николая Николаевича об образовании не подчиненного военному министру Императорского Генерального штаба становилась простой и понятной. Каста разрослась и организовалась настолько, что захотела иметь не только теневое, но и официальное представительство при императоре!

Первая мысль была – а вот хрен вам, господа, перебьетесь. Но, как часто бывает, в процессе размышления пришла другая. Что мы имеем? Грубо говоря, неформальное объединение, желающее стать формальным. Так оно и хорошо, присматривать проще будет! Как, однако, вовремя я попросил Танечку расширить отдел «Джи-пи», который расшифровывался как «генеральские подруги»... А вот что Бенья в стороне от этого явления – недоработка, но пока еще вполне исправимая.

Значит, Николай Николаевич восхотел свой кусок бифштекса за поддержку Гоши? Законное желание, не будем обижать соратника. Но и обороноспособность страны обижать тем более не следует... Что там писал Шапошников? Что Генштаб – это мозг армии. Но ведь мозгов два – головной и спинной! То есть думать можно как головой, так и нижней частью

позвоночника, это уже зависит от особенностей конкретного мыслителя. Значит, в качестве головного сохраняем старый Главный штаб, только его, пожалуй, надо переобозвать... пусть будет главное оперативное управление или что-то аналогичное. И – отдельно – Генштаб, во главе которого поставить Ник-Ника, чтоб не спрашивал, почему это ему питерский округ и гвардию под командование не дали! Значит, получаем место в конце позвоночника, куда надо будет запихнуть всех лишних для армии, но по политическим мотивам еще не подлежащих отставке или несчастному случаю генералов. А чтобы в случае надобности с этим не возникло проблем, в данной конторе нужна будет высокая концентрация вражеских шпионов. Блин, а у меня на примете пока только румынский, за связь с таким порядочного генерала и сажать-то стыдно! Но ничего, Рейли-Рюмин уже заканчивает подготовку, так что одного-двух английских мы с его помощью поймеем, Бенья на всякий случай предоставит одного американского, Танечка – французского. А вот откуда в Генштабе возьмутся австрийские шпионы, пока неясно, это надо работать, без них никак. Ну и для красоты, конечно, уругвайский – это будет как вишенка на торте.

Кандидатура на пост начальника настоящего штаба у нас с Гошей уже была – Куропаткин, именно как штабист он не вызывал ни малейших нареканий. Но я хорошо помнил еще с армии, что было, когда комбрига замещал начальник штаба. Грубо говоря, забитие на службу заметно расширилось... Это я к тому, что над начальником штаба, неважно, полка или империи, должен быть командир части. Военный министр? Вообще-то все его министерство – это контора по распределению, а временами даже хотелось сказать – попилу бюджета. Так что нехай верховным главнокомандующим будет первое лицо страны, а военный министр – одним из его заместителей, в мирное время курирующим вооруженные силы.

А вот как быть с авиацией и флотом? У флота, пожалуй, разумней будет наличие своего независимого командования вместе со штабом. А вот насчет авиации у меня такой уверенности не было. Пожалуй, все же ее тоже надо будет сохранить отдельной, но с повсеместной практикой оперативного подчинения на уровне крупных формирований и прикомандирования единичных самолетов и эскадрилий. С персоналиями тут ясно – главком у нас Михаил, начальником штаба предложить ему Храбрецова, бывшего моего зама по первой летной школе. В войну именно он командовал Машиной авиагруппой, племянница только водила свою эскадрилью, да и то не всегда.

Кстати, насчет авиационного высочества, недавно получившего генерал-лейтенанта. На днях в Питер для подписания секретного протокола к мирному договору с Японией должен был прибыть принц Ито – инкогнито, под видом полковника Хосюмото (намек понял, мотоцикл подарю, подумал я). Среди сопровождающих полковника лиц было и три особы женского пола, самая молодая из которых ехала еще более инкогнито, чем принц, но зато под своим настоящим именем – Масако. Шестнадцатый день рождения ей предстояло отметить в Гатчине.

Танечка потихоньку начала обдумывать черновые варианты, при которых Михаил сам – именно сам! – почувствует интерес к экзотической девушке. Но конкретные шаги, понятно, можно будет планировать только после прибытия оной к нам и некоторой ее здесь акклиматизации. А в общем, тьфу-тьфу, отношения с Японией вроде развивались нормально. Уже не обошлось и без некоторого цирка – сразу после заключения мира армейская разведка отправила туда атташе и при нем кучу шпионов помельче. Учитывая, что английских разведчиков в Токио и до того было более чем достаточно, произошел, как бы это помягче сказать, конфликт между спецслужбами. Победили наши, но как-то неуверенно, по очкам. То есть всего-то только и расколотили очки английскому майору... По разведуправлению ходили слухи, что во всем виновато сакэ, которое якобы вызывает у русского человека приступы пацифизма на фоне общего упадка сил.

Что интересно, мысль о способе обращения внимания Михаила на Масако подала Мари. Когда полковник Хосюмото со свитой прибыл в Гатчину, ей была представлена японская принцесса, оказавшаяся довольно милостивой девочкой, да к тому же слегка

говорящей по-русски – успела что-то выучить, и это не считая английского, который она тоже знала.

– Хорошо, что инициатива исходила от тебя, а не от японской стороны, – задумчиво сказала Мари.

– Это почему же?

– Они вполне могли решить, что дочь императора достойна мужа и с более высоким положением. А по должности выше Михаила, да к тому же неженатый – это у нас ты.

– Ну, насчет выше еще не факт, но сама мысль интересная... Ты что, собралась мне рожу расцарапать? То есть как это почему решил, ты на себя посмотри. Интересная, говорю, мысль – сделать вид, что эта принцессочка предназначена в жены именно мне, из высших политических соображений. Я, значит, жертвую себя на алтарь отечества. Ты страдаешь, но тоже, как лицо государственное, понимаешь необходимость такого шага. А Михаил, присмотревшись и к нам, и к принцессе, вполне может решить одним, так сказать, движением разрубить этот гордиев узел так, чтобы все были довольны. Типа спасти разом и мать, и наставника. Ну и принцессу, до кучи... Так что схожу-ка я к принцу-полковнику, потому как обещал ему научить на его же мотоцикле ездить, ну и в процессе поделюсь идеей, такие вещи лучше обсуждать вне протокола.

– И все это только для того, чтобы Мишель не чувствовал себя принужденным к женитьбе? – удивилась Мари. – Дорогой, хоть я и знаю тебя почти три года, но все равно нет, да и открывается что-то новое. Такой сентиментальности я от тебя не ожидала... спасибо.

– Пожалуйста, – согласился я, ответив на поцелуй.

Ну, насчет моих высокоморальных побуждений Мари немножко преувеличивала – просто Михаил был из тех людей, которые крайне плохо поддаются принуждению, но зато их легко убедить, что до желаемого образа действий они додумались сами. А даже хоть чуть-чуть портить отношения с младшим высочеством в мои планы не входило совершенно.

Принц-полковник был в общем не против моего маленького спектакля, про Масако он сказал, что все ей объяснит, так что, когда Михаил летел в Питер принимать должность главкома ИВВФ, стюардессы в полете под большим секретом поделились с ним новостью – а канцлер-то наш того и гляди женится! Мол, император приказал...

Я встретил Мишеля в канцлерском штандартенфюрерском мундире. Чуть позади в женском варианте той же формы маячила принцессочка – она с папкой в руках хвостом ходила за мной.

Уже на следующий день Михаил осторожно спросил у матери – а обязательно ли в качестве мужа нужен именно канцлер?

А через два дня «Кондор» увозил в Георгиевск не только нового главкома ИВВФ, но и женскую часть японской делегации – две дамы сопровождали Масако, которая летела на Георгиевскую киностудию, чтобы поработать там кинозвездой. А еще самолет вез мои пометки на ранее присланных мне бумагах от авиационного КБ и недавно созданной на автозаводе танковой группы.

Будущие танкостроители начали свою деятельность с неприкрытого пессимизма. Во-первых, писали они, шестицилиндровый тринклер вместе с расположенной по его оси коробкой поперек танка никак не влезет, так что коробку придется отделять. Во-вторых, добавили они черной краски, коленвалы для таких движков идут плохо. Да, на дирижабли ставятся именно они, но ведь те дирижабли делаются по несколько штук в год! А с выпуском сотен изделий возникнут серьезные проблемы. Так что они предлагали ставить на наши будущие танки четырехцилиндровый тринклер о ста двадцати силах, предназначенный для тяжелых грузовиков.

Но раз мощность меньше, следовал далее вывод, то и вес придется ограничить десятью, в крайнем случае двенадцатью тоннами.

Потом шел плач о том, что вращающаяся башня тоже ставит крест на массовости, это же не линкор!

В общем, когда я писал техзадание, у меня перед глазами было что-то вроде

самоходной гаубицы «Гвоздика». А конструктора утверждали, что сделать можно только аналог СУ-76, известной в основном под именем «Голожопый Фердинад», да и то в сильно упрощенном виде...

У авиаконструкторов перекося был прямо в противоположную сторону. Миронов с Гольденбергом писали, что указанная в ТЗ на новый истребитель скорость в триста двадцать является заниженной. С пятисотсильным движком мы преодолеем четырехсоткилометровый рубеж! А дальше шел рассказ, как они этого добьются...

За основные баки в крыльях буду убивать, написал я в своем резюме. Пушки в центроплане истребитель тоже отнюдь не украшают. Куда броню дели, гении? Взлетать на колесах из фюзеляжа, убирающихся в крыло, заставлю самих. А учитывая, что эти колеса десятидюймовые...

Ну поймите же вы, писал я им, что никакая скорость не может достигаться за счет уменьшения боевой живучести и простоты обслуживания! Иначе получится, что самолет-то отличный, но летчики на нем горят и бьются, а механики при всем желании не могут обеспечить даже одного вылета в сутки – в среднем, естественно.

В общем, надо будет выкроить денька два и слетать в Георгиевск – пока еще из всей молодой смены только Триклер уже не нуждался в постоянном присмотре, а остальных периодически куда-то заносило.

Узнав, что я собираюсь на берега Нары, Гоша тоже набился в попутчики – не то чтобы инкогнито, но никого не предупреждая и без помпы. По-моему, он и сам толком не понимал, что ему там понадобилось – скорее всего, проявилась ностальгия по тем буколическим временам, когда он был простым наследником престола, имел всего-то несколько заводов и жил в глухой провинции. Я тоже не стал предупреждать аэродромную команду, так что, когда вслед за мной из самолета вылезло величество, это явилось для местных некоторым сюрпризом. Но Гошу тут хорошо знали, так что обошлось без верноподданнической истерии. Гоша велел объявить, что завтра с утра будет встреча с общественностью Серпухова и Георгиевска, и отправился в бывший свой дворец, а ныне резиденцию главкома ИВВФ – за ним там еще оставался кабинет с прилегающими комнатами. На мою сараюшку никто и не претендовал, так что я пошел не в бывший, а продолжающий оставаться моим дом. Встречи с авиа- и танкоконструкторами планировались на завтра, а пока я хотел побеседовать с лидером местных профсоюзов, председателем партии рабочих и крестьян георгиевским мэром Михеевым, который уже ждал.

– Ну, – сказал я ему, – я по поводу ваших дополнений в документы о местном самоуправлении. Честно говоря, в вашей записке мне было понятно далеко не все. То есть осталось не очень ясным главное – а зачем они вообще тут нужны, эти императорские представители?

Михеев рассказал. Мне сразу вспомнилось – «нет повести печальнее на свете...». Став мэром, Михеев через некоторое время столкнулся с проблемой – старые чиновники не желали его признавать! Не наши, в Георгиевске никаких старых не было, но тот же серпуховской градоначальник его в упор не видел! Тоже мне, шишка, голова пятитысячной пристройки к огромному по нынешним временам промышленному центру... А все оттого, что Георгиевск стоит чуть в стороне от железки и поэтому там до сих пор нет своего пассажирского вокзала.

– Не подумайте, – закончил Михеев, – что я прошу у вас конкретной помощи. Я понимаю, что вы даже вызывать к себе этого градоначальника не будете, а поручите кому-нибудь по телефону объяснить ему, кто он есть и чем это чревато. Но ведь в каждый уезд вы никак не попадете!

– Ну, может в каждый и не понадобится, – засомневался я, – не везде же такой дурак будет в начальниках сидеть... А представитель императора при каждом избранном мэре, и тем более земском голове, это слишком. Давайте я лучше организую какой-нибудь... ну, скажем, отдел охраны демократии. То есть как только ее начинают обижать – тут же приезжают компетентные сотрудники и учиняют статус-кво. Говорите, не всякий мэр начнет

жаловаться? С этим я еще могу согласиться, а вот с тем, что никто из его подчиненных не напишет доноса – нет. Про ваши трения с серпуховским градоначальником у меня есть уже три бумажки от прогрессивной общественности, не считая рапортов командира охранной сотни, серпуховского полицмейстера и, разумеется, шестого отдела.

Очень нужный будет отдельчик, подумал я. Потому что сначала он будет защищать новорожденную демократию от агрессивного внешнего мира, а со временем и наоборот – мир от нее.

Глава 8

С утра я отправился на автомобильный завод, где недавно созданное КБ бронетехники мучилось с вопросом, а на что же вообще будет похоже их первое изделие. Поначалу в документах его именовали «бронеходом», но я это быстро прекратил, указав, что название, в достаточной мере раскрывающее суть изделия, для военной техники является неприемлемым. Поэтому все, имеющее броню, гусеницы и пушку, предлагалось называть танком, от английского «tank» – пусть непосвященные считают их самоходными цистернами.

Послушав их доводы про желательность смягчения ТЗ, с некоторыми я согласился – например, с четырехцилиндровым движком вместо поначалу намеченной шестерки. Попытки поставить катки на рессоры я отменил – только торсионы. Но вообще общая концепция мне чем-то не нравилась...

Вникнув в эскизы, я начал потихоньку понимать, чем. Чтобы мои мысли стали более понятными, не мешает небольшая экскурсия в прошлое – ну или в будущее, это смотря как считать...

За пару лет до знакомства с Гошей моя племянница выступила в скутерных гонках, в классе семьдесят кубиков. Да уж, класс был тот еще... Моторчик объемом с треть стакана развивал двадцать сил! Табуретка весом в шестьдесят килограмм за несколько секунд разгонялась до сотни, а максималка была в районе ста двадцати – таковы были обычные параметры гоночных скутеров. Естественно, что столь дикая форсировка весьма отрицательно сказывалась на ресурсе... Так вот, я все же чуть уменьшил ей мощность и утяжелил раму, вварив более массивные, чем у остальных, распорки. В результате Маша заняла первое место в гонке, ни разу не поднимаясь выше третьего на этапах! Просто потому, что ее агрегат не ломался прямо на трассе.

Так вот, представленное на мое рассмотрение изделие навело мысль как раз об этой ситуации.

Для скорости в тридцать километров движок должен был крутиться на максимальных оборотах. Пальцы для гусениц были рассчитаны впрытик. Коробка от грузовика с максимальным полным весом в семь тонн должна была передавать момент для движения пятнадцатитонной махины... В общем, по допускам и запасам получалось нечто вроде Т-34 первых выпусков, когда моторесурс в сто часов являлся малодостижимой мечтой. А ДТ-54 моего деда-тракториста протарахтел пятнадцать лет!

В общем, я занялся решительным урезанием. Лобовую броню с тридцати миллиметров пришлось сократить до двадцати, остальную до десяти-пятнадцати. Башня на первых выпусках становилась такой, к радости конструкторов, невращающейся. Вместо обычной трехдюймовки туда предполагалось ставить ее горную модификацию или вообще сорокасесемимиллиметровку Гочкиса, просто потому, что на флоте их было около тысячи, а прошедшая война показала полную непригодность такого калибра для решения любых задач на море.

Зато легкий броневики вопросов не вызывал. На «Оку» вместо двухтактника поставили оппозитный четырехтактный мотор, в результате чего она конструктивно еще более приблизилась к «Кюбельвагену», слегка забронировали и увенчали пулеметной башенкой, а точнее, вращающимся колпаком для головы и плеч пулеметчика. Эту коробку уже начинали

строить, и я предполагал довольно большую массовость, ибо девайс предназначался в основном на экспорт. Чертежи и данные броневишка вторую неделю обсуждались с немецкой делегацией, которая при виде этих бумаг впала в энтузиазм. Кстати, немцам бронеока предлагалась под именем Pz-1 – это я, не думая, черкнул на титульном листе такие буквы. Потом, когда гансы поинтересовались, что сие означает, пришлось сочинять, будто это сокращение от русского слова «Pizdetc», которое на английский можно перевести примерно как «Utter annihilation of all surrounding»...

В самолетах я разбирался по определению лучше, чем в бронетехнике, так что и участие в разработке будущих машин мог принимать более серьезное.

Определяя модельный ряд нашей авиации, следует исходить из возможностей производства, считал я. Возможности же были умеренные.

Первый авиазавод в Георгиевске по сути представлял из себя опытное производство и за четыре года своего существования выпустил около трех сотен самолетов – правда, очень разных.

Завод в Иркутске был крупнее и лучше приспособлен для серийного производства, но опыт показал, что одновременно могут делаться не более двух моделей, и то они должны быть похожи по технологии. На нем было решено строить небольшие самолеты смешанной конструкции. Для цельнометаллических уже начали готовить площадку под будущий завод, который должен был образоваться на краю Москвы, примерно там, где сейчас метро «Сокол».

Самолетов смешанной конструкции я предполагал иметь два – истребитель и штурмовик, настала пора разделять эти типы. По конструкции они предполагались похожими, но штурмовик должен был иметь неубирающиеся колеса, побольше брони и оружия. Истребитель же мне представлялся типичным самолетиком по поликарповской схеме, нечто вроде И-16, но не такой толстомордый из-за меньшего диаметра двухрядной звезды. И попроще в пилотировании, ибо в основном это должна быть именно учебная машина, к войне, если не напортачим со сроками, она все равно уже устареет.

Для московского завода потихоньку начали прорабатываться эскизы фронтового бомбардировщика, сына «Кошки», с названием, естественно, «Котенок». От мамы он отличался несколько большими размерами и вдвое большей мощностью движков, а также тем, что ему предстояло стать первым в мире цельнометаллическим самолетом, благо нам наконец-то удалось запустить один большой пресс, а второй был на грани этого события.

Со стратегическими бомберами я решил пока не связываться – рано.

В качестве первоначально-учебного, связного и народнохозяйственного самолета мы собирались оставить «Тузика», только заменив ему двухтактник на трехцилиндровую звезду.

Но отдохнуть душой удалось только один день, а потом снова предстояло возвращение в Питер, где Максим Исаев по фамилии Рюмин докладывал, что готов к жизни в шкуре Сиднея Рейли по фамилии Розенблум.

Через три дня Нью-Рейли отправился в Киев, чтобы там связаться с англичанами – якобы все это время он скрывался от найденовских ищеек (несчастный случай с хорошо знавшим его лично полковником уже произошел). По дороге суперагент не терял времени зря и организовал хоть и небольшую, но жутко оппозиционную либерально-социалистическую партию и теперь собирался требовать финансовой поддержки, намекая, что при ее отсутствии партии не останется другого выхода, кроме как легализоваться.

А я сел анализировать ситуацию в России на предмет ее революционности.

Вроде получалось, что классической революционной ситуации пока нет. Да, верхи теоретически не могли править по-старому, потому как Гоша требовал от них новаций, а больше половины к ним было решительно не готово. Впрочем, довольно значительная часть вообще ни по какому править не могла, ибо была занята воровством и взяточничеством. Низы тоже не хотели жить по-старому – они надеялись, что новое царствование им вот прямо сразу даст если и не все, но хоть что-то! Впрочем, выкупные платежи за землю Гоша отменил в манифесте от пятого августа.

Но второго пункта, резкого обнищания народа, не наблюдалось. Третий тоже был под вопросом – пока имеющаяся активность масс почти целиком уходила на выборы делегатов в Собор.

Однако расслабляться не стоило – забастовки происходили все чаще, и в них начали засвечиваться и политические требования. Кстати, в том же манифесте была объявлена и свобода забастовок, кроме как на оборонных или выполняющих оборонный заказ предприятиях, а также на железной дороге и телеграфе.

Насчет свободы слова мы сделали такой финт – специальным указом в порядке эксперимента сняли цензуру с московского желтого листка «Копейка» и двух аналогичных питерских. Владельцы же были неофициально предупреждены, что пользоваться свободой надо с умом, тогда точно получится воспользоваться вдруг свалившимися на них вместе со свободой приличными деньгами... В общем, уже второй месяц эти газеты трудолюбиво обсирали все и всех. А Гоша собирался вставить в свою речь на Соборе вопрос – типа она нам очень нужна, такая свобода? Больно уж воняет мерзко...

Реорганизация высшего образования готовилась в глубокой тайне, а пока студенты увлеченно бузили, не зная, что на халяву это у них выходит последние месяцы, а потом придется либо оплачивать такой образ жизни, либо решительно его менять. Нам же время было нужно еще и для того, чтобы на вербовать в этой среде достаточное количество осведомителей. Кстати, уже просматривалась закономерность – технические вузы оказались меньше подвержены революционному влиянию.

А как раз в это время в Лондоне, в здании Форин Офис, происходила интересная беседа, про которую я узнал только через несколько лет. Одним из собеседников был директор только что образованной МИ-6 – новой британской спецслужбы. Вторым – мой не то чтобы хороший, но все же знакомый сэр Эндрю Нэвил Пакс. И занимался он тем, что вкратце пересказывал содержимое своего объемистого доклада о том, кто есть такой инженер Найденов...

– Так вот, – продолжал сэр Пакс, – я считаю, что говорить о Найденове как об инженере является ошибкой. Если, разумеется, основываться не на слухах, а на достоверных данных. Итак, что говорят слухи? Летом 1899 года неизвестно откуда взявшийся господин вылечивает наследника от туберкулеза и строит ему аэроплан. Первое событие подтверждено и сомнений не вызывает, второе – наоборот. Если внимательно присмотреться к трем имеющимся снимкам этого якобы аэроплана, то на одном вообще ничего не видно, а два других показывают элементы конструкции, которая никак не может летать, заключение экспертов прилагается. Просто тогда этого еще никто не знал...

Далее, практически одновременно происходят три события. В Серпухове появляется Густав Тринклер, два студента из Москвы, и вскоре первый в мире аэроплан действительно поднимается в воздух. Опять же по заключению экспертов, он представляет собой нагромождение едва ли не всех возможных ошибок, которые можно сделать при конструировании. Вкратце: появились новые люди – и появилась новая техника, поначалу несовершенная. В дальнейшем события всегда происходят по этому сценарию. В Георгиевске появляется новый человек – и сразу за этим событием происходит рождение какой-то новой машины... Я считаю, что гениальный инженер Найденов – это миф. Есть личность, чьи таланты лежат в совершенно иной области. Он умеет лечить людей, это проверено. Он умеет находить нестандартно мыслящих и выбирать из них лучших. Возможно, наши ученые со временем подведут под это научную базу, пока же это следует принимать как необъяснимое, но неоднократно подтвержденное явление.

Отсюда следует два вывода. Первый – поздно тратить силы и средства на ликвидацию Найденова, он уже нашел, а Георгий пристроил на нужные места достаточно людей, которые обеспечивают новый курс России. Второй – надо внимательно отслеживать появление около Найденова новых лиц, с целью заранее понять, что именно они будут делать. Кстати, одно из таких лиц подлежит особенно внимательному изучению – это Налетов. То, что вся его деятельность связана только с катамаранами, я не верю. Наверняка он занимается еще чем-

то, подозреваю – подводными лодками. Даже не лодками, а крейсерами! Если допустить наличие у русских таких кораблей, некоторые необъяснимые события прошедшей войны становятся понятными.

– Простите, но тогда появление в Георгиевске Циолковского означает...

– Совершенно верно. Хотя это кажется беспочвенной фантазией, но я не удивлюсь, если через некоторое время русские приступят к воплощению идей этого господина. И еще один момент, на который я хотел бы обратить ваше внимание. Если предположить, что сам по себе Найденов не является гениальным изобретателем, а может только находить таковых и создавать им условия для работы, то не обратить ли внимание на его политическую деятельность? Тут тоже есть странность. Первый год своего пребывания около Георгия он остается в тени, про него мало кто знает. Но вдруг в Георгиевске появляется некто Татьяна Князева, и тут, как по волшебству, у Найденова сразу проявляются и недюжинные политические способности, и хорошо продуманная жесткая линия, которую он тут же начинает энергично проводить в жизнь... Это тоже вопрос, нуждающийся в дополнительном исследовании.

Но, как я говорил, копию этого документа мы получили только через несколько лет, а пока информация ограничилась тем, что создано это самое МИ-6 и что Пакс стал там начальником русского отдела. На встречу с Рейли он не поленился приехать лично и первое, что спросил – встречался ли его собеседник с Татьяной Князевой. Получив дважды правдивый ответ «да», ибо с этой дамой встречался и Розенблюм, и Рюмин, Пакс был слегка разочарован и предложил Рейли посетить город Николаев. Вопрос с финансированием партии он обещал решить в ближайшее же время.

А через некоторое время на очередном докладе Татьяна, посмеиваясь, сообщила мне, что к ней подбивают клинья.

– Кто? – поинтересовался я.

– Саша Янушкевич.

– Постойте, это не генерал из окружения Ник-Ника?

– Нет, это его двоюродный племянник. До недавнего времени работал помощником у Сазонова в Лондоне, а теперь вот вернулся в родные пенаты... Красавец мужчина, между прочим.

– Хотите сказать, что вы не устояли?

– Шеф, ну как вы могли такое подумать? Я же замужем! И нарушать верность своему супругу никак не могу, во всяком случае без консультации с вами. Да и не очень охота, честно говоря, повод-то незначительный.

– В общем да, то, что английская разведка вами интересуется, это не секрет. Что думаете делать?

– Пусть поухаживает маленько. Поначалу я создам у него мнение, что верна мужу, но это преодолимо. Потом – что на самом деле я верна вовсе даже другому человеку, упоминать которого всуе категорически не рекомендуется. А за это время надо будет решить, брать его для обработки или использовать втемную.

– Ладно, подумаем. А удалось ли вам зафиксировать хоть какие-нибудь слухи о последнем увлечении кайзера?

– Что удивительно, никаких. То есть и сам молчит как рыба, и пара человек из его окружения, подозревающие об этом, тоже своими подозрениями ни с кем не делятся. Получается, могут немцы хранить тайну, если им это надо...

– Вот я как раз про это. Скоро туда выезжает делегация от Бени, проверить меры по обеспечению секретности. Так что вы прикиньте, кого из ваших сотрудниц туда надо включить официально, а кого и не очень.

Ну вот, подумал я, Генштаба еще нет, я еще только соображаю, где взять английского шпиона для заполнения вакансии, а тут он сам объявляется... Красота! А Танечка молодец, что не проявила поспешности и не поддавалась на его обаятельность, это еще надо подумать, перед кем правильнее будет не устоять – перед этим племянником или его дядей. А Танечке

я сказал:

– Пошлите человека на мой склад, там для вашей службы имеется полтора кило противозачаточных таблеток и два с половиной – презервативов, на этот квартал нормы увеличены, как вы и просили.

Глава 9

...Куда уехал цирк, уехал он куда? Да в общем-то не очень далеко, в Москву, на Старую площадь, думал я в канун нового года, улицы имени которого в той же Москве еще не было. Собор закончился, изрядно повеселив народ, так что Гошин вердикт о том, что в существующем виде этот орган принимать государственные решения практически неспособен, был встречен с пониманием. Депутаты разъехались, оставив небольшую Учредительную Комиссию, которая должна была озаботиться вопросами созыва и регламента Второго Собора. Я написал статейку по состоявшимся результатам работы большого собрания и предполагаемым – малого. Получилось неплохо, отдельные выражения из нее потом неоднократно цитировали... Но образовалась небольшая тонкость. Дело в том, что председателем этой комиссии был Гучков. И сейчас его брат не поленился приехать в Питер, чтобы лично вручить мне вызов на дуэль.

Я еще раз прочитал красиво оформленную бумажку и поднял глаза на собеседника.

– Жаль, жаль, – вздохнул я, – мне так хотелось надеяться, что в лице вашего брата я получу нормальную конструктивную оппозицию, между нами, Милюков на нее совершенно не тянет, противный он какой-то... Может, ну ее, эту дуэль, тогда и убивать никого не придется?

– Вы собираетесь извиняться?

– Не собираюсь сам и не жду ничего подобного от Александра Ивановича.

– Тогда о чем идет речь? Или, как говорили нам некоторые, вы поручите дело своим подручным? Александра этим не запугаешь.

– Не буду, – покладисто согласился я, – и потом, какие еще в дупу подручные? Он же лично меня вызывает! Не скажу, что собственноручно урыть его является мечтой всей моей жизни, но перепоручение этого дела заместителям отрицательно скажется на имидже, так что придется самому. Я же, как лицо вызванное, вроде имею право на выбор оружия?

Гучков-старший кивнул.

– Тогда мой выбор – истребители российского ИВВФ «Бобики» первой серии.

У собеседника вытянулось лицо. Я же продолжил:

– Вы не откажетесь передать несколько советов Александру Ивановичу? То, что у него есть пилотское удостоверение с Ходынки, это ерунда. Вот разрешение, по нему ваш брат может являться хоть в Гатчину, хоть в Георгиевск и тренироваться по двести пятьдесят рублей за час. Инструкции по пилотированию и наставление по воздушному бою ему выдадут. Да, на всякий случай – пусть наденет в полет нормальные очки! А то с пенсне на носу он и без моей помощи гробанется. Ну и перед дуэлью настоятельно рекомендую пару раз прыгнуть с парашютом, всего-то по шестьдесят рублей. Сроки – как Александр Иванович будет готов, пусть согласует с моим секретариатом. Все? Спасибо за приятное общество!

Следующим посетителем был еще один делегат, Павел Рябушинский. Ну, этот вряд ли по аналогичному поводу, подумал я и оказался прав. Человек хотел организовать автозавод и пришел ко мне насчет лицензий на производство машин и мотоциклов.

– Перед вами два пути, – объяснил я ему. – Один – обратиться в секретариат ее величества Марии (блин, чуть не ляпнул «Машки»!) Первой.

По лицу собеседника было заметно, что безудержного восторга эта идея у него не вызывает.

– Ага, значит, порядок сумм вы себе представляете, – хмыкнул я, – а также то, что производить хоть что-то едущее в обход наших патентов вряд ли получится. Но есть и несколько иной путь – сотрудничество со мной. Тонкость тут в том, что я не

предприниматель, а инженер и политик. А это означает, что прибыль с этого завода вы будете получать в той мере, в которой это не противоречит моим инженерным и политическим целям.

– Это интересно, – оживился Рябушинский, – можно подробнее?

– Пожалуйста. Чертежи основной модели и оборудование для производства ее двигателя, сварочные агрегаты плюс разработка конвейера – это мое и оценивается в сорок девять процентов. Объемы производства – как минимум десятки тысяч в год. Основная модель – предельно дешевое авто, попроще «Оки», с ценой не более пятисот рублей. И легкий грузовичок примерно на полтонны на ее базе. Это, так сказать, инженерная часть. Политическая же состоит в том, что этот завод должен стать одним из первых частных предприятий, уровень оплаты труда и социальных гарантий на котором не будет уступать георгиевским заводам. Если мои условия вас устраивают, можете рассчитывать на мою полную поддержку. Ах, да, чуть не забыл! Этот автомобиль должен называться «Чайка».

Любой человек, смотревший кино «Операция Ы», без проблем сказал бы, на базе какого прототипа будет делаться эта птичка...

Вечером меня навестил Гоша. Он сообщил мне о нормальном здоровье супруги, хотя прекрасно знал, что уж об этом-то я в курсе не хуже него, слегка пожаловался на некоторые финансовые трудности – кредитов нет, французских – уже, немецких – еще. Впрочем, мы наметили сгладить эту проблему выпуском государственных чеков для безналичных расчетов между предприятиями, так что Рябушинский подсуетился вовремя.

– Ну, а с Гучковым никак мирно разойтись не получилось? – поинтересовалось величество.

– С этим бретером? С ним разойдешься, как же... Главное, обаятельный ведь, даже жалко его... того...

– Обязательно?

– Сам думаю. С одной стороны, в какой-то мере он нам союзник. Правда, у нас уже был один такой, ты еще на его похоронах прочувствованную речь говорил, помнишь? В лице злодейски убитого Сергея Юльевича мы потеряли... Блин, уже забыл, кого. И этот из той же серии. И не в том дело, что он видит Россию конституционной, я бы даже сказал, весьма конституционной монархией с собой во главе парламента, хотя меня такая перспектива и не вдохновляет. Гораздо хуже, что он злейшего врага России – мировую финансовую олигархию – считает другом и союзником! Ну и последнее соображение. Ты у нас немножко авантюрист. Я в общем-то тоже. На Маше в этом отношении вообще пробы негде ставить. И так перебор, а тут еще один, да такой, что сойдет за полтора имеющихся? Не, нафиг, нафиг нам такое счастье. В общем, буду целиться по мотору, а там уж как получится. Или все-таки сразу по баку? Дилемма, однако.

– Сейчас решим, – обнадежил Гоша и достал из кармана монету-червонец. – Орел – бак, Ники – мотор. Бросаю... Мда. Интересно, с какого это ракурса надо атаковать «Бобик», чтобы разбить движок, не задев ни бак, ни пилота?

– Спереди-сверху, понятно, – хмыкнул я, – пожалуй, мне тоже раз несколько потренироваться придется, чтоб не опозориться перед кинокамерами.

– Снимать будешь?

– А как же. И после дуэли оба самолета загоню коллекционерам, то есть мой самолет и его обломки. Билеты на аэродром, само собой... Дуэль дуэлью, а про бабки сам только что жаловался! На биржах, правда, это вряд ли вызовет какие-либо колебания...

– Не факт, – задумался Гоша, – знаешь, я, пожалуй, поеду, надо прямо сейчас с Машей посоветоваться.

Ну вот, думал я через полтора месяца, в этот день люди будут от дам получать подарки и поцелуи, а я тут мерзни на высоте... Десятое ведь февраля на дворе! По европейскому календарю – двадцать третье. А все гуманизм, черти бы его драли! Была ведь мысль провести бой на малых высотах, там теплее, но в этом случае оппоненту не светило воспользоваться парашютом. Так что пришлось быстро набирать пару километров, потом

ждать, пока сюда приползет Гучков, потом смотреть, как он на ровном месте срывается в штопор... Видно, вспомнил, что в этом случае надо бросить управление, потому как вышел и опять полез вверх. Ладно, хватит ему набирать высоту, подходим сзади, смотрим, как реагирует. Никак? А, понятно, ему не до окружающего, удержать бы самолет... Я обогнал противника, сделал широкий вираж и зашел ему в лоб. В центре винта приближающегося самолета заплескали вспышки – Гучков открыл огонь. С полукилометра. Снайпер, однако! Трасса очереди прошла метрах в ста от меня. Я сделал боевой разворот и оказался на параллельных курсах с Александром Ивановичем, метрах в трехстах выше. Естественно, он меня потерял, но не суетился, не вертел головой, помнил, чем это у него кончилось в первый раз. Ладно, снижаемся. Примерно с пятидесяти метров я дал две короткие очереди. Как там «Пересвет» с оператором? Нормально, ракурс хороший, снято должно быть качественно. Еще, что ли, дубль устроить? Нет, поздно – противник клюнул носом, его мотор выплюнул клуб черного дыма и встал. Хорошо хоть, что заклинило его с винтом в горизонтальном положении, так проще и лететь, и садиться. Или он прыгать будет? Вот, завожился в кабине, привстал... Ну что ты будешь делать – застрял, урод!

Самолет тем временем перешел в крутую спираль. Гучков оставил тщетные попытки покинуть машину и снова взялся за управление. Да куда же он летит, козел? Прямо в Приемный парк! Впрочем, это ничего, там дома стоят довольно редко. И гляди-ка ты, вроде восстановил контроль над машиной, выровнял ее над центральной аллеей и явно собирается садиться. Интересно, аллеи ему хватит? И где «Пересвет» с киношниками?

Аллеи Гучкову практически хватило – в подъезд стоящего в конце нее дома он вмазался, имея всего около двадцати километров скорости. Дом этот был Таниной гордостью, рестораном «Путаниум»...

Я посмотрел, как, мягко говоря, полуодетые сотрудницы заведения вытаскивают авиатора из кабины, жестами показывают мне – «жив, травмы несерьезные», потом убедился, что киношники на «Пересвете» тоже подросли к финалу, и полетел на аэродром.

С КДП я позвонил в «Путаниум», где мне сказали, что небесный гость приведен в себя, поцелован, перевязан и сейчас ему выписывают счет за разгромленный парадный вход. В общем, с клиентом все в порядке, он в надежных руках, подумал я и велел готовить заранее пригнанный в Георгиевск «Тузик» с Нескучного – лететь мне предстояло именно туда. Во-первых, наконец-то был закончен евроремонт моего дома. А во-вторых, мне предстояла встреча с довольно интересным человеком...

Младший брат Павла Рябушинского, Дмитрий, в начале века решил посвятить себя науке, а именно – аэродинамике. Для чего с целью повысить образование он выехал в Германию, а через неделю после этого в Серпухове состоялся полет моего первого «Святогора»... Тогда Дмитрий переключился на теорию авторотации воздушного винта. Достигнув успехов в разработке этой теории, он совсем было собрался перейти к экспериментам, но тут в Берлин приехал некто Найденов и подарил кайзеру автожир – то есть прибор, летающий на принципе той самой авторотации. Дмитрий снова переключился и приступил к разработке теории космических перелетов. И вот, прочитав в газетах, что в России и на это уже есть государственная программа под патронажем Найденова, он вернулся на родину и послал мне просьбу о встрече.

Казалось бы, вопрос ясный – человек пришел сам, бери его и нагружай созданием ЦАГИ... Но все было не так просто. Дмитрий Павлович был выдающимся ученым. Он был и неплохим администратором, но в качестве руководителя института с хоть сколько-нибудь широкой тематикой не годился совершенно – весь институт просто стал бы его дополнительными руками. Но это – еще полбеда. Он был глубоко убежден, что исследования надо проводить по следующей схеме – например, ученый что-то этакое открыл. После чего он должен написать свой доклад на трех языках и отправить материал в европейские и американские издания! А потом на симпозиумах обсуждать с зарубежными коллегами тонкости отдельных частных случаев... Поэтому я не решился допускать его до настоящей аэродинамики.

За кофе я извинился перед своим гостем, что непреднамеренно реализовал его идеи, причем несколько раз подряд. Он посмеялся, после чего мы перешли к делу.

– Знаете, сообщил я ему, – у меня, даже с помощниками, времени разрабатывать все интересные вещи категорически не хватает. Ну вот, например, такое дело. Понадобился мне как-то жидкий гелий, для чего – сейчас неважно. Получил я его, процесс геморройный, но в разумных пределах... И обнаружил интересное свойство некоторых погруженных в него материалов – ртути, например. Как вы наверняка в курсе, с понижением температуры электрическое сопротивление металлов падает. Так вот, в этом падении есть скачок – при определенной температуре оно мгновенно перепрыгивает в ноль! Именно в полный ноль, ток в замкнутом проводнике не прекращается до тех пор, пока этот проводник находится в гелии. Я назвал это явление свехпроводимостью и отложил – ну просто нет у меня сейчас никакой возможности этим заниматься. А вообще-то возможно, например, такое. Берем кольцевой резервуар с жидким гелием и проводником внутри. Генерируем в проводнике ток. И располагаем так, чтобы плоскость круга была перпендикулярна магнитным силовым линиям земного поля. Что произойдет?

– На каждую точку проводника начнет действовать сила, направленная по нормали от центра круга. В целом их результирующая будет равна нулю.

– Вот именно. А теперь заэкранируем от поля нижнюю часть нашего кольца. Результирующая станет отличной от нуля, так? И если кольцо будет достаточно легким, оно взлетит.

– Тут же ток в нем уменьшится, и на какой-то высоте наступит равновесие... – понял собеседник. – Нечто вроде аэростата, только на электромагнитной основе! Этаким магнитостат. Не привязанный к атмосфере, то есть способный покинуть ее пределы.

– Так не хотите ли заняться этим делом? При необходимости государство окажет вам финансовую помощь, ну а я – консультативную, само собой.

Покинул меня уже не просто Дмитрий Рябушинский, а без пяти минут директор Электромагнитного института. Интересно, сколько времени ему потребуется, чтобы понять – предложенная мной схема на постоянном токе не будет работать принципиально? Мне на это в свое время потребовался почти год. Правда, в свое оправдание могу сказать, что я тогда учился в девятом классе.

Так что пусть думает, глядишь, хоть и в теории, но родится магнитный дирижабль переменного тока.

Глава 10

Двадцать седьмое апреля тысяча девятьсот пятого года выдалось весьма насыщенным. С утра я приехал в Зимний, где поймал на минутку вышедшее от Маши величество и поздравил его с тридцать четвертым днем рождения. Гоша отмахнулся, что было неудивительно, ибо императрица собиралась начать рожать. Потом в честь тезоименитства начали бабахать пушки на кораблях, что не понравилось Маше, и Гоша велел обеспечить прекращение звуковых эффектов. Я сходил на узел связи и, лично позвонив Макарову, попросил временно прекратить пальбу... Наконец к обеду мне родили внучатого племянника. Я еще раз поздравил Гошу, с еще меньшим успехом, чем в предыдущий раз. Попросил его узнать у супруги – а теперь-то пострелять можно? Он сходил и с виноватым видом – мол, понимаю, что каприз, но ведь имеет же она на это право! – передал решение императрицы – пусть бабахнут разок, она посмотрит на маленького, если ему не помешает – ладно, нехай развлекаются.

В результате в открытое окно уже довольно давно доносилась стрельба. Впрочем, это было неплохо, потому как повышало возможность не зевать от монотонного жужжания собеседника. Кстати, до чего он уже успел добраться?

Гость бубнил:

...возвращаюсь, однако, к вопросу о мелкой земской единице. Из произведенного мною

в течение предшествующего лета ознакомления с деятельностью волостных правлений в нескольких уездах трех различных по их особенностям губерний я пришел к убеждению, что местные хозяйственные интересы еще вовсе не будут обеспечены одним включением в состав волостных обществ всех проживающих в пределах волости и владеющих в них недвижимой собственностью лиц других сословий, хотя бы это и сопровождалось объединением мелких волостей в одну более крупную – дело в том, что значительное уменьшение числа волостных центров с соответственным увеличением территории отдельных волостей было бы сопряжено, в особенности при нашем бездорожье, со значительными неудобствами для населения, имевшего постоянную надобность обращаться по самым различным вопросам в волостные управления...

...Он что, в детстве пономарем работал? – с некоторым даже уважением подумал я. – Ведь второй час нудит, и не то что не охрип, но даже и не сбился ни разу! Даже жалко, что у нас КПСС нету, вот кому бы на съездах отчетные доклады зачитывать!

Чтобы отвлечься, я попробовал на слух определить калибр стрелявших орудий. Но не удалось – не так уж много стрельбы из морских орудий я слышал в Порт-Артуре, а тут еще небось и холостыми палили. В общем, стало ясно – мой первоначальный план дожидаться, пока оратор устанет – с треском провалился.

С премьером Столыпиным мы общались мало – он не лез в мои дела, то есть в спецслужбы и технико-промышленные вопросы, я – в его. Но когда премьер подал на высочайшее рассмотрение свой проект аграрной реформы, Гоша повелел ознакомить с ним меня. Вот премьер и отправил ко мне своего зама, по здешнему – товарища, Владимира Иосифовича Гурко. Судя по всему, с совершенно явными инструкциями...

– Товарищ Гурко, – вклинился я в паузу между абзацами, – вы не против, если я пойду вам навстречу?

– То есть? – изобразил вежливое внимание зам Столыпина.

– Наверняка ведь вами планировался какой-то результат этой встречи! Ну типа я должен заснуть, например, с громким храпом, или начать биться головой о стену... Вы скажите, не стесняйтесь, вдруг уже пора, а я это пропустил по душевной невнимательности?

Пока Гурко вынужден был срочно соображать – обидеться ему или рассмеяться, я продолжил:

– Разумеется, я понимаю ваши чувства – над проектом работали серьезные специалисты, а тут вдруг извольте отдать его на рецензию какой-то темной личности, которая наверняка и рожь от пшеницы отличить не сможет! Но и вы тоже поймите его величество – не каждый ведь день наследник рождается, так что последнюю неделю голова у него как минимум наполовину была забита вовсе не государственными делами. Так что он просто не очень удачно сформулировал свои мысли... Ваш проект я читал, так что знакомить меня с ним не нужно. Думаю, вы в курсе, что мое ведомство готовит пятилетний план развития науки и промышленности. Так вот, именно точки пересечения аграрной реформы с этим планом нам и предлагалось согласовать. А вовсе не суть предлагаемой вами программы, с которой, кстати, я вполне даже согласен.

– И что же вы мне этого сразу не сказали?

– Ну как можно, вы же готовились ко встрече, составляли речь, думаю, даже репетировали ее, и сразу перебивать? Некрасиво.

– Из чего можно сделать вывод, что вы тоже готовились к нашей беседе, и теперь моя очередь слушать? – улыбнулся собеседник.

– Мне столько не наговорить, так что я свои соображения изложил в письменном виде, – хмыкнул я и протянул ему листок бумаги. Особой загруженностью буквами он не отличался, там было написано всего три строчки:

1) Испытательные полигоны для отработки реформы – Екатеринбург, Царицын, Нижний.

2) Синхронизация действий МВД по пресечению революционной деятельности среди имущих слоев с земельной реформой и введением УК.

3) На будущее – Госплан.

– Суть первого пункта в том, – продолжил я, что всякое новое дело обычно начинается с модели, затем идет опытная партия, и только потом крупносерийное производство. В ваших бумагах не отражена последовательность проведения реформы – вот я и предлагаю начать ее с тех мест, где начали строиться крупные заводы. Наверняка ведь как по маслу все сразу не пойдет, кто-то разорится и лишится средств к существованию, а в этих регионах таких будет проще трудоустроить. Ну и вообще там нужны будут рабочие руки, которые вы все равно предполагаете высвободить... А по результатам в этих регионах можно будет и подкорректировать сам курс реформы, чтобы в масштабах России она прошла с наименьшими потрясениями.

– Понятно, – кивнул Гурко, – а второй пункт?

– Тут вот в чем дело – закон обратной силы не имеет, а существующие отличаются неуместным либерализмом. Но ведь если, скажем, преступное деяние продолжалось год и одну минуту, а с нового года был введен новый уголовный кодекс, то судить нарушителя можно будет уже по нему... Это я к наметившимся последнее время трениям между МВД и моими службами – Петр Аркадьевич уже обижался, что они иногда притормаживают рвение его сотрудников по пресечению. Так вот, смысл этого прост – среди экстремистов немало землевладельцев, так что я по возможности стараюсь пока их не трогать, чтобы судить уже по УК, где за их художества предусмотрена конфискация. Циферку видите? Это количество десятин в центральных губерниях, предполагаемых к получению по политическим статьям, по уже выявленным лицам.

– Ого... – удивился Гурко.

– Учитывая, что процесс продолжается, цифра вполне может дойти и до «Ого-го!» – уточнил я. – Так что, может, Петр Аркадьевич сочтет эти соображения приемлемыми?

– А про третий пункт давайте я догадаюсь сам – предложил зам премьера. – Вы хотите создать какой-то орган, чтобы он в рабочем порядке согласовывал ваши планы с нашими?

– Примерно так, – не полез в детали я.

Уже перед уходом Гурко задумчиво сказал:

– А ведь среди лиц, которых вы ... э... оберегаете... (приберегаю, уточнил я), есть не только землевладельцы. И, как я сейчас начал подозревать, не только российские подданные.

– Рад, что вы затронули этот вопрос, – кивнул я. – Мне кажется, он требует вдумчивого обсуждения и хорошей подготовки. Прошу вас передать Петру Аркадьевичу мою просьбу о личной встрече по этому вопросу. Не сегодня и не завтра, пусть подготовится, дело непростое.

Дело действительно было очень непростое. Еще до войны мы начали собирать досье практически на всех иностранных предпринимателей в России. Они были условно разделены на три группы. «Полезные» – это те, сотрудничество с которыми приносит и будет приносить явную пользу. «Сомнительные» – это где имелаась не только польза, но и ущерб в той или иной форме, а кто такие «Вредные» – я думаю, и так ясно. Материал на большинство из них даже не пришлось фабриковать – они и сами нарушали закон с хорошим размахом. В порядке предварительной подготовки Гоша уже несколько раз вставлял в свои речи пассажи о том, что перед законом, который превыше всего, должны быть равны все, независимо от происхождения и положения. Слово «подданство» он пока не употреблял, дабы не спугнуть. Ибо ближайшими кандидатами на приведение их деятельности в соответствие с законодательством были люди, ссора с которыми требовала очень хорошей подготовки – потому как планировалась национализация бакинских нефтепромыслов. Следующим на очереди был Донбасс. И начинать такие дела можно было только при полном взаимопонимании с премьер-министром...

Разумеется, это никак не могло быть одномоментной разовой акцией – в этом случае провал был бы гарантирован задолго до начала. Тут требовалась сугубая постепенность...

Всю российскую нефть контролировали четыре группировки. Самой мощной была нефтяная империя Нобелей. В затылок им дышали Ротшильды. На третьем месте, судорожно

мечась между обладателями двух первых, изворачивался Манташев. Грозненские прииски Его Высочества, а ныне Величества, стояли в стороне и работали не на экспорт, а на внутренний рынок, но зато практически монопольно. После долгих дебатов в качестве первой жертвы нами были выбраны Ротшильды. Это обеспечивало нам благожелательную поддержку со стороны Нобелей и, как дополнительный бонус, возможность в случае победы наложить лапу еще и на большую часть манташевских предприятий. Причем акция должна быть представлена не как часть долговременной государственной политики, а просто как конфликт Найденова с Ротшильдами. Французский отдел Танечкиной службы уже давно разработал несколько вариантов, якобы объясняющих, с чего это вдруг Найденов покатила бочку на бедных евреев с красным щитом – ибо слово «Ротшильд» было изначально не фамилией, а прозвищем, образованным от герба. В частности, в Париже был создан «Банк имени Елисейских полей», куда я вложил довольно значительные средства, а благодаря стараниям Танечки у Ротшильдов помаленьку начинали появляться мысли, что столь плохо лежащие деньги будут лучше смотреться у более серьезных владельцев. Моим партнером по банковскому бизнесу был некто Жан Мелье – абсолютно никчемный тип с манией величия и пристрастием к кокаину, выбранный Танечкой на роль организатора и вождя Французской социал-бонапартистской партии. Она нужна была для ответов на могущие возникнуть вопросы, кто и за что стрелял в таких почтенных людей, как господа Ротшильды, например. Разумеется, столь ответственное дело, как хорошо прицелиться и нажать на спусковой крючок, этим горлопанам никто доверять не собирался. Но вот поднять радостный визг – «Это мы! Бойтесь, ибо так будет с каждым посягнувшим на святое!» – было вполне в пределах возможностей данной партии.

Ни малейших угрызений совести я не чувствовал – ибо нравы в нефтяном бизнесе при ближайшем рассмотрении оказались такими, что каждого второго можно было сразу вешать – ну, может, и не сразу, а после расстрела каждого первого. Гады-Ротшильды финансировали эсеров, чтобы те учиняли теракты на нобелевских предприятиях – я прочитал, что такое было и в нашем мире, после чего найти и зафиксировать это явление здесь удалось довольно быстро. Причем мало было им гадить в карман Нобелям – они финансировали и создание эсеровских ячеек в Грозном, что не лезло уже ни в какие ворота – ну соображать же надо, против кого выступаешь!

А бедные Нобели не нашли ничего лучше, чем материально поддержать большевиков, так что теперь небезызвестный Камо на пару с гораздо более небезызвестным Кобой не испытывали особой нужды – деньги они вложили очень разумно, в подготовку ограбления Тифлисского банка. Впрочем, это будет следующая серия грядущей драмы...

В общем, уже писались черновики гневных статей на тему о гнусной подрывной деятельности неких космополитов, не имеющих даже нормальной фамилии, уточнялся состав судов, которым предстояло вести дела. Маша обещала через пару недель тоже включиться в работу, чтобы перекачка средств, помимо тех, что попадут под конфискацию, прошла максимально эффективно. Предстояло еще уточнить вопрос, какую часть правды открыть Столыпину.

Я все больше склонялся к мысли выставить себя как профессионального борца за национальные интересы. Ведь что такое профессионал? Тот, кто умеет хорошо что-то делать? Вовсе нет, это называется специалист. Но он может иногда работать и за идею, и за чьи-нибудь красивые глаза, например. А профессионал и не чихнет бесплатно, не говоря уж о большем! Например, во Всероссийском Собрании тут и Госдуме в покинутом мной мире собрались в основном профессионалы – в любви к России и ее народу. Вот и я решил изобразить из себя такого – мол, когда национальные интересы совпадают со шкурными, патриотизм так и прет. Все-таки рановато еще раскрывать премьеру стратегические цели – тем более, что никакой пользы для его непосредственной работы это не принесет.

Перед отъездом к себе я позвонил племяннице, чтобы поздравить ее, ну и вообще.

– Кстати, дядь Жора, – сообщило ее величество, – мне даже как-то жаль, но четверть твоего репертуара анекдотов теперь для обнародования не годится... Ты что, так и не

удосужился до сих пор узнать, как называли наследника? Ну ты и даешь... В общем, про Вовочку больше ничего рассказывать не надо.

Глава 11

То, что Столыпин в общем согласился с моей идеей насчет совмещения отлова нелояльных с пополнением бюджета, меня не удивило. Зато удивило другое. Он считал это частной акцией, предназначенной в основном для превентивного напугивания тех, кто еще не занялся подобными делами! Что вызывало большие сомнения в его информированности – раз, и способности правильно осмыслить текущее положение дел – два. Дело в том, что к концу правления Ники оппозиционность стала просто модной. И если крестьяне возмущались малым количеством земли, рабочие – тяжелым трудом за копейки, то имущий класс был поражен фрондерством просто потому, что в определенных кругах это считалось престижным.

Наши списки лиц, финансировавших всяких революционеров, перевалили за две тысячи рыл! А общий капитал, контролируемый этими рылами, вплотную приближался к четырёмстам миллионам. В этой ситуации попытки всего лишь пугать были бы откровенной дуростью. Во-первых, напуганные могли просто разбежаться – естественно, с деньгами. Но главное – почувствовав опасность, они могли сорганизоваться и начать бороться с властью уже всерьёз! Так что пугать я никого не собирался. Поначалу операция должна была казаться отдельными частными случаями – правда, произошедшими с самыми денежными клиентами. Потом – проведенная в кратчайшие сроки крупная акция по отлову остальных. Так как всех сразу отловить было нереально, у нас имелось две прикормленных группы настоящих эсеров, задачей которых было учинить отстрел недоотловленных, и две группы зачистки, у Танечки и у Бени, которым предстояло разобраться с эсерами по завершении их работы.

Итак, выждав неделю после вступления в законную силу УК Российской Империи, первого июня тысяча девятьсот пятого года мы начали первый этап операции «День защиты детей».

В процессе подготовки пришлось соорудить работающий образец проволочного магнитофона. Разумеется, для оперативной звукозаписи он был малопригоден, но внутри нагромождения тонвалов, подающих узлов и прочих деталей фантастически уродливого протяжного механизма был аккуратно спрятан цифровой диктофон.

Операция началась с такой удачи, на которую я и не надеялся. Ротшильды вели свои темные делишки через Красина, и в этот раз деньги ему давал лично приехавший в Батуми Эдмонд Ротшильд! Под звукозапись, так что заявить, что он финансировал создание какой-нибудь больницы, у клиента теперь не выйдет... Спецрейсом «Кондора» в тот же день оба были доставлены в Гатчину. Красина я сразу отправил в седьмой отдел, лично к Гниде, а Ротшильд был доставлен ко мне.

Вид после полного событиями дня у него был, мягко говоря, утомленный. Еще бы – утром арест, потом гонка по серпантинам на автомобиле до аэродрома, потом десятичасовой перелет – для пожилого и нетренированного человека это немало. Ну и мысли, наверное, всю дорогу думались не самые оптимистические...

В кабинете (не моем рабочем, а следственном, находящемся как раз над соответствующим подвалом) дорогого (как минимум в миллиард ценой!) гостя ожидал не какой-то паршивый следователь, а целый канцлер, то есть я.

– Проходите, садитесь, почувствуйте себя как дома, – предложил я. – Чай, пиво или водку желаете?

– Я желаю, чтобы вы перестали паясничать и перешли к делу, – поморщился посетитель. – Представляться нет нужды, а вот объяснить ваши действия – есть.

– Вообще-то они не столько мои, сколько ваши, – уточнил я. – Если вы в курсе, император в своей речи на расширенной коллегии министерства юстиции еще раз подчеркнул про равенство всех перед законом и особую опасность для государства

преступлений по пятьдесят восьмой статье, то есть терроризма. И ясно сказал, дважды повторив для непонятливых, что за царем верная служба не пропадает! А тут вы нагло, чуть ли не на глазах всего Батума втюхиваете толстенную пачку денег Красину, на которого материалов уже несколько томов, а не брали его только из соображений дожидаться нового УК, чтобы сразу гада под высшую меру... Вообще-то я курирую деятельность спецслужб и такого грубого решения не допустил бы – не совсем дурак, понимаю, что Ротшильд – это не какой-то там никому не нужный Красин. Но как раз когда давалась санкция на ваш арест, я был занят и не уследил. А знаете, чем? Вас ругал, извините, нецензурными словами. Потому что парижский дом Ротшильдов как раз в это время спровоцировал кризис наличности в Банке Елисейских полей, а потом просто взял да поглотил его. Там, между прочим, на пять миллионов франков моих денег было.

– На них было написано, что они ваши? – желчно поинтересовался Ротшильд.

– Не надо шлангом-то прикидываться, все равно не поверю, что вы не наводили справок, – хмыкнул я. – А вот что не дали себе труда подумать, почему набор учредителей именно такой – это похоже на правду. Так вот, партия бонапартистов там для охраны. Мне казалось, что умные люди связываться с этими больными на всю голову бандитами не будут. Получается, ошибся. Так что теперь замять дело просто так не получится – оно на контроле у его величества – это раз, да и денег мне моих жалко, это два.

– Когда я смогу побеседовать со своими адвокатами?

– Господа Шапиро и Хайкин арестованы по тому же делу, так что, я думаю, с ними раньше чем через пять лет никак не получится. Участие в уголовном процессе иностранцев на стадии следствия не предусмотрено российским законодательством. Так что вам придется удовлетвориться тем адвокатом, что назначу вам я. Это будет после предъявления обвинения.

К следующей нашей встрече я подготовился технически. Старший брат моего клиента, Альфонс Ротшильд, должен был помереть через полтора месяца – во всяком случае, в нашем мире он поступил именно так. Поэтому был подготовлен номер «Пти паризьен», якобы доставленный мне самолетом из Парижа, где на первой странице описывалась душераздирающая история о том, как некий юноша бледный со взором горящим разрядил свой револьвер в Альфонса. А потом сбежал с криком «так будет с каждым, кто посягнет на святыне для настоящих французов идеалы!». В конце концов, так ли уж важно, каким конкретно способом отдаст концы этот Альфонс? Так что я просто заранее проинформировал любящего брата об этом прискорбном событии.

– Так что явно пора этих молодчиков обуздать, пока чего похуже не учинили, – прокомментировал я, – но мне пока некогда, я все никак не могу перестать сокрушаться о трагической судьбе своего банка. Вот если он вдруг вернется к своему исходному состоянию, только с удвоенным капиталом – тогда да.

– По какой статье вашего нового кодекса проходит взяточничество, не напомните?

– По двести тринадцатой. Но... погодите, сейчас найду... вот.

Я порылся в ящике стола, достал оттуда маузер, дырявый носок, грязный стакан и наконец то, за чем, собственно, и полез – орден Андрея Первозванного.

– Видите? Кавалеры этой висюльки подлежат не общей, а императорской юрисдикции. А она карает не за то, что взял, а за то, что не поделился.

Что меня удивило – клиент без особых трепыханий согласился на компенсацию. Уточнить конкретные детали я поручил Бене, а сам отправился в свое крыло, где меня ждала Татьяна – надо было уточнить дальнейшие шаги возмущенных до глубины своей социалистической души бонапартистов. Вечером же ко мне явился ротмистр Алафузов.

Я приметил его во время своего первого транссибирского перелета, в Омске, где он помог мне по-быстрому разрулить возникшее было недоразумение с тамошним губернатором. Ротмистр оказался перспективным кадром сейчас дорос уже до моего зама по следственному отделу «Комкона» – он курировал наблюдение за шестым отделом СБ, то есть за Беней.

– Поднадзорный ведет себя неправильно, – поделился сомнениями ротмистр, – я имею в виду, психологически. Ему поручено не такое уж важное и не очень сложное дело, а он напряжен и в то же время доволен. Не должно так быть.

– Так, давайте послушаем, что они там набеседовали... – предложил я. Разумеется, про наличие прослушки в том кабинете у Бени не могло быть сомнений, но что разговор еще и пишется, он вряд ли знал.

– Беседа неправильная, – сообщил мне ротмистр после второго прослушивания. Вот, смотрите – поначалу клиент стоит на явно нереальных позициях. Бенедикт Арнольдович начинает грамотно спускать его с небес на землю... вот. Откуда здесь пауза? А дальше вообще полное впечатление, что беседу ведет другой человек. Вяло, неубедительно... И вдруг раз – клиент соглашается со всеми требованиями! Еще одна пауза. Нач-шесть что, слова не мог вымолвить от восторга? В общем, мне кажется, что здесь имело место...

– Ясно. Согласен, мне оно же самое кажется. Жду вас завтра с утра.

Вот ведь гадство – вместо чтоб книжку на ночь почитать, придется теперь срочно видеонаблюдение в том кабинете монтировать... Впрочем, давно пора, чай, в двадцатом веке живем.

Только я успел смонтировать аппаратуру и убедиться в нормальном качестве изображения, как позвонила Татьяна и набилась в гости. Я сразу заподозревал, что это все по тому же делу, и не ошибся – оказывается, Бенин ординарец взял билет на Варшавский экспресс и только что выехал... В принципе, конечно, Бенья вполне мог послать его по любому делу, но это было необычно и потому заинтересовало Танечку. Наблюдение ведется, уточнила она.

– Убедиться, что он без подстраховки, и брать, – приказал я. – Или перед Варшавой брать в любом случае – мало ли где его могут встречать, не успел бы сболтнуть чего лишнего. Ну, и запускайте помаленьку французские слухи, уже пора...

Серьезных вещей типа стрельбы или взрывов мы своим бонапартистам, как я уже говорил, поручать не собирались, и без них имелось кому этим заняться, а им пора было начинать вопить. Про то, что священное для каждого истинного француза дело возвращения Эльзаса, Лотарингии и Рурской области (до кучи) находится под угрозой. Гады Ротшильды, будучи известно кем по национальности, продались немцам! И теперь отрабатывают аванс, ссоря Россию – самого надежного союзника в предстоящей священной войне, с Францией! Смерть изменникам и предателям!

Видеонаблюдение показало, что в процессе допроса Бенья обменялся с Ротшильдом бумажками...

Сразу по выходу из кабинета он был взят под белые ручки и препровожден этажом ниже. Чуть погодя прилетел «Пересвет» и привез снятого с поезда ординарца. Но, в общем, его показания были уже и не особо нужны – прекрасно знакомый с методиками следствия Бенья раскололся сразу и до самого доньшка.

– Ну, ротмистр, как вы смотрите на предложение принять шестой отдел? – поинтересовался я.

– Приму, – кивнул тот, – кому сдать дела в следственном? Ох, извините, глупость сказал... В общем, я согласен.

Следующий допрос Ротшильда проводил уже я – ротмистр сидел молча, принимал дела, так сказать.

– Вот только собрался пойти вам навстречу, – укоризненно сообщил я клиенту, – а тут мне вон какую пакость приносят!

Я показал ему копию его же собственного письма.

– Не стану отрицать, бумажка ценная, – продолжил я, – но ведь исключительно помимо вашего желания, вы-то имели в виду совсем другое... В общем, так. Вижу, что по-хорошему вы не хотите. Тогда слушайте, как оно в таком случае будет... Мне нужно три с половиной миллиарда франков, и я надеюсь с вашей помощью их получить. До тех пор, пока этого не произошло, я буду убивать людей, носящих вашу фамилию. По одному или группами – это

как получится. Если вы будете тянуть, то скоро останетесь последним... Да, и еще. Сейчас с вашим знакомым – Красиным – беседует один мой знакомый, его зовут Гнида. Так вот, имейте в виду, что в случае злостного нежелания сотрудничать он вам поможет принять правильное решение – вас сейчас проводят, чтобы вы посмотрели, как это выглядит.

В это время на некоторых предприятиях ротшильдовского концерна уже начались беспорядки, что дало Гоше повод в полном соответствии с законодательством назначить туда временных правительственных комиссаров. То есть теперь предстояло четко рассортировать – что будет конфисковано по решению суда и перейдет в собственность государства вместе с вывесками, а что усилиями комиссаров из Машиного ведомства будет поделено в пропорции «вывески прежним владельцам, а все остальное нам».

Подумав, я решил не рисковать с выводом своего клиента на открытый суд – он же не дурак и понимает, что отпустить я его все равно смогу не раньше, чем он перестанет представлять хоть какую-нибудь опасность. Кстати, в этом случае действительно отпустил бы...

Все-таки проще подобрать двойника – целоваться же с ним мы никому не позволим, а с пяти метров и более сделать сходство достаточно полным нетрудно. Специалисты уже разбирали бумаги бакинского и батумского отделений концерна, и до полного овладения почерком, стилем письма и прочими отличительными свойствами этого Ротшильда было недалеко.

Еще я посмотрел, как Танины девочки управляются с пневматиками. Их (пневматиков, понятно, а не девочек) было три. Замаскированный в пудренице, маленький, с мизерной дальностью и неудобный. В фотоаппарате – уже существенно лучше, ну а из имеющего вид зонтика девочки всаживали в десятку четыре из пяти с пятидесяти метров. Ядовитые иглы для этой техники уже проходили сдаточные испытания, так можно было не особо переживать за судьбу семейства, имеющего совершенно неправильное хобби – финансировать врагов России, от японцев до большевиков. Возможно, кто-то со мной и не согласится, но я всегда был твердо убежден – деньги таким типам ни к чему. И раз они почему-то не хотят добровольно их лишиться – значит, лишиться придется не совсем денег и не очень добровольно. А оставшиеся без хозяев финансы сами собой к анархистам не побегут.

Глава 12

– Даже как-то грустно немного, – призналась мне Татьяна. Я просто плюнул вниз с балкона, примыкающего к моему кабинету, где мы с ней пребывали. Мне было не то что грустно, а досадно. Я вообще-то с самого начала предполагал, что начальников моих спецслужб будут пытаться перевербовать, перекупить и так далее, потому и сделал их сразу две, а потом добавил еще одну небольшую третью. Но вот конкретно этому уроду – ну чего ему не хватало?

Полчаса назад Беня и его ординарец получили по пуле в затылок. Еще один замешанный в деле был признан потенциально пригодным для развития контроперации и потому пока оставлен в живых. По докладу контролировавшего исполнение сотрудника, перед смертью Беня крикнул – «жалко, не увижу, как дождется старый хрен, что эта б...дь и его сожрет!»

Официально начальник шестого отдела скончался прямо на рабочем месте, от инфаркта. Что при столь нервной и ответственной работе не должно было никого удивить...

Оценили Беню в десять миллионов франков, плюс предложение – создать Ротшильдам службу, аналогичную моему шестому отделу. Это, кстати, была правильная мысль, и в этом я собирался пойти навстречу нашим опекаемым.

– До конца не верил, что он такой дурак, – еще раз сплюнул я.

– Может, и не дурак, – покачала головой Татьяна, – я вот не могла понять, как он так живет – ни семьи, ни друзей, ни дома... Ладно бы был борец за идею, так ведь нет! А раз не

идея, то только власть или честолюбие. Понял, что не только единственным, но даже и первым после вас ему не стать, вот и пустился во все тяжкие.

– Ладно, – встряхнулся я, – это дела прошлые, а нам надо смотреть в светлое будущее. Что нас в нем ожидает?

– Нам придется удивиться, а может даже и возмутиться тем, что финансово пострадавшая от последних действий наших клиентов партия социал-бонапартистов решится на неадекватный шаг – взорвет к чертям их парижскую штаб-квартиру. Скорее всего, у нее получится сделать это во время заседания, посвященного вашей персоне.

– Надеюсь, не тротилом?

– Шеф, вся эта история плохо на вас повлияла. Разумеется, динамитом!

– Ох, – вздохнул я, – действительно, что-то я как-то того, вот про важное дело чуть не забыл... Кажется, ваши девочки хорошо освоили пневматики? Идите сюда, это им – уже не учебные, а настоящие коллоидные иглы. Хранятся в контейнере-холодильнике в течение месяца, в обойме – до десяти часов. При попадании за пять минут растворяются без остатка, летальный исход через двадцать минут. Пробивают одежду средней толщины – например, пиджак плюс сорочку.

– Отлично, – просияла Танечка, – а то Густав на заседании присутствовать не будет, он собирается в Австрию... Очень ко времени.

– Кажется, обошлись без войны, – резюмировал Гоша через неделю. – Не получилось у Ротшильдов создать против нас единый фронт... Но Англия, между прочим, выделяет дополнительные деньги на модернизацию флота. Похоже, там чего-то испугались.

– Подводных лодок – все-таки что-то к ним просочилось. Вроде их наблюдатели у японцев видели как-то раз перископ и кусочек рубки, – пояснил я, – а теперь мне очень хочется показать им все остальное, только я еще не до конца продумал, как именно. Сам посмотреть не хочешь?

Чертежи Гоша читал хорошо, так что он по двум проекциям легко мог представить себе изображенную на моей бумаге машину.

Эллипс с осями десять и пятнадцать метров – это крыло. У передней кромки два мотора на пилонах. Сзади два низких скошенных киля. Посередине – постройка, повторяющая верхнюю часть рубки ракообразных, вплоть до перископа.

– Уже почти построено, за полтора месяца обернулись, – гордо сообщил я. – Это летающая подводная лодка. Ну, или ныряющий экраноплан... Правда, одноразовый.

– В каком смысле?

– Он сможет вынырнуть и взлететь. Потом сесть и утонуть. Все. Кстати, готовься еще к одному небольшому скандалчику, наверняка до тебя дойдет... Наш Максим Максимович Рейли недаром доил англов во все соски – ему удалось добыть сведения об основной продукции Николаевского завода. Вот об этой, что ты в руках держишь. Сейчас планируется – ими, в основном, я тут почти не вмешиваюсь – интересная операция. Пассажирский пароход с большим количеством иностранцев на борту малость отклонится от своего маршрута и пойдет через квадрат, где мы будем испытывать это чудо. Надеются, что вдруг что-то как-то и удастся увидеть...

– Интересно, что? – засмеялся Гоша.

– Сначала перископ, потом рубку, потом как эта хрень улетит, а посадку попозже еще кому-нибудь покажем. Ну, а потом начнется скандал. Они будут в десятитимильной зоне, так что мигом примчатся «Машка» с «Герой», высадят на борт по взводу автоматчиков, и начнется шмон. Всех пассажиров построить, проверить документы, обыскать, фотоаппаратуру конфисковать.

– Всю?

– Почти. Так что придется нашим друзьям в наполовину построенный «Дредноут» опять изменения вносить, для борьбы с такими нашими вундервафельками... А может, и сами захотят повторить, тогда будет вовсе красота. Да, на всякий случай можешь где-нибудь случайно проговориться, что их у нас двадцать шесть штук.

– Почему именно столько?

– Чтоб легче запомнить, в том числе и тебе. Еще не забыл, что Маша жила на улице двадцати шести бакинских комиссаров?

– Название уже есть?

– Конечно – проект «Шпроты». Очень похоже – открываешь банку, и кажется, что там рыба, хоть и так себе с виду. Начинаешь есть – сушеная саранча в собственном соку!

– Ладно, – кивнуло величество, – но и мы с Машей тоже не лыком шиты. Операцию «Опа» можно начинать раньше срока – у нас все готово.

Задумали мы это в те далекие времена, когда Гоша еще был высочеством, правда на редкость богатым, Маша – свежееобразованной княгиней, а я – вообще каким-то паршивым генерал-майором. Маша с Гошей зарабатывали деньги, я их тратил... В процессе зарабатывания, понятное дело, образовывалось и исчезало множество фирм-однодневок. И у меня возникла мысль – а почему бы, по примеру уже созданной нами оппозиционной партии, не создать и якобы конкурирующую с Гошиным финансовым концерном фирму? На постоянной основе. В случае прихода Гоши к власти она переходит в оппозицию, причем не вообще, а только ко мне.

Дело в том, что неэкстремистская оппозиция полезна – она обеспечивает обратную связь и не дает (в идеале, ясное дело) власти дуреть и зарастать салом. Но правил без исключения не бывает... Финансист, находящийся в оппозиции к государству – нонсенс, считал я. Точнее, грубая недоработка того самого государства, если он пребывает на свободе.

Рабочий, крестьянин, инженер и даже в какой-то мере интеллигент могут думать что хотят. Могут об этом говорить на кухнях – их дело. Могут организовать партию для защиты своих интересов – если она не занимается стрельбой и бомбометанием, так и ладно.

От финансиста же требуется абсолютная лояльность. Потому что по сути он прямой конкурент государства и, как показала история, компромиссы тут не получаются – либо финансовая олигархия подминает под себя государство, на это я насмотрелся в своей прошлой жизни, причем не только в России. Либо наоборот – такие случаи там уже давно были достоянием истории, но здесь наша команда была полна решимости не допустить этого исхода.

И вот молодой, но подающий надежды Машин референт Саша Самохвалов в один прекрасный день как-то незаметно превратился в Моисея Альперовича, выучил не только идиш, но и в какой-то мере иврит с талмудом, нашел своих родственников в Гродно, Баку и Одессе... Состояние он сделал во время войны – на поставках в армию. Пора было аккуратно начинать создавать ему ореол мученика на ниве борьбы с режимом. Трудность данного действия была в том, что оно вовсе не должно было привести к обнищанию фигуранта, а совсем даже наоборот – но это было вполне решаемо. Стратегией новой финансовой империи «Промфин» было выбрано изобретение Березовского, то есть покупка не компаний, а ключевых менеджеров в них.

Во исполнение этой задачи Альперович уже познакомился с Макаровым – вообще-то через Гошу, сам по себе адмирал не испытывал большого желания общаться с такими субъектами, и предложил ему помощь в освоении Севморпути. С Крыловым Саша законтачил сам, тот оказался несколько менее подвержен предрассудкам. Ну и генерал-адмиралу он тоже был представлен – чисто для престижа, с дядей Алексеем у меня давно сложились нормальные отношения.

Начиналась дележка большого пирога – флотского бюджета на пятилетку. Или, если быть точным, ее имитация, потому как на самом-то деле мы с Гошей при участии Эссена все уже поделили...

По результатам войны было проведено большое совещание флотских офицеров. Причем интересно – в этом мире никакой Цусимы не было, но итоги совещания остались теми же самыми – флотские хотели всего, и побольше. Они помнили, с какой легкостью Того от охвата хвоста их колонны почти перешел к охвату головы, и требовали скорости. Пушки японцев тоже произвели очень сильное впечатление, так что с неменьшим энтузиазмом

народ хотел и сверхмощного вооружения. Правда, насчет брони выступали мало, а про дальность вообще почти не вспоминали. В общем, если бы мы начали выполнять эти требования, получились бы те же самые «Севастополи» – корабли с очень сильным вооружением, слабой броней и дальностью на одной заправке как у «Кошки». И весьма умеренной мореходностью до кучи. Меня еще удивило, что никто не предложил базировать их в Каспийском море – это было бы вполне логичным выводом из всеобщего плача. В общем, эти корабли впоследствии были охарактеризованы как «проект напуганных»...

Послушав ораторов, комиссия (Гоша, Крылов, Макаров, генерал-адмирал и Эссен) выдала требования. Они представляли из себя пересказ своими словами характеристик будущего детища адмирала Фишера – линейного крейсера «Рипалс», только что с двенадцатидюймовыми пушками. Теперь предстоял всемирный конкурс на лучший корабль для русского флота.

В связи с вышеизложенным Альперович собирался в Англию. По нашему замыслу, выигрыш в конкурсе должен был стать результатом не технического совершенства проекта, а величины взятки. С Америкой дело было уже на мази, и теперь предстояло закинуть удочку к берегам туманного Альбиона...

Конкурс превзошел самые смелые ожидания. Вообще-то изначально планировалось шоу, но чтобы такое...

Лучший проект представили немцы, «Блом и Фосс», но они отказались даже слушать намеки про подмазку некоего неизвестно откуда взявшегося лица неопределенной национальности, так что их детище даже не попало в полуфинал. Французы вопили, что не для того они ссужали русским деньги, чтобы те раздавали их черт знает кому (где тут логика, с изумлением думал я), но сильно жадничали – предложенную ими мелочь даже и взяткой-то назвать было неудобно. Основная борьба развернулась между английским «Амстронгом» и штатовским «Крампом». Происходила она под истошный газетный визг о новом фаворите Георгия, причем один желтый листок на полном серьезе утверждал, что Альперович спит с императрицей. За что весь состав редакции, включая курьеров, был основательно, с применением тяжелых предметов, бит бонапартистами...

И эта их выходка произвела даже больший резонанс, чем взрыв парижской штаб-квартиры Ротшильдов – все-таки во Франции влияние этой семьи было далеко от безграничного, многие восприняли случившееся с удовлетворением. Смерть же Густава Ротшильда в Австрии официально считалась естественной, а по сути привела к некоторым трениям между британской и австрийской ветвями банкирского дома.

Так что моего гостя даже не пришлось подвергать мерам физического воздействия – созерцание того, как на твоих глазах рушится дело всей жизни, а семья неуклонно сокращается в числе, повергло его в состояние мрачной апатии, еще и усиленное психотропными препаратами. И теперь бывшие его прииски и нефтепровод фактически уже стали нашими, а общая прибыль по операции приближалась к ста миллионам рублей.

Нобель же оказался очень умным человеком и сам предложил нам часть своих акций Бакинского нефтекомплекса в обмен на долю в освоении только что открытых башкирских месторождений. В общем, вопрос, где в будущей войне Россия и ее союзники будут брать нефть, можно было считать практически решенным. Правда, оставшиеся пока неохваченными Манташев с Гукасовым уже искали подходы к Альперовичу, но это на самом деле означало только то, что процесс их избавления от излишних денег будет происходить на основе самообслуживания.

Реально главной ударной силой русского флота должны были стать два настоящих авианосца. И мне предстояло налаживать нормальные отношения с Крыловым, который при всех его закидонах и повышенной склочности все-таки был выдающимся ученым и инженером – одна история с экзаменационными билетами чего стоит!

Группа студентов Морских курсов под руководством Крылова скинулась и подкупила рабочего типографии, где печатались экзаменационные билеты. Вынести их не было никакой возможности, за этим следили, но Крылов показал, что настоящий инженер может

преодолеть любые трудности. По его указанию рабочий, улучшив момент, быстро спустил штаны и приложился голым задом к литографскому камню. А потом студенты вдумчиво изучали и конспектировали «первоисточник»...

Наш человек, с таким нетрудно будет найти общий язык, подумал я.

Глава 13

Маленький домик на окраине Тифлиса не отличался ничем особенным от своих соседей справа и слева, да и всей улочки тоже. Номера или еще чего-нибудь аналогичного на нем не было, но шедшая по улице девушка, хоть и была явно не местной, точно знала, куда ей нужно.

Она подошла и постучала.

– Кто там? – спросили из-за двери.

– Вам письмо, – сообщила девушка.

– Кому это «нам»? – захотел ясности невидимый собеседник.

– Иосифу Виссарионовичу и Симону Аршаковичу. Давайте хотя бы фамилии я не буду на всю улицу орать? Видите же, что я одна и в какой-то мере без оружия.

Пару минут собеседники девушки совещались, но наконец дверь открылась. За ней оказались двое молодых мужчин.

– Заходите, – сказал тот, который пониже.

– Спасибо, но вы сначала письмо прочитайте, а там и решим, заходить мне или как, – покачала головой девушка и протянула конверт.

– Хорошо, ждите.

Дверь снова закрылась.

– Нет, Коба, не нравится мне это, – возбужденно сказал тот, что повыше. – Прямо перед акцией...

– Давай не будем спешить, – с заметным кавказским акцентом буркнул второй, – сначала прочитаем письмо, оно совсем короткое.

Действительно, там было всего треть страницы – правда, эта страница представляла собой официальный бланк. А написано на нем было следующее:

«Уважаемый Иосиф Виссарионович! Ей-богу, зря это вы собрались Тифлисский банк грабить. Во-первых, как-нибудь при случае плюньте в рожу тому козлу, который вам наплел, что там почти полмиллиона. На самом деле там и пятидесяти тысяч не наберется, зато есть засада. Вооруженная, между прочим, автоматами – если вы еще не видели их в действии, то смотреть лучше не на себе.

Я прекрасно понимаю, что вам нужны деньги. Но ведь не дырка же в голове в нагрузку! И, как человек, искренне сочувствующий вашему делу, осмелюсь предложить свою помощь. Это не насмешка и не ерничанье – я действительно хочу, чтобы рабочие и крестьяне не подвергались эксплуатации, чтобы у власти было не тупое чиновничье быдло, а лучшие представители трудящихся, и так далее... Правда, я расхожусь с вами относительно последовательности достижения этих благородных целей, а так же мест, откуда следует начинать работу по освобождению труда, но это, надеюсь, не помешает нам взаимовыгодно сотрудничать. Если вам это интересно, то подательница сего письма немедленно вручит вам пятьдесят тысяч на дорогу и за беспокойство – жду вас в гости. Даю слово – у меня вам ничего не угрожает. Более того, если мы не сможем прийти к общему мнению, у вас будут сутки форы, в течение которых мои агенты и пальцем не шевельнут по поводу вашей поимки. А если договоримся, то заниматься всякой мелочью наподобие грабежа банков вам станет абсолютно ни к чему – таких денег, которые я готов вкладывать в совместные предприятия, там все равно нет.

С уважением Г.А. Найденов.»

Радиограмма из Тифлиса в Гатчину:

«Задание выполнено, Коба выехал, Камо, как и предполагалось, пошел на обострение.

Ликвидирован. Агент 1203».

В конце августа я занялся делом, живо напомнившим мне юность – а именно как я, студент-первокурсник МАИ, готовился к экзамену по предмету, на лекциях по которому в основном читал художественные книжки, а на семинарах спал с открытыми глазами – то есть истории КПСС. И вот, спустя сорок лет, мне вновь предстояло внимательно изучить материалы третьего съезда РСДРП – гораздо вдумчивей, чем во времена студенчества.

Данное действо проходило на три месяца позже, чем в нашей истории, и не в Лондоне, а в Амстердаме – это было связано с тем, что там моим службам было существенно проще работать. Двухэтажный дом в конце Царпетерстраат был снят заранее, потому как оборудование помещений микрофонами и прочим требовало определенного времени. Заседания съезда проходили в большом холле, а жили делегаты тут же, в комнатах второго этажа. Первый занимали апартаменты домовладельца, в данный момент за наш счет отдыхающего в Ницце, и комнаты obsługi.

Как и положено, съезд начался с избрания Ильича председателем. После чего свежееизбранный тут же толкнул сорокаминутную речь, клеймящую меньшевиков за раскол в партии – они даже не приезжали сюда, а сразу учинили альтернативное действо в Швейцарии, обозвав его «конференцией».

По не зависящим от него обстоятельствам Красин не смог приехать в Амстердам, но зато вместо него там был молодой, но подающий большие надежды «чудесный грузин», то есть товарищ Коба. Ему и было предоставлено следующее слово, для доклада о деятельности партийных ячеек Закавказья. Задача у него была не очень легкой – потому как по факту имел место быть натуральный разгром, нефтеприиски – это не Иваново, и терпеть там всякую вооруженную оппозицию я был категорически не согласен. Правда, небольшая часть осталась на свободе – просто потому, что их руководители сделали правильные выводы из бесед с представителями шестого отдела.

Будущий товарищ Сталин поведал делегатам, что революционная борьба в Закавказье имела большие успехи, но, к сожалению, достигнутые слишком дорогой ценой. В настоящее время происходит спад революционной активности масс, вынужден был признать докладчик. Дальше он подчеркнул, что, по его мнению, в условиях империализма, имеющего откровенно международный характер, ограничение деятельности партии одной страной является неправильным.

В этом месте кто-то, кажется Глебов, неорганизованно вякнул с места что-то о Втором Интернационале, но тут же заткнулся под укоризненным взглядом Анны Лапшинской – секретаря, ближайшей помощницы и вообще подруги Ленина. Многие в партии уже уяснили, что ссориться с этой милой и улыбчивой девушкой очень вредно для самочувствия...

– Второй Интернационал есть чисто совещательный орган, что не отвечает задачам текущего момента, – отреагировал докладчик. – Кроме того, наметившаяся в последнее время тенденция к соглашательству ставит под очень серьезное сомнение будущее этой организации. Нужен новый интернационал – свободный от любых признаков соглашательства, стоящий на коммунистической платформе и имеющий четкую организацию. Вношу это на рассмотрение съезда, – закончил докладчик.

Потом начался бардак. Богданов вдруг потребовал отчета – откуда взялись деньги?

– Из Тифлисского и Московского промышленного банков, – ответил чистую правду Коба. Действительно, именно там он их и получал. Последовавшее за этим объяснением требование подробностей он отмел как не соответствующее азам конспирации, но предложил почтить память погибшего в борьбе товарища Камо минутой молчания. Депутаты помолчали, осмысливая ситуацию, но потом снова возбудились. Луначарский с Воровским, перебивая друг друга, начали вдруг интересоваться судьбой батумского полицмейстера (если лицо, сидящее на такой должности, крутит шашни с анархистами, медицина тут бессильна, считал я, ну и отдал соответствующий приказ), каких-то присяжных поверенных из Баку... Наша партия всегда была против индивидуального террора! – возмущенно подытожил Луначарский.

Так в чем вопрос, подумал я, вас же двое, так что в полном соответствии с устремлениями партии вот лично к вам применим массовый – ибо нефиг лезть не в свое дело. Вообще, надо заметить, до должного единства в партии было еще ой как далеко.

Потом, минут через десять, народ утихомирился, и Богданов зачитал свой доклад об отношении к политике правительства и участии партии в работе легальных выборных органов типа Собора. По его словам выходило, что текущая политика российских властей есть результат их испуга перед революцией, чем надо пользоваться. То есть как можно активнее участвовать в легальной политической борьбе... Интеллигент, он и есть интеллигент, подумал я. Ильич, судя по записи, подумал то же самое, потому что взял слово и объяснил, что упомянутая политика чрезвычайно опасна своей умной реакционностью, она призвана направить энергию масс в сторону от революционного пути, и задача большевиков – в неуклонном разъяснении этого трудящимся. Участие в любых выборных органах, кроме Собора, недопустимо. А этот Собор надо использовать исключительно как трибуну для революционной агитации. Выводы же и предложения товарища Богданова есть оппортунизм в чистом виде.

Далее было зачитано письмо Зиновьева к съезду – сам он в это время руководил петербургской ячейкой РСДРП. Занимался он этим ответственным делом из Гатчинского дворца, причем даже не из подвала – его готовность к сотрудничеству оказалась выше всяческих похвал. Письмо это он накарябал сам, причем перед этим долго просил меня, чтобы я хоть намекнул ему, что писать...

– Правду! – озадачил его я. – А уж насколько полную, это вам виднее. В общем, не надо приукрашивать действительность.

Так что в письме было написано о множественных арестах, а то и просто пропажах активистов, об огромных трудностях при агитации на предприятиях, об общем падении интереса рабочих к марксистским идеям. Правда, последний абзац – что несмотря на все это, он продолжает и будет продолжать борьбу – у Григория Евсеевича вышел неубедительно. Какие-то в этом жалобные нотки проскальзывали, право слово... Хотя жил он в довольно комфортабельной комнате, ел то же, что и я, и даже был иногда посещаем Танечкиными сотрудницами!

Второй день работы съезда начался с доклада Каменева о текущих задачах партии. Надо сказать, он сделал вполне логичный вывод – в сложившейся обстановке речь может идти только о сохранении партии, и больше ни о чем. Надо срочно организовывать вывоз товарищей, находящихся под угрозой ареста, резко уменьшать активность работы, как-то пытаться облегчить участь уже арестованных товарищей (ну, этим и без вас есть кому заняться, хмыкнул я). В общем, он выдал художественную обработку несложного постулата – пора прикинуться ветошью, пока не замели. А дальше весь день шла ругань по поводу этого доклада, но к вечеру соединенными усилиями Ленина, Сталина и Каменева, потрясавшего письмом Зиновьева, делегатов удалось сподвигнуть на принятие одобрявшей все это резолюции.

Нет, Сталин не стал моим агентом – такого изначально не планировалось. Просто он погостил у меня пару дней, во время которых произошел конструктивный обмен мнениями. Я напомнил – согласно учению основоположников, построение бесклассового общества возможно только в мировом масштабе. И что достаточно проработанной теории перехода к этому пока нет, но лично мне кажется, что тут возможны два пути. Один – захватив власть в какой-то отдельной стране, использовать эту страну как базу для расширения революции до мировых масштабов. Вполне реальный путь, но тут есть одна тонкость. Мало того, что объективной части революционной ситуации в России нет и не предвидится, но и субъективная, при которой ситуация только и может превратиться в революцию, тоже под большим вопросом. Я имею в виду партию – она пока есть. А вот будет ли в дальнейшем – это еще неясно...

А вот как мне представляется второй путь, продолжил я. Ведь предшественником бесклассового общества является социалистическое, согласны? А что, в свою очередь, может

являться первым шагом к нему? Государственный капитализм. Так именно его я и строю, не жалея сил! И для превращения такого государства в социалистическое нужно всего лишь закрепить верхний предел размера частной собственности.

– А на троне будет сидеть его социалистическое величество император? – усмехнулся гость.

– Необязательно. Может, например, генеральный секретарь правящей партии. В общем, вы подумайте, это пока даже не проект, а так, мысли на общие темы... Да, и еще. Вы не задумывались о том, что для осознанной классовой борьбы нужно еще созреть? В несколько этапов. И как первый – национально-освободительное движение. Потому что эксплуатируемым себя еще нужно осознать, а вот угнетаемым по национальному признаку – тут и так все ясно.

– В общем, – подытожил я в конце, – никаких обещаний мне от вас не нужно. А вот сам я их дам – во-первых, если партия большевиков и дальше будет гнуть линию на вооруженное восстание в России, она будет уничтожена. Чисто физически, это всего-то около четырехсот человек, моим спецслужбам не так уж трудно сделать подобное. А если эта партия временно откажется от такого образа действий – то и противодействие ей будет строго в рамках закона. Причем, возможно, еще и без особого энтузиазма. Потому как национально-освободительное движение в английских колониях и Ирландии, создание компартий в Штатах и Мексике я готов финансировать от всей души. И с пониманием относиться к мелким правонарушениям занимающихся столь полезной деятельностью людей – тоже.

Вот примерно на такой ноте мы и расстались, причем Иосиф Виссарионович, кроме авансированных ему пятидесяти тысяч, увозил с собой два чека общей суммой еще на треть миллиона.

На третий день работы съезд наконец-то добрался до дебатов о создании Коминтерна. Ленину через его секретаршу и подругу уже было обещано щедрое финансирование этой идеи, про которую он, кстати, уже подумывал и сам. Так как большинство делегатов уже довольно давно жило по заграницам, то именно у них идея не вызвала никакого отторжения. Собственно, резко против выступал только Ворошилов, но в силу некоторой косноязычности его доводы не нашли особого отклика. Да и познакомившийся с ним на этом съезде Сталин долго о чем-то убеждал его в перерывах... Так что и эта резолюция была принята.

Для подготовительной работы по созданию Коминтерна была образована рабочая группа в составе Ленина, Сталина, Лапшинской и Дзержинского.

А что, сравнительно неплохо, подумал я, выключая аппаратуру. Если и дальше так пойдет, то, глядишь, можно будет и лично поприсутствовать на каком-нибудь очередном историческом съезде – например, зачитать делегатам приветственное письмо императора.

Глава 14

– Знаешь, я все больше склоняюсь к мысли, что это авантюра, – сообщил мне Гоша одним прекрасным вечером.

Понятно, они с Макаровым уже месяц регулярно играли в кораблики, пытаются смоделировать ход будущей войны на море. И ничего особо оптимистичного у них пока не получалось...

– Даже в самом лучшем случае, – продолжило величество, – флота просто взаимоуничтожаются! И что тогда помешает американцам вступить в войну? И на чем мы выйдем против их «Мичиганов»?

– Сначала отвечаю на первый вопрос – полез в ящик стола я. – На, смотри – что это?

– Судя по трем ногам – транзистор, – пожал плечами Гоша.

– Ну ты у нас прямо натуральный Холмс! Действительно транзистор, которого ни у кого нет и в ближайшее время не будет. Но это так, мелочь. Главное – он кремниевый и произведен в Георгиевске..

Никакого впечатления это на Гошу не произвело.

– Ладно, а слова «система самонаведения» тебе что-нибудь говорят?

– Неужели?! – вскочил Гоша.

– Почти. На столе работает, в воздухе пока нет. Но это, сам понимаешь, дело временное. Так вот, я надеюсь, что штатовцев действительно ничего не удержит от вступления в войну, потому как против англичан мы эти штучки будем применять только в тех случаях, когда будет возможно стопроцентное сохранение тайны – то есть утонул, и с концами.

– То-то ты Поморцева аж в Иркутск загнал...

– Вот именно. Кстати, вот материалы – это старший брат одного из погибших испытателей, он недавно кончил Казанский университет. Парень способный, но не к технике, так что пристройте его где-нибудь у вас с Машей.

– А ведь если бы ты сначала дождался этих транзисторов, а только потом начал испытания ракетопланов, все летчики остались бы живы...

– Значит так, величество, – я привстал, – еще раз ляпнешь что-нибудь подобное, сам полечу очередной экземпляр испытывать! Я серьезно.

– Ладно, забыли, – кивнул Гоша, – но ты и на второй вопрос вроде обещал ответить?

– В смысле, на чем поплывем воевать? На том, что ты обозвал «недоавианосцем».

Крылов уже получил задание на проектирование такого кораблика – пять тысяч тонн, брони нет, вооружение минимальное, зато автономность десять киломилей и скорость тридцать пять узлов. Он должен был нести всего три самолета, но они предполагались «Котятками». Или, как вариант, ни одного боевого самолета, зато полсотни крылатых ракет.

– Так ведь если ракеты хорошо засветить в боях с англичанами, американцы скорее всего не полезут, – предположил император, – вернутся к своему изоляционизму.

– Лет десять назад вернулись бы, а теперь поздно. Получим мы гонку вооружений лет на пятнадцать, а после нее еще одну войну. Ты уверен, что мы выиграем и то, и то? А вот с утопшим флотом идеи про невмешательство в европейские дела вполне могут овладеть массами. То есть наверняка овладеют, если идеям помочь, а массы поддержать, чтоб не вырывались.

– Интересно, – усмехнулся Гоша, – все считают корабли этой серии рейдерами.

– В какой-то мере так и есть, на восемь посудин у нас ракет точно не хватит. Тут, правда, намечается интересненькое такое обстоятельство... К нам едет Токигава.

– Ведущий японский авиаконструктор, которого ты вроде даже ставил выше де Хэвилленда?

– Не одного его, а их дуэт с Ниномией, этот – генератор идей и аэродинамик, Токигава – прочнист и эксплуатационщик. И что-то у меня сильное подозрение про цели его поездки – Токигава возглавлял комиссию по оценке результатов применения наших самолетов-снарядов. Так что, подозреваю, наши новые друзья собираются заняться разведением камикадзе. То есть пока Токигава едет, нам не помешает решить, как мы будем относиться к таким порывам их самурайской души.

– Хорошо будем относиться, – без особых сомнений заявило величество, – потому что ты наверняка что-нибудь придумаешь на тему обезопасить нас на случай внезапной ссоры с Токио. Дистанционный радиовзрыватель, например...

– Нельзя так с союзниками, – не согласился я.

– А с Одуванчиком почему было можно?

– Потому что в первой фазе операции он был не союзником, а наемником. Ладно, на взрывателях свет клином не сошелся, еще что-нибудь сочиним. Лучше скажи, насколько нам повредили последние инициативы Лондона насчет фрахта в Черном море.

– Не только фрахта, – усмехнулся Гоша, – наши корабли теперь еще и в Суэц с очень большим скрипом пускают. К пожарной безопасности цепляются, в основном. Так что хлебный экспорт в этом году сократится примерно на треть.

– И?

– В этом году во многих губерниях был неурожай, так что зерно скупается

государством по программе помощи голодающим. Финансовые резервы у нас есть, так что этот год переживем спокойно, но вот дальше... Свято место пусто не бывает, американцы влезут.

– Та-ак... а если у них вдруг у самих образуется мощный потребитель зерна, это поможет?

– В общем да, а откуда он там возьмется?

– Уже есть, «РХ» называется. Что, не знал? «Райт-Хренов», авиационная фирма, делает самолеты и моторы по украденным у нас образцам – зря, что ли, я через шестой отдел туда два чемодана документации отправил, а Одуванчик еще добавил пароход с реквизируемыми у англов движками. Так я им скажу, чтоб переводили моторы на спирт – и мощность повысится, и ресурс. Они же еще и автомобилями собираются заняться, а мотоциклами так уже начали. Так что построим там несколько могучих самогонных комбинатов, и вперед.

Гоша внимательно смотрел куда-то в потолок, и у него потихоньку разгорались глазенки.

– Сухой закон! – выдал наконец он. – Партия его сторонников там есть давно, но пока правительство, хоть и с трудом, ухитряется спускать их инициативы на тормозах... Поможем делу сохранения здоровья великого американского народа, ну чего им ждать еще десять лет?

– Обязательно, – согласился я, делая пометку в блокноте, – и что ты там еще говорил про Суэц? Это я к тому, что египетский народ – он тоже великий, и грех выделять на его освободительную борьбу такие копейки – надо посильнее проявлять широту души.

– Ну и напоследок у меня к тебе предложение, – сообщило величество. – По твоему плану в эту пятилетку предполагается только протянуть железку до будущего Мурманска, а город и порт строить потом. Однако мы с Машей нашли средства на форсированное строительство всего сразу. Понимаешь, страшновато мне складывать все яйца в одну корзину... Пойди что-нибудь не так – и сейчас Россия вовсе без морской торговли с западным полушарием останется. Дальний, это пока все-таки больше для красоты.

Ага, подумал я, вот тут самое время давно свербившую идейку подсунуть.

– Хорошая новость, – согласился я, – а то мне тоже без Мурманска было как-то не очень. Но тут само собой напрашивается продолжение – понимаю, что вам с Макаровым интересно по вечерам кораблики на столе гонять, потому как картами не интересуетесь, а в шахматы толком не умеете. Однако придется малость отвлечься – потому как где Мурманск, там и северный морской путь. Начал было Макаров его открывать, да пришлось отвлекаться на японцев – зато теперь самое время. Не экономьте, потому что иначе ценность Японии как союзника заметно падает. Вдруг на Тихом океане будет сравнительно спокойно, Панамского канала нет, так что Штаты вообще в войну могут не полезть или ограничиться с той стороны обороной побережья... А тут можно будет устроить сюрприз – японский флот в Атлантике! Так что озадачь, пожалуйста, Степана Осиповича – сам может и не плыть, все-таки старый он уже и неоднократно раненый, но руководить этим делом кроме него некому. А я четвертый и пятый «Кондоры» выдам в полярном варианте, для этого машина вполне подходит.

– И полюс заодно откроем! – впал в неуместный энтузиазм Гоша.

– Лавры Винни-Пуха покоя не дают? – поморщился я. – Нехай его Пири с Куком открывают, там аборигенов нет, так что этого Кука точно не сожрут. Хотя, блин, там медведи... В общем, ну его в зад, если уж так подопрет, лучше возьмем да и откроем западный полюс.

Вечером я попытался не заглядывая в документы вспомнить, как называется фирма едущего к нам японского гостя – все-таки у них тяжелые для содержания в памяти названия. Что-то такое... эдакое... вроде «ниихуяки данке». Потом велел референту найти точное наименование, а сам начал думать, чем нам может помочь или, наоборот, угрожать камикадзическая идея. Вроде получалось, что особой угрозы нет – особенно если и больших кораблей во флоте не будет. Ладно, приедет гость, послушаем.

Позвонил референт и сообщил, что фирма называется «Нигихаяки дэнки», то есть «корпорация имени Небесного Бога». Надо же, получается, я название с одного раза запомнил практически точно.

Полковник Токигава прибыл в Гатчину через неделю.

Вообще-то сотрудничество по авиационной линии было прописано в секретном протоколе одним из первых, но кто конкретно поедет, японцы думали долго. И вот, значит, придумали...

Полковник несколько оговорил меня прямо с первой встречи.

– Я уполномочен раскрыть вам все интересующие вас секреты в области японской авиации, – заявил он, – в обмен на те из ваших, которыми вы сочтете нужным поделиться.

– Интересная позиция, – усмехнулся я, – вы не против, если я на конкретном примере уточню, что значит «все»? Меня интересует возня вокруг де Хэвиленда.

Из рассказа полковника можно было сделать один из двух выводов – или они действительно решили ничего от меня не скрывать, или знают, что насчет новостей у Джеффри я осведомлен ничуть не хуже них. Токигава поведал мне, что из-за непрекращающихся нападков со стороны Адмиралтейства де Хэвиленд практически потерял свою фирму в Англии, но Япония предложила ему финансовую помощь, приличный объем заказов и даже какой-то местный титул. В общем, в ближайшее время у «Нигихаяки дэнки» образуется конкурент.

– Интересно, – кивнул я, – рад за Джеффри. Ну, а насчет секретов... Мы сейчас как раз заканчиваем проектирование нового истребителя. Именно нового и именно истребителя – потому что «Бобик» – это вообще-то штурмовик и пикировщик, просто, вы уж извините, для борьбы с вашими самолетами никакого специального истребителя было и не нужно. Так что предлагаю вам на недельку слетать в Георгиевск, посмотреть, поспрашивать, может, даже и покритиковать что-нибудь...

Полковник поблагодарил, а потом поинтересовался:

– Скажите, а можно к вам обратиться с личной просьбой?

– Вполне.

– Не могли бы вы познакомить меня с тем вашим летчиком, который в войну летал с изображением удава на фюзеляже?

– Запросто, только он не говорит по-английски. А что, приходилось встречаться в воздухе?

– Нет, только моим ученикам. Меня, к сожалению, на фронт не пустили, поэтому я и не смог встретиться в небе с этим выдающимся мастером боя.

– Это нетрудно устроить, – усмехнулся я, – если хотите, он проведет с вами несколько тренировочных боев. Я предполагал что-то подобное, поэтому заранее вызвал его сюда. Так что можно прямо сейчас съездить на аэродром, он там, ну и пообщаться. Так я вызываю машину?

В общем, Токигава застрял в Гатчине на три дня – повышал летную квалификацию. В первом же полете полковник Мишка Полозов за три минуты ухитрился провести четыре атаки, каждая из которых не оставляла шансов его противнику, а потом прекратил бой и пошел на посадку.

– Господин генерал, – обратился он ко мне, – скажите японцу, что на третий класс он тянет. Которых я над Ляодуном сбивал, летали хуже.

– А не поучишь его маленько?

– Да как же я его учить буду, если он по нашему не понимает?

– Вот кому я говорил – учи английский! Давно бы уже генералом был.

– Я могу чуть говорить русский, – встрял подошедший Токигава.

– Вот и отлично, – кивнул я, – он вас поучит летать, а вы его – говорить. Согласны?

После уроков с Полозовым японец слетал на неделю в Георгиевск, познакомился с моими конструкторами и их последним детищем – истребителем «Ишак». Я без особых опасений распорядился показать ему эту машину, потому как это все-таки задумывалось не

столько как боевой, сколько как учебный самолет, все равно к большой войне он устареет. Но на японца проект произвел сильное впечатление. И, выразив свою благодарность, он наконец перешел к тому, ради чего, как я и предполагал, в Россию послали именно его.

– Я внимательно изучил применение ваших самолетов-брандеров, – сказал он мне. – Поначалу я даже думал, что ими управляли летчики, но потом отказался от этой мысли. Скорее всего, это радио. По моим наблюдениям получилось, что если управлять брандером с корабля, то вероятность попадания в корабль противника составляет в лучшем случае одну треть, причем это попадание может быть только в борт. Во время атаки на Сасебо результаты были лучше, но, думаю, потому, что из-за отсутствия зенитного прикрытия ваш самолет-наводчик смог опуститься довольно низко. Я прав?

– Вполне, – кивнул я, – продолжайте.

– Ваш механизм радиоуправления наверняка будет совершенствоваться, – продолжил Токигава, – но совершенствоваться будет также и противовоздушная оборона. Так что вряд ли результативность этого оружия заметно вырастет. Однако самый первый воздушный бой над Порт-Артуром показал, что есть и другая возможность. В воздушном брандере может находиться пилот. Однако наши специалисты по России уверили меня, что вы вряд ли будете разрабатывать такой способ уничтожения кораблей противника.

– Не поймите мои слова как сомнение в мужестве русских летчиков, – с некоторой заминкой продолжил полковник, – я знаю, что в случае необходимости они без колебаний идут на смерть... Но с восторгом выбрать себе судьбу погибнуть во славу императора могут только сыны страны восходящего солнца.

– Не уверен, – хмуро буркнул я, – наверняка и у нас таких найти можно. Вы правы в другом – считать это само собой разумеющимся, действительно, могут только у вас. И что, вы хотите разработать специальный самолет для этих целей?

– Хотим, – согласился Токигава, – но мы с моим партнером трезво оцениваем свои силы. То, что сделаем мы, получится заметно хуже того, что, взявшись за эту задачу, сделаете вы. А летчики-тэйсинтай достойны идти в последний бой на лучших в мире машинах.

– Мне, значит, для них эти машины предлагаете сделать... Причем если нужны действительно лучшие в мире, то они должны быть не только разработаны, но и сделаны в России, вы это понимаете?

– Понимаю, и поэтому мы предлагаем вам... не могу подобрать слова. Ваши самолеты с нашими летчиками будут воевать и против наших, и против ваших врагов.

– То есть вы предлагаете организовать подразделение... как вы это назвали? – малость охренел я.

– Тэйсинтай. Жертвующий жизнью.

– Ага, их самых. В Российском ИВВФ?

– Да. Наши пилоты отдадут свои жизни во славу микадо, но по вашему приказу.

– Вынужден попросить время на обдумывание, – с сомнением сказал я, – ваше предложение слишком неожиданно.

Собственно, тут надо было просто уяснить для себя, что это – высшая степень цинизма или героизма? Или это еще что-нибудь, вовсе мне неизвестное...

Глава 15

Все-таки на женщин сильно действует появление внуков, думал я дождливым октябрьским вечером пятого года. Причем именно внуков, внучки на них так не влияют! Вот в том мире жили мы с супругой не сказать что в такой уж безумной любви, но в полном согласии. И что? Как только дочь разродилась потомством, жена тут же сбежала то потомство нянчить. Но там ладно, все-таки это себя так повела законная жена. Но тут-то – любовница! И то же самое – дочек Ники по полтора раза в год видела и не страдала от этого, а как родился у Николая сын Алеша, так она готова была все свободное время проводить

вокруг него. Правда, у Алисы это не встретило ни малейшего понимания, так что в тот раз все быстро вернулось в исходное состояние. Но теперь, с рождением Вовочки, да еще при полном попустительстве Маши, моя ненаглядная безвылазно торчала в Зимнем, заявив мне, что если я хочу ее видеть, то пусть сам и приезжаю. Будучи в общем человеком довольно занятым, я совмещал визиты к даме сердца со служебными надобностями, по которым мне иногда требовалось посетить императорскую резиденцию. Дело в том, что Гоша выразил пожелание, дабы аресты лиц от третьего класса табели и выше я производил лично – а то, мол, империя все-таки сословная, и неудобно, когда его сиятельство какого-нибудь министра берут под белые ручки простые сержанты... Так что в последний раз, когда я приезжал за Бирюлевым, уловивший закономерность народ впал в панику и попрятался. И чего, спрашивается, так пугаться, если не воруешь? – грустно думал я, идя по мгновенно опустевшим коридорам. Ведь сегодня я приехал не по служебной надобности – всех подлежащих этому уже взяли – а по зову сердца, в кой-то веки раз повидать любимую... Я вам виноват, что желающих грохнуть меня можно выстроить в очередь длиной с горбачевскую водочную, и поэтому ездить приходится с охраной? Ну вот, опять кто-то бегом ломанулся, вон как копытами стучит... Что там за «шлеп»? А, занесло болезного в повороте, полы-то скользкие.

Мари уже ждала меня – на столике имелось кофе, пиво, вобла и печенье.

– Дорогой, – поинтересовалась она после того, как ознакомила с последними новостями про Вовочку, – ты как-то будешь готовиться к свадьбе?

– Это к какой еще? – поперхнулся пивом я.

– О господи, – вздохнула дама, – и за что мне такое наказание? Не пугайся, не к нашей! Его высочество и твой генерал, между прочим, Михаил собирается сочетаться браком с японской принцессой, в православии принявшей имя Марина Владимировна.

– Хорошее имя, – согласился я, – и когда они двинут под венец?

– Сразу после Рождества.

– Три месяца же еще осталось!

– Вот я и спрашиваю заранее, а то скажешь тебе за две недели, а в ответ – занят!

– Спасибо, придется, конечно, готовиться – там же все августейшие персоны будут, с одной охраной возни сколько... Или ты имела в виду что-нибудь другое?

– Я вообще-то имела в виду, что не надо туда приходить в этой черной форме, а то половина гостей разбежится. И в своем синем дранье, которое ты называешь «джинсой», тоже не надо. Сшей наконец себе нормальный костюм, а?

Ну, раз ее величество велит шить, то что тут поделаешь – пришлось радировать в Находку и приказать срочно отправить в Гатчину тамошнего портного, которого я считал Айсбергом, а он при ближайшем знакомстве оказался Айзенбергом. Он поселился тут же, во дворце. Вообще-то я не настаивал – думал, может человеку за почти три года надоело сидеть на полуказарменном положении. Однако, узнав, что за житье во дворце не придется платить, мастер категорически заявил мне, что дворец его вполне устраивает и я как сосед тоже. Получив же мое разрешение вкупе с заверением, что чего-чего, а еврейских погромов тут точно не будет, он перетащил к себе и жену с двумя внуками. Потом сел за работу и за несколько дней сваял мне костюм по картинкам – я распечатал ему десяток фото Шона Коннори в роли Бонда.

– Таки с бородой вы выглядите куда солидней! – сообщил мне мастер, переводя взгляд с меня на картинки и обратно.

Свадьба прошла без происшествий, желающих устроить на ней взрыв-другой нашлось мало, всего две боевых ячейки – эсеровская и анархистская, так что мы чествовали нашего главкома ИВВФ и Марину Владимировну в мирной, патриархальной и даже чуть скучной обстановке. Гостей было немного, действо заняло всего полдня и не сопровождалось ни единым актом рукоприкладства. Мало того – даже дядя-адмирал практически не нажрался! Впрочем, в основном это была заслуга его молодой жены Оленьки.

А через три дня после этой свадьбы я получил из Англии такие сведения, что вынужден

был срочно собрать политбюро.

– Ну, так что у нас тут случилось катастрофического? – открыл заседание Гоша.

– В конце марта Англия объявит войну Черногории, – пояснил я. – Якобы они все это время собирали материалы про действия черногорской эскадры, и вот наконец признали их противоречащими всему, чему только можно...

– Допрыгались, – мрачно констатировала Маша.

– Они или мы? – невинно поинтересовалась Мари.

– Вот это и есть предмет сегодняшней беседы, – хмыкнул Гоша. – У тебя есть что-нибудь по их дальнейшим планам?

– Из фактов – только то, что тебе скоро придет приватное письмо от Эдика на тему «да плюньте вы на ту Черногорию». Типа к нам претензий у них нет. На самом деле, понятно, все обстоит как раз наоборот...

– А, – заинтересовался Гоша, – то есть им выгодно, чтобы мы не вмешивались в конфликт и огребли за вероломство падение международного авторитета?

– Ну, с такими людьми вполне можно предполагать обратное – они нас хотят уверить, что дела обстоят так, как ты только что описал, чтобы мы вмешались. А они только того и ждут! В общем, предлагаю пока решить, что выгодно нам самим.

– Если не вмешаемся, это будет выглядеть некрасиво, – задумалась Мари, – а если вмешаемся – они нам полностью перекроют морскую торговлю.

– «Вмешаться» – понятие растяжимое, – заметила Маша.

– Вот именно! – поддержал племянницу я. – Ведь что говорится в договоре коллективной безопасности, про который чуть ли не ежедневно поминает величество? Что обязательной является экономическая помощь и прекращение торговли с агрессором, прямая военная же – только по просьбе пострадавшей стороны. И в этом случае насчет международного авторитета... где надо, не пострадает. Потому как экономическая помощь будет заключаться в поставке вооружений и отправке добровольцев для их применения.

– Хлебному экспорту кирдык, – предупредила Маша.

– Так этот год вроде переживем? А там видно будет. Вот что меня действительно беспокоит – это позиция Австрии. Неважно, что она к войне не готова – мы-то готовы еще меньше! Хрен ними, пусть Боснию и Герцеговину хоть вместе с Сербией и Болгарией забирают, но им ведь наверняка проплатят, чтобы они и в Черногорию полезли!

– Думаю, что Вилли нам поможет, – не очень уверенно сказал Гоша.

– Я, кстати, тоже. Но потом-то что будет? Сейчас мы более или менее равноправные партнеры. А когда он нас вытащит из ... э-э-э... затруднительного положения, мы вынуждены будем встать в позу «чего изволите».

– Ну, наши гвардейские полки австрийцам не по зубам, – заметила Мари.

– А вот тут вторая новость, в комплекте с первой. В Польше готовится восстание, большевики, лапочки такие, даже резолюцию приняли, что сейчас оно преждевременно. Руководство-то то мы основательно проредим, но Польша – это такой бардак, где и без всякого руководства может полыхнуть не хуже, чем с ним. Так что нельзя нам гвардию на войну отправлять... Кстати, про Финляндию у меня пока сведений нет, но подозреваю, что такое удобное место англы тоже не пропустили. В общем, гвардия с австрийцами воевать не будет.

– Но они об этом не знают, – возразил Гоша. – И Вилли нам может помочь не только напрямую, но и дипломатически, надавив на Габсбургов.

– Ну, это я предполагал, так что Танечка вчера отправила письмо, где она на трех страницах изнывает от разлуки с любимым. Так что дней через несколько ждем гостя.

– Опять на дирижабле прилетит? – уточнил император.

– Да, но теперь не так страшно, Цеппелин перешел на гелий.

– «Кильки» к началу войны никак не подспеют?

– Чтобы их еще и вывести из Черного моря – никак. Максимум – первую можно будет использовать в прибрежных операциях. Зато четыре «Ишака» уже почти готовы. И «Кошек»

у нас в европейской части около полутора сотен.

– А на Курилы англы не полезут? – забеспокоилась Маша.

– Боюсь, что нет. Но Одуванчика придется усиливать... Я бы ему первую тихоокеанскую эскадру продал.

– Э... это кому? И как? – охренел Гоша.

– Лорду-протектору Курильского королевства, русскому графу, черногорскому князю и шикотанскому барону Маслачак-паше, – пояснил я, – в рассрочку и без первого взноса.

– Он, кстати, уже два дня как японский маркиз, – уточнила Маша, – это за то, что пять лет не будет мзду брать за право рыбачить в Охотском море. И китайский... блин, какой-то сунхуй не помню куда, пятьсот рублей на это не пожалел. И это хорошо, что мы ему дадим в долг – потому как у нас с ним в Штатах интересный бизнес намечается, а там титулы котируются не очень. Зато человек, который должен четверть миллиарда – это фигура! С таким и президенту общаться не зазорно.

– Так зачем ему эскадра, если на Курилы никто не полезет? – не поняла Мари.

– А Гонконг ограбить до нитки? Кстати, мысль. Японцы ему напрямую помогать не могут, договор с Англией не даст, но выделить нам пару полков на время он не помешает. А мы эти полки сдадим в аренду... Потому что Паша будет занят грабежом англичан, их там достаточно, на китайцев у него просто времени не хватит. Вот ими японцы и займутся, тем более что у них в этом богатый опыт.

– У англов на Сингапуре военно-морская база, – уточнил Гоша.

– Вот именно, что на Сингапуре. Сначала надо узнать, что в Гонконге гости, потом собраться, потом приплыть... Три дня у Одуванчика точно будет, и мне даже интересно будет посмотреть, что после него там останется.

– Но все-таки, – захотела ясности моя ненаглядная, – какова цель англичан во всей этой истории?

– Очень простая – вернуть российскую внешнюю политику в состояние как при Ники. То есть когда каждый чих из английского посольства воспринимается в качестве откровения свыше.

– Ладно, – задумался Гоша, – а что будет в самом пессимистическом для нас варианте?

– Полное прекращение торговли через Черное море. Ограничение ее по Балтике. Обстрел наших черноморских городов – это точно, и некоторых балтийских – вероятно. Десанты – это вряд ли, – предположил я.

– Это если мы объявим им войну.

– Или они нам, – пожал плечами я.

– Не скажи, большая разница. Одно дело, когда Николаев, например, раскатают по бревнышку в результате наших действий, а совсем другое – в процессе вероломного нападения.

– Да, – въехал я, – тогда нужно заранее какой-нибудь корабль привести в порт Бар, передав в оперативное подчинение Черногории – ну типа по обмену – мы им крейсер «Варяг», они нам крейсер «Вобля»...

– Это ту фанерину с одноцилиндровым движком? – усмехнулся Гоша, – она же и до Босфора не доплывет!

– Да какая разница, пусть только из порта выйдет и топится, а тут у нас еще две точно таких же есть.

– Но ведь «Варяг» идет с Дальнего Востока, ему ремонт нужен...

– Вот поднимем со дна после войны, заодно и отремонтируем. Хотя несколько раз он в сторону противника выстрелить сможет, и ладно.

– Просто так посылать на смерть нормальный корабль с командой? – с сомнением спросил Гоша.

– Окстись, на какую еще смерть? Высунется из бухты, бабахнет со всех стволов и бегом обратно – топиться. Ну, а ракообразные под шумок кого-нибудь торпедами приласкают.

– А потом? Им же через Босфор будет уже не пройти!

– Одуванчик передал мне свои контакты на Корфу. Организуем там временную базу, место хорошее.

– Пора, значит, отправлять в Черногорию аэродромные команды...

– И Богаевского. Правда, там горы, на лошадях не везде проедешь, но у его казаков есть опыт партизанской войны. И полк калединских ветеранов, для организации непроходимой обороны на подходах к столице.

– Постойте, – вмешалась Маша, – тут ведь еще один нюанс есть. Сейчас мы имеем союзный договор с Францией. Это, между прочим, условие выданных нам кредитов. Итак, на нас напали. Что должен делать союзник? Немедленно, в тот же день, объявить войну агрессору! И если не объявит, то мы с возмущением заявляем, что они этот свой договор похерили, а мы, значит, теперь сидим и недоумеваем – возвращать деньги-то, ну и проценты платить мы должны союзнику. И где он?

– Хорошо, – кивнул Гоша, – а если они войну объявят, но воевать не будут?

– Мы у них потребуем аэродромы для размещения нашей авиации, которая с них будет бомбить Лондон – причем быстро, в течение двух дней. Не предоставят – смотрим выше...

– Ну, – подытожил я, – хрен его знает, может и выкрутимся. Во всяком случае, с сегодняшнего дня начинаем пытаться.

Глава 16

И откуда в людях столько стадного инстинкта? – сокрушенно думал я, читая доклад Танечкиной службы. Он был про то, что наблюдается заметный рост популярности курортов Черногории...

Многие из калединских ветеранов и наиболее отличившиеся в боях казаки получили оплачиваемый отпуск – дело вообще-то в Российской империи новое, но вполне оправданное – чай, служат-то по четыре года. Еще одним новшеством были бесплатные путевки к местам отдыха, о чем (по моему недосмотру) уже вышла пара восторженно-недоуменных статей. И вот на тебе – начали появляться желающие отдохнуть в этом, судя по наплыву публики, перспективном месте. Татьяна поначалу думала, что это засланцы наших «друзей», но проверка показала – обычные идиоты, возжелавшие экзотики. Даже если не знать, что там скоро начнется, то можно же было сообразить, что в конце февраля лучше отдыхать где-нибудь в более теплых краях! Очередная сводка погоды гласила, что дождь там кончился. Начался снег...

Среди отдыхающих были и довольно колоритные фигуры. Полковник Токигава проконсультировался сначала в японском посольстве, потом со мной, и в ИВВФ появился новый капитан, чукча по национальности, которого звали Агабек Худайбердыев. Сейчас он тренировался говорить с акцентом своей родины, то есть добавляя в конце каждого предложения слово «однако» – полковнику очень хотелось испытать «Ишака» в настоящих боях.

Англичане (тоже, видать, к курортному сезону) лихорадочно достраивали «Дредноут». Никаких изменений в проект не вносилось – он так и вышел в свет практически без ПВО и с каким-то суррогатом вместо противоторпедного пояса. Но все равно кораблик был серьезный, и меня мучил вопрос – неужели такого мастодонта в спешке готовят против Черногории? Скорее уж можно было предположить, что против нас...

Из заложенных двух подлодок новой серии (проект «Килька») только одна имела шансы быть достроенной до начала событий, и сейчас работы на ней велись в три смены. Через неделю Налетов обещал мне спустить ее на воду.

Паша Одуванчик, получив новости о грядущих событиях, встретил их с энтузиазмом и отправил дополнительный контингент своих сотрудников на Гонконг – у него и раньше там были неплохие связи, профессия обязывала, но теперь требовалась конкретная информация. Где что лежит, насколько плохо, какие средства нужны для вывоза и так далее. Видимо,

полученная им информация внушала оптимизм, потому как он уже задал осторожный вопрос – а обязательно ли по окончании заварушки продавать нам обратно всю эскадру? Может, господин канцлер согласится с тем, что верный союзник России всерьез купит крейсер-другой? Можно с наценкой – вплоть до десяти процентов к балансовой стоимости! А за «Аскольда» не жалко и тринадцать добавить, раскатывал губы его светлейшее высочество лорд-протектор.

Каледин, изучив место предстоящего отдыха, заявил, что черногорская столица – Цетин – расположена крайне неудачно и оборонять ее бессмысленно. Вот если столицу перенести куда-нибудь в центр страны, а то ведь имеющуюся англичане смогут обстреливать даже с кораблей! Так что императору Николе Первому было обещано, что Цетин мы ему потом поможем отстроить краше прежнего, а пока ему неплохо бы озаботиться переездом в Никшич, например. А Маша вообще предлагала после войны на пустом месте создать город будущего – для императора великой Черногорской Империи с учреждениями и услугой, министерств и центра международной торговли.

До приезда Вилли Татьяна успела в темпе слетать на Адриатику, где сфотографировалась с Николой и получила неофициальное письмо, в котором он признавал Танечку своей побочной дочерью. Так что теперь Татьяна, посмотрев, как выглядит место ее рождения и наспех заучив несколько сербских слов, плакалась Вилли о смертельной опасности, нависшей над ее прекрасной родиной. Кайзер, уже до этого обиженный поведением Вены, которая явно выходила из-под его влияния, воинственно топорщил усы и заявлял, что божественная Таня может не беспокоиться, ибо рыцари еще не перевелись и всегда найдется кому защитить слабую женщину. Смех смехом, но он уже поручил своему послу неофициально намекнуть, что появление австрийских войск в Сербии будет встречено им без всякого понимания, а в Черногории – так и вовсе с неудовольствием. В разговоре же со мной кайзер попросил уточнить, что я понимаю под словом «аншлюс»...

Я сказал, что лично мне непонятно, почему процесс объединения Германии застрял на половине пути. Имеется здоровый кусок территории, на котором живет население, говорящее по-немецки. Но правит там почему-то не кайзер, а вовсе даже не пойми кто! А население наверняка хочет кайзера, его просто никто не спрашивал. Если же правильно, не экономя на подготовке, спросить – так наверняка больше трех четвертей будет «за»! Правда, это не вопрос ближайших дней – но начинать думать на эту тему можно уже сейчас, чтобы потом не импровизировать в спешке.

Кайзер, подумав, выразил сомнение насчет Венгрии.

– Они же вроде хотели независимости, даже восстание поднимали? – уточнил я. – Ну так и давайте подарим им свободу! Но не на халяву, пусть сначала возместят нам с вами расходы по своему освобождению, а до этого там будет временная немецкая администрация, например. И с Чехией, наверное, надо будет сделать так же, чтобы венгры не обиделись.

Гоша действительно получил от английского короля письмо. Мы быстро убедились, что содержание соответствует имеющемуся у меня черновику и отправили заранее заготовленный ответ, в котором Гоша многословно благодарил за совет и заверял, что обязательно ему последует, потому как действительно не стоит какая-то Черногория того, чтобы из-за нее ссорились великие державы. Но, с другой стороны, у русского императора есть жена, которая в той Черногории работает курительской королевой... С третьей стороны, королева человек разумный, так что готова рассмотреть любое взаимовыгодное предложение – но, с четвертой стороны, по мелочам она от дел отвлекаться не любит... В общем, на тридцати пяти листах письма рассматривалось восемнадцать сторон означенной проблемы – нам не жалко, пусть его величеству Эдику будет чего почитать по вечерам.

За всеми этими событиями как-то незаметно подошла середина марта, потом его конец... Весьма внушительная английская эскадра во главе с «Дредноутом» вошла в Средиземное море. Когда она уже огибала Сицилию, Никола получил ноту с объявлением войны – в качестве первоапрельского подарка.

А я тем временем с ужасом думал – и что же будет, если на нас нападут действительно

внезапно? Сейчас, имея на подготовку два месяца, мы ухитрились организовать просто выдающийся бардак.

Патронов для трехлинеек было завезено на несколько лет непрерывной стрельбы. Однако на вооружении казаков и каледицев были в основном автоматы... Попытка завезти под эти патроны пулеметы старого образца, с которыми мы воевали на Ляодуне, почему-то привела к тому, что в Черногорию прибыла партия новых, в заводской смазке, отличных единых пулеметов ПНФ 1905 – но потребляющих маузеровские патроны, которых там не имелось и десяти тысяч... Вилли обещал срочно помочь с патронами и даже переправить их на место по своим каналам – но время!

По вроде бы реальным планам получалось, что у нас там будет порядка трех тысяч морских мин, но к первому апреля их насчитывалось всего восемьсот штук. Противопехотных тоже получилось меньше, чем задумывалось, но тут хоть на проценты, а не в разы. И, наконец, последний пароход, который вез минометы, мины к ним и дивизионный госпиталь, проскочил буквально под носом у английской эскадры, а на подходе к Бару налетел на нашу же мину, но, к счастью, не затонул, а успел выброситься на берег.

Правда, на общем фоне было-таки одно светлое пятно – перебазирование авиагруппы прошло просто удивительно организованно. Само главное, были заранее подготовлены несколько бензохранилищ, так что бензиновый голод нам не грозил. Авиагруппа включала в себя два полка «Кошек», полк «Бобиков», четыре «Ишака» и полтора десятка двухместных автожиров.

В общем, Михаил еще раз подтвердил, что является способным военным администратором.

Австрия тем временем провернула операцию с Боснией. Дело в том, что еще с Берлинского конгресса там находились австрийские войска, но сама территория считалась турецкой. Так вот, туркам подкинули что-то в районе пары миллионов фунтов, и они согласились, что ситуация сложилась какая-то неправильная и пусть Австрия берет эту Боснию себе, если хочет. Она и захотела... Сербам же австрияки заявили, что их, так и быть, пока не тронут, но только при условии полного отказа от поддержки Черногории. Таким образом, с суши к Черногории можно было подобраться только со стороны Турции, море заблокировала пока еще не решающая приблизиться вплотную английская эскадра. По воздуху же мы могли летать к нашим союзникам с территории Болгарии, с аэродрома под Софией, пообещав им за это в случае чего защитить от Австрии. Англичане же пока медлили, потому как у них возникли трудности с аэродромами на итальянском побережье Адриатики – мы не зря раздали приличные суммы в качестве взяток чиновникам и пожертвований лицам с антиобщественными наклонностями. Основу английской воздушной эскадры составляли двести с лишним «Варриоров», три «Голиафа», пятьдесят «Спитфайров» и два десятка новейших истребителей «Роллс-Ройс Фантом», уже получившие у наших летчиков прозвище «Глист».

В России весть о начавшейся войне всколыхнула в основном интеллигенцию. Все вдруг завопили о какой-то исторической миссии по установлению нового порядка на основе славянского братства и еще черт знает чего... В общем, агитировали за то, чтобы мы со всей дури влезли в заварушку и оттяпали себе все Балканы – а в исполнении некоторых отморожков еще и проливы. Ладно, собака лает... Но когда те же песни запели видные политики и предприниматели, Гоша собрал их вместе и произнес небольшую речь.

– Незадолго до этих событий, – сообщил собравшимся император, – я беседовал с одним весьма достойным человеком. Он говорил мне примерно то же, что и вы – про то, что славянам надо помочь, да и проливы вещь неплохая. Я внимательно его выслушал, потому что он имел право на такие речи. У него на плечах были погоны, и он знал, что в случае конфликта Россия пошлет осуществлять эти идеи именно его. Сражаться и умирать... Сегодня он в Черногории. Сейчас, ознакомившись с вашей точкой зрения, я хочу спросить – я правильно понял, вы тоже все готовы именно к этому? Если да, то я готов оказать необходимую помощь в осуществлении таких устремлений. При выходе из зала находится

столик, где производится регистрация добровольцев. Так как здесь нет бедных людей, то винтовку и обмундирование каждому будет нетрудно приобрести за свой счет. Господин Родзянко, вы что-то хотите сказать? Простите, но я отмечаю ваши возражения. Канцлер, например, гораздо старше вас, что совершенно не помешало ему принимать самое непосредственное участие в боевых действиях. Однако, сказанное вами наводит на нехорошие подозрения... Неужели вы выступали за эскалацию конфликта на Балканах, имея в виду, что лично от вас это не потребует никаких жертв? Если это так, то я не могу назвать этот образ действий иначе как провокацией. Впрочем, для точной квалификации обсуждаемого я пригласил очень компетентного человека... Господин государственный канцлер, вам слово.

– Полностью присоединяюсь к мнению его величества, – сказал я, внимательно оглядывая зал из-за зеркальных очков, – то есть считаю, что право голоса по этому вопросу имеют только готовые на жертвы. Так как все присутствующие здесь свой голос так или иначе уже подали... В общем, хочу немного заострить ваше внимание на том, что его величество сказал «жертва». А не подачка! Когда человек во имя общего дела рискует жизнью – это жертва. Когда отдает состояние – тоже. А когда... в общем, надеюсь, что вы меня поняли. Еще хочу добавить, что безгрешных людей я здесь не вижу. Да, так уж сложилось, что в обычных условиях наша юстиция часто закрывает глаза на мелкие нарушения – мол, строгость российских законов компенсируется необязательностью их исполнения. Но со вчерашнего дня условия стали необычными... Напротив столика для записи добровольцев стоит еще один, для приема пожертвований. Благодарю за внимание.

Интерьер при выходе был чуть богаче описанного мной – в конце прохода между двух столиков стоял комиссар из следственного отдела, а за ним – десяток конвойных. Когда первый из покинувших зал попытался проскочить напрямую, его вежливо взяли под локоток и объявили:

– Господин Челноков? Вам предъявляется обвинение по статьям пятьдесят восемь, сто тринадцать и сто четырнадцать уголовного кодекса. Мера пресечения – арест. Простите, но у вас еще будет время выговориться, однако сейчас ваши слова неуместны. Увести.

После этого других желающих проскочить на улицу с ходу не появилось.

– Как там у Булгакова было, – усмехнулся Гоша, – в очередь, сукины дети, в очередь! Интересно, хоть один пройдет через правый столик?

– Самому интересно... опа, смотри, записывается! Да кто же это такой? Вот те раз – Пуришкевич... Неужели наворовал столько, что лучше на фронт, чем отдать? Вроде про него у меня таких сведений нет, хотя, может, в этом и есть недоработка. Или решил действительно повоевать, в силу врожденного авантюризма и в целях обретения политического капитала? Ладно, будем посмотреть... В любом случае хочу надеяться, что нам удастся поломать отвратную традицию, согласно которой к войне призывают одни люди, а в окопах потом оказываются совсем другие.

– Небось вопль поднимется, что мы опять взялись душить свободу слова, – заметил Гоша, когда очередь из зала уже уменьшилась почти наполовину.

– А то он без этого не поднялся бы, – усмехнулся я, – но зато теперь думающие люди наверняка все прекрасно поняли. Есть у нас самая настоящая свобода слова! То есть вопить можно что хочешь, главное, потом не забыть оплатить это дело. Кстати, надо подумать, как намекнуть, что по предоплате оно обойдется дешевле.

Глава 17

Противник действовал примерно так, как мы и предполагали – то есть сразу организовал блокаду Черногории с трех сторон. С севера австрийские войска в Боснии подошли к самой границе. С запада имелась Сербия, и до того относившаяся к соседу не лучшим образом, а после австрийского ультиматума и вовсе закрывшая границу. С моря никого не пускали английская эскадра и немного уступающий ей по численности

австрийский флот. Пока оставался южный участок, и именно тут мы ждали активности противника – как только оный противник высадит войска в Албании, Черногория будет окружена полностью. То, что при этом придется нарушить чей-то там нейтралитет, Англию не волновало вовсе, а Австрию настолько мало, что этого можно было не принимать во внимание.

Эта война началась так же, как русско-японская в нашей реальности – то есть с подвига крейсера «Варяг». Он отважно выскочил навстречу противнику и открыл суматошную пальбу в сторону английских кораблей. Получив в ответ не то два, не то три попадания, «Варяг» развернулся и на всех парах кинулся в Бар. При попытке его догнать на минах подорвались легкий крейсер и миноносец, причем последний сразу утонул. Несмотря на плач капитана «Варяга», Руднева, о том, что его старая посудина не способна развить больше двенадцати узлов, на завершающей фазе боя она ухитрилась разогнаться чуть ли не до двадцати... Потом все было очень трогательно – играл оркестр, экипаж стоял с непокрытыми головами, «Варяг» красиво тонул у пирса. Англичане тем временем начали пытаться тралить минное заграждение. Однако, несмотря на гадостную погоду, Михаил все же поднял эскадрилью «Бобиков», которая быстро внесла коррективы в планы противника – потеряв два тральщика, враг решил повременить. Английская же авиация по такой погоде не могла летать вовсе.

Мы тем временем активно использовали успехи нашей дипломатии в Болгарии. На тот момент она куда больше тяготела к Австрии, чем к России, но Дурново на переговорах в Софии сумел убедить тамошние правящие круги, что Вена нынче уже не та, ориентироваться лучше на нашедшие общий язык Россию с Германией... Опять же морской флот Софии не по карману, зато Россия готова помочь с организацией воздушного – а именно, по дешевке и с десятилетней беспроцентной рассрочкой продать ей все свои «Пересветы» – а это двести штук! И посодействовать с подготовкой летчиков. Убедившиеся в полной боевой бесполезности подобных машин японцы не отстали и предложили на аналогичных условиях все оставшиеся с войны «Сейки» – немного улучшенные копии того же «Пересвета». То есть еще сто двадцать штук, что выводило Болгарию на четвертое место в мире по численности воздушного флота. В общем, теперь мы обживали выделенный в наше распоряжение аэродром под Софией.

С разбегу влетевшее в мой кабинет величество совсем было собралось обратиться к читающему какие-то бумаги канцлеру, но тут увидело скромно сидящего в уголке авиационного подполковника... Некоторое время я любовался видом императора с отвисшей челюстью и жалел, что в руках у меня нет фотоаппарата.

– Запись, надеюсь, отключил? – огляделся по сторонам подумавший то же самое Гоша.
– Ну ты даешь! Всего-то бороду убрать и очки – а получается совсем другой человек, узнать невозможно... Значит, твердо решил лететь?

– Ну обсуждали же...

– Да это я так, не обращай внимания. Только особенно геройствовать там не надо, а? Сейчас-то мне удобно – по всем вопросам к тебе, а то ведь придется чесать затылок – по спецслужбам к Танечке, по дипломатии к Дурново, а по технике и вообще день документы читать придется, прежде чем поймешь к кому...

– Да я и себе тоже живым больше нравлюсь, чем в виде памятника... Кстати, в случае чего жмотничать не будешь? Чтоб как положено – героический вид в очках, при бороде и самолете. И с кошкой на руках! Собственно, в идеале от меня потребуется всего один настоящему боевой вылет – должен же я сам посмотреть, что такое «Фантом». А наблюдать, как работают бомбы с реактивным ускорителем, можно и со стороны.

Так что через два дня уже летел на «Ишаке» из Софии в Никшич. Впереди и чуть ниже величественно плыл «Кондор», везущий бомбы с ускорителями. То есть я на всякий случай еще изображал из себя истребительное прикрытие – мало ли что! На самом деле «Кондор» показывал мне дорогу.

Внизу сквозь разрывы в облаках иногда были видны горы. Да уж, с вынужденной

посадкой в случае чего тут будет очень напряженно, подумалось мне. Мы начали снижаться. Вот показалась нечто вроде долины, в которой обнаружилось небольшое поселение, два озера и аэродром между ними. «Кондор» пошел на посадку, я – на второй круг, моя очередь была после него.

Встретивший меня Михаил был, понятно, в курсе, кто прилетел, но изменения в моей внешности не оставили его равнодушным. Кроме того, он явно затруднялся – называть меня генерал-лейтенантом, канцлером или подполковником?

– Да называйте как хотите! – махнул рукой я, – и, кстати, у вас тут обедают когда? А то в Софии наняли какого-то местного повара, мне его стряпню есть печень не позволяет, сплошной перец.

За обедом высочество познакомило меня с обстановкой. Кстати, оно тут пребывало под своим настоящим именем – ну не виноват же русский великий князь, что на страну, куда он отправился в свадебное путешествие, напала какая-то шпана! Так что принцесса Масактоже украшала обед своим присутствием – эта декабристка была при муже чем-то вроде ординарца и сейчас подавала нам блюда.

Михаил сообщил, что, по данным разведки, завтра следует ожидать первого налета англичан – погода улучшалась прямо на глазах. У него все готово, роли расписаны, каждый знает свое место... После чего он вопросительно посмотрел на меня.

– Я постараюсь быть в сторонке и выше общей свалки, – объяснил я, – мне нужно посмотреть на «Фантомы», и все.

– Извините, Георгий Андреевич, но одного я вас лететь не пушу. То есть... Ну не знаю, в общем, нельзя это, возьмите Полозова ведомым.

– А командовать нашими в воздухе кто будет?

– Знайко, он очень хорошо показал себя на японской войне.

– Ладно, слетаю с Мишкой, вдвоем веселее. А где у нас сейчас австрийский флот?

– Там, где и до этого был, около Пула... В бой пока не рвется.

Тут надо пояснить, что против английского флота мы пока собирались придерживаться чисто оборонительной тактики – то есть нападать только на те суда, которые нам чем-то мешают. Потому что, во-первых, английские корабли имели хоть и не особо эффективную, но все же ПВО, а во-вторых – ну перетопим мы этих, и что? Новые приплывут, у англов в Роял Нэви пароходов едва ли не больше, чем у нас в ИВВФ самолетов. А у австрийцев есть только то, что плавает неподалеку, к тому же без ПВО и без истребительного прикрытия. Утопим этих – и все, австрийский флот отойдет в область преданий старины глубокой. Но для этого нужно было, чтобы Австрия объявила кому-нибудь войну или хотя бы стрельнула в нашу сторону! Но пока она этого не делала, с «Варягом» воевали исключительно англичане. Собственно, на всякий случай в Италии уже было подготовлено суденышко, которое должно было, вывесив черногорский флаг, нагло попереть на австрияков, сигналив при этом – «уступите дорогу, мне некогда». Авось арестуют, думали мы. На случай же, если не арестуют, на борту имелся кинооператор, который должен был снять документальный фильм «Австрийский флот разбегается от черногорской шаланды береговой обороны».

На следующий день я встал за час до рассвета – хоть и маловероятно, что англичане решаться атаковать нас с самого утра, то есть курсом прямо на встающее солнце, но все же... Они и не решились. Я спокойно позавтракал, неспешно прошел к аэродрому, поговорил с механиком, потом с Полозовым и полез в кабину готового к взлету «Ишака» – теперь оставалось ждать. В одиннадцать часов пришел доклад от разведчика, что на ближайшем к нам английском аэродроме началось шевеление. Но там не было «Фантомов», только «Спиты», так что мне пока было рано суетиться. На взлет пошли две эскадрильи «Бобиков», за ними еще одна. Потом другой разведчик сообщил, что к нашим минам двинулись тральщики, и с соседнего аэродрома начали взлетать «Кошки» с целью показать им, что нечего разевать рот на чужие мины – мол, не вами положено, не вам и вытаскивать!

Наконец раздался долгожданный крик: «Глисты в воздухе»! Взлетели две последние эскадрильи «Бобиков», за ними три «Ишака», а последними – мы с Полозовым.

Английские самолеты не имели раций, поэтому в наушниках было довольно однообразно – в основном «прикрой, атакую!» и «такой-то, сзади!». Потом кто-то обеспокоено сообщил, что большая группа «Варь» в обход крадется к берегу.

– Не отвлекаться, работаем по «Спитам», – приказал Знайко, – третья второго, в свалку не лезть, стерегите сверху.

А вот и наши «Глисты»... Я внимательно вглядывался в далекие силуэты. Какие-то они страшные на вид – тонкий длинный нос, короткие обрубки крыльев, еще более длинный и тонкий хвост, фонарь кабины, почти не выступающий над фюзеляжем...

– Я Волк, атакуем! – раздалось в наушниках, и две эскадрильи «Бобиков» ринулись на противника сверху. Вот один «Глист» задымил и клюнул носом, но дальше ситуация стала развиваться парадоксально. Противники толком не могли причинить вреда друг другу! «Глист» имел скорость примерно триста пятьдесят и легко отрывался от «Бобика», прежде чем тот успевал выйти на линию атаки. Но скорость этой машины была получена за счет феноменально низкой маневренности, так что «Бобик», увидев сзади «Глиста», просто входил в вираж, а противника уносило вперед аж на километр. Пора вмешаться...

– Группа Волка, я Дядя! – сообщил я своим орлам. – Уходите не виражом, а петлей, тогда по выходу гад будет как раз у вас в прицеле!

Действительно, помогло – вот один пытавшийся атаковать паразит закувыркался вниз, за ним еще один... Теперь «Глисты» оторвались от «Бобиков» и тянули туда, где «Кошки» общались с тральщиками. Пора, пожалуй, и «Ишакам» вмешаться!

Они вмешались. Причем радикально – снаряды их двадцатимиллиметровых пушек буквально рвали противника на куски, а скорость за счет снижения тоже была выше, чем у тощих паразитов. «Глисты», растеряв строй, кинулись врассыпную.

– Бить только тех, кто летит к «Кошкам»! – приказал я, – остальные пусть у...вают.

– Так никто же к ним не летит, однако! – раздался обиженный голос «Худайбердыева», – они все хотят назад!

– Вот и пусть летят, раз хотят. Лучше слетайте к берегу, посмотрите, чего там «Варям» надо.

– А их можно? – обеспокоено спросил капитан-полковник.

– Хоть всех, – утешил я воинственного чукчу.

Перед возвращением мы с Мишкой залетели посмотреть, как там наше минное поле. Оно было в порядке, тральщиков не наблюдалось, чуть мористее на воде догорало какое-то масляное пятно, а километрах в пяти ближе к Италии дымила английская эскадра. Мы развернулись домой. Блин, но что это?

– «Глист»! – раздался в наушниках восхищенный Мишкин голос. – Смотрите, прямо к берегу чешет!

– А почему, интересно, к нашему? – офигел я.

– Так перепутал небось, я к ним летал, ихний берег похожий.

– Но солнце же вон где!

– Георгий Андреевич, это нам с вами солнце. А он и землю-то с трудом видит, вы посмотрите, как летит. Разрешите, я его?

– Живодер ты, Миша, – грустно сообщил я ведомому, – увидел диковинную зверюшку, и сразу руки к гашетке тянутся. Вот нет чтоб поймать! КДП, я Дядя! Передайте зенитчикам, чтобы не стреляли по одиночному «Глисту», он мне еще пригодится.

Мы разошлись в стороны и пристроились по бокам и чуть сзади «Глиста». Да, похоже, это действительно весьма не ас – так нас и не видит, летит куда летел – кстати, почти точно к нашему аэродрому. Впрочем, из такой кабины действительно сложно что-нибудь разглядеть, кроме своего же капота... Наконец пейзаж под крылом показался слишком уж незнакомым даже этому недоумку, и он попытался повернуть налево. Однако трасса Мишкиной очереди ясно показала, что это он зря... Вот тут бедный пилот и увидел нас. Ему настолько поплохело, что он чуть не свалился в штопор! Мне это совершенно не понравилось – ведь уже почти прилетели! – и я дал очередь поверх кабины, англичанин инстинктивно двинул

ручку от себя, самолет выровнялся. Теперь лайми летел между нами, качаясь во всех плоскостях и судорожно вертя головой. Вот и наш аэродром...

Я подлетел почти вплотную и начал показывать жестами – садись давай! Садись, а то у меня там обед стынет!

Ох, какое облегчение отразилось на юношеском лице англичанина! Похоже, наш случайный попутчик только сейчас понял, что его вели не к месту расстрела, а всего лишь в плен. Он без всякого захода ломанулся вниз, кое-как выровнял машину где-то ближе к концу полосы и плюхнулся, от восторга забыв выпустить шасси. Впрочем, самолет не скапотировал – слишком длинный у него был нос – а проюзил метров сто, теряя по дороге какие-то куски, и встал. Вот ведь урод – мой самолет сломал, англов же не заставишь ремонт оплатить, – огорченно подумал я и пошел на посадку.

Глава 18

Я пробыл в Черногории десять дней.

После первого столкновения в воздухе, когда мы потеряли пять машин и трех летчиков, а противник – раз в десять больше, англичане больше не устраивали массированных атак ни в небе, ни на море.

Ночью к минам подкрадывался тральщик и успевал подорвать две-три штуки, пока его обнаруживали и отгоняли (а пару раз и топили). «Варриоры» после разгрома, учиненного им японским оленеводом, вообще перестали появляться в воздухе. В основном летали одиночные «Фантомы»-разведчики. С одной стороны, это было правильно – потому что у нас не было самолетов, способных догнать удирающего на полном газу «Глиста», так что полеты обходились без потерь. Но и почти без результатов, потому что обзор вниз у «Глиста» был практически никакой...

В общем, через неделю после начала боевых действий мы отошли от берега километров на пять. Английская корабельная артиллерия начала методично разносить порт Бар в мелкий щебень... Жалко, я все-таки надеялся, что они будут использовать его в качестве операционной базы. Но, видно, дошедшие до них слухи о том, что где-то тут база подводных лодок, да к тому же, возможно, и летающих, были восприняты серьезно.

На сухопутной границе с Боснией было тихо, австрийцы наращивали силы. Правда, с их применением явно должны были возникнуть трудности – потому что вглубь Черногории было всего три пути, и только один из них с очень большой натяжкой можно было назвать дорогой. А к нам наконец-то прилетел немецкий цеппелин (с маленькой буквы, то есть без графа на борту) и привез пять тонн маузеровских патронов. И его экипаж обещал повторить рейс через пару-тройку дней, так что мы начали смотреть в будущее с оптимизмом – пулемет в горах, он и есть пулемет в горах.

Английской пехоты в пределах радиуса действия нашей авиаразведки пока не наблюдалось, но по данным агентуры, к месту конфликта было направлено два полка из метрополии и колониальная дивизия. Кроме того, по Албании, которая была турецким протекторатом, шныряли какие-то подозрительные личности и вербовали наемников. Такие же личности, только от нас, занимались тем же самым в Македонии, причем с большим успехом – просто потому, что обстановка была более подходящей. В Македонии шла непрерывная грызня всех со всеми – недаром пороховые бомбы, столь любимые анархистами, назывались «македонками», да и термин «стрельба по-македонски» произошел именно из этих мест и примерно этого времени.

По данным нашей агентуры, все это время англичане пытались сподвигнуть австрийцев на высадку в Албании, но пока безрезультатно, хотя предварительная договоренность вроде была. Однако тут сыграло свою роль своеобразное устройство власти в двуединой империи... Казалось бы, конституционная монархия – это когда имеется монарх, парламент и четкий документ, регламентирующий взаимоотношения между ними. Так вот, в Австрии все было не так. Франц-Иосиф на монарха не тянул совершенно, ибо не имел своего мнения

вообще ни по какому вопросу. Зато парламентов было сразу два – австрийский и венгерский! В данный момент они увлеченно собачились между собой, а англичане помаленьку зверели.

Кстати, еще толком не зная о хитросплетениях австрийских ветвей власти, я обратил внимание на герб этой державы... М-да. Такого количества мелких деталей, фигур и фигурок, орлов с яйцами и без таковых, корон с крестами, без крестов и даже с одним покосившимся, как там, хватило бы на полсотни гербов нормальным странам. А этот лучше было рассматривать не на листочке бумаги, а в панораме наподобие Бородинской...

Наконец англы прекратили пальбу и высадили в развалинах Бара что-то вроде десанта. Тут же налетели «Бобики» и показали, что операция имеет элементы преждевременности... Цели им показывали наши разведчики, ракетами (для англичан, понятно, на самом деле по радио). После чего разведчики отошли, а англичане еще день утюжили берег из всех калибров. Блин, заставить бы их так пострелять хотя бы год – сами сдадутся в результате финансового кризиса! Но все равно, на ветер уже было выкинуто больше сотни тысяч ихних фунтов.

Но, как бы ни было интересно тут, дела звали меня обратно в Питер. Так что, когда «Кондор» в очередной раз привез нам снаряды для авиапушек, обратно он полетел, имея в составе экипажа на одного подполковника больше. И не пустой, а с разобранным «Фантомом» в фюзеляже, машина подлежала внимательному изучению. Перед отлетом я попросил летчиков зря «Глистов» не обижать, сбивать только в случае крайней необходимости. Хотелось создать у англов впечатление, что это хороший самолет, вот только мелкие недоделки устранить, и он вообще станет замечательным. А своим конструкторам я хотел показать, как надо проектировать истребитель, чтобы по результатам гарантированно получить не меньше червонца без права переписки.

Еще когда я летел, австрийки все-таки устроили какую-то заварушку на боснийской границе, попытались занять деревню, у нас были раненые, один довольно тяжелый. Черногория тут же разродилась нотой, продублированной по радио, что это есть начало войны, по другому воспринять подобный акт агрессии у нее не получается. В силу чего австрийскому флоту дается два дня, чтобы сдаться, принять на борт черногорских уполномоченных и своим ходом следовать к месту утилизации, то есть в Порт-Шикотан. По истечении этого срока флот, если не сдастся, будет утоплен... Кроме того, Черногория заранее объявила о своих исключительных правах по подъему бывших австрийских судов со дна Адриатики – мол, это будет наш металлолом, всех прочих душевно просим не беспокоиться.

Так что сразу по моему прилету в Питер мы с Гошей отдали два приказа. По первому началась операция «Картахена» – «Краб» с «Раком» заминировали вход в бухту Вэйхавэй, английскую базу флота на Дальнем Востоке, и остались там сторожить вываленное в море имущество, а эскадра Одуванчика, усиленная крейсерами ТОЭ, только что проданными ему Российской империей в силу сезонного обострения общего миролюбия, в обход Японии двинулась к Гонконгу.

А по второму ранним апрельским утром началась операция «Муму». Сто двадцать «Кошек» с полутонными бомбами вылетели к заранее разведанному месту сосредоточения австрийского флота. Цели были расписаны загодя, пилоты зазубрили силуэты «своих» кораблей со всех ракурсов, причем Михаилу даже пришлось объяснить двум экипажам, что «их» броненосец называется «Бабенберг» вовсе не потому, что там бабы...

Как несколько позже сказал Мерфи – «Жизнь далеко не так проста, как вам кажется. Она гораздо проще»... Вот у нас так примерно и получилось. На новейшие броненосцы было назначено по десять «Кошек», на старые береговой обороны – по пять, на крейсера по три-четыре... А получилось, что только «Эрцгерцог Карл» выдержал девять атак и окончательно затонул только после десятой, остальным хватило меньшего. Крейсера в австрийском исполнении вообще выводило из строя даже близким накрытием. В общем, через полчаса после налета в воздухе оставалось еще полтора десятка «Кошек» с бомбами, для которых не было целей, в результате чего под раздачу попали два буксира, плавмастерская и земснаряд.

Правда, сказать, что австрийский флот уничтожен полностью, было нельзя – куда-то пропал крейсер «Зента». Его искали до вечера, но так и не нашли.

Разумеется, на огонек почти сразу налетели «Глисты». Но даже встретив барражирующих «Бобиков», они поумерили пыл, а, увидев первую пару «Ишаков», за которой тут же появились еще две, вообще сделали вид, что они прилетели только посмотреть.

После операции одиночная «Кошка» прошла над городом Пула и сбросила листовки, где на одной стороне австрийскому правительству был выставлен счет по только что закончившемуся налету – расход жутко дорогих бомб, амортизация самолетов, бензин, премии экипажам, траты на психологическую реабилитацию летчиков, по каким-либо причинам не принимавших участия в операции и потому впавших в депрессию... Срок погашения истекал через сутки. На другой стороне листа было написано, что в случае неуплаты через сутки с минутами город Пула будет стерт с лица земли. Жителям предлагалось срочно, бросив барахло, бежать куда подальше...

Наши дальнейшие планы являлись попыткой воплотить в жизнь стратегию не прямых действий. Ведь требовалось-то нам показать Англии, что без хорошей подготовки с нынешней Россией связываться не стоит, выйдет себе дороже. Но бомбардировки какого-нибудь английского города или даже утопление части флота вполне могли вызвать волну народного возмущения – ибо население метрополии воспринимало себя именно как народ, да еще с вековыми имперскими традициями. В этом смысле показывать силу на примере Австро-Венгрии было проще, во-первых, чисто технически, а во вторых, ее население воспринимало себя как чехов, венгров, словаков и прочих хорватов, но никак не австро-венгерцами.

Так что Гоша, начитавшись всякого в Интернете, предложил устроить огненное торнадо, как в Гернике. Пришлось слегка подготовиться и пригласить его в гости.

– Во-первых, – сообщил я ему еще за десертом, – не было в Гернике торнадо, была хорошая работа пропагандистской машины республиканцев. А во вторых... доел? Тогда смотри сюда.

Я быстро водрузил на стол заранее сделанные железки. Одна представляла собой просто подставку для таблетки сухого спирта. Другая, кроме подставки, имела четыре маленьких жестяных конуса, вроде рупоров, сходящихся узкими концами к центру.

Я положил на обе площадки по таблетке, бросил сверху несколько кусочков каменного угля и поджег. Поначалу они горели одинаково, но потом окруженная рупорами разошлась, зашипела, пламя вскинулось выше, кусочки угля на ней тоже потихоньку начинали гореть...

– Видишь? Для торнадо нужна не мощность сгорающего топлива, а особые условия – чтобы захватываемому воздуху было где разогнаться, тогда получается наддув. То есть в случае города – как минимум узкие прямые улицы с высокими домами. В идеале – город с радиальной планировкой, где сходящиеся к центру улицы застроены зданиями от восьми этажей и выше. Вот найди мне такой, и я тебе там устрою образцовое огненное торнадо! А в Пуле мы можем только военно-морскую базу разнести и испытать на припортовом районе наши вакуумные бомбы, вроде начало что-то путное получится.

– А зачем же ты про весь город писал в своей листовке?

– Чтоб ногами перебирали интенсивнее и в нужную сторону! Я тебе что, американец, ничего не подозревающих гражданских бомбить? Скажешь им – будем бомбить порт, так они отбегут метров на сто в сторону и приготовятся мародерничать. А самые шустрые и с другого конца города подтянутся, с мешками.

Для операции у нас были зажигательные бомбы с напалмом в самой разной таре – от десяти до двухсот литров. Ну и обычные фугасы, понятно...

На этот раз в операции участвовали вообще все наши силы, кроме «Ишаков» и эскадрильи «Бобиков». Напади англы сейчас всей оравой – и у них были шансы разнести все наши аэродромы. Но кроме шансов, для такой операции нужна и решимость, а вот с ней у противника уже возникли определенные трудности...

«Бобики» штурмовали разведанные районы сосредоточения австрийских войск, благо о маскировке там никто не думал. «Кошки» полетели на север, в Пулу...

Появившаяся первой тройка двухсоткилограммовыми напалмовыми зажигалками запалила угольные склады. Потом полтора десятка «Кошек» сбросили на припортовый район наконец-то получившиеся у нас боеприпасы объемного взрыва, а остальные фугасами и зажигалками обрабатывали военно-морскую базу. Вот один экипаж доложил, что в разнесенном им ангаре явно были бочки с чем-то горючим, и пригласил кого-нибудь помочь, потому что чуть дальше, у складов, есть еще один такой же, а у него бомбы кончились... Дальше доклады шли по возрастающей – горит! Хорошо горит! Ух ты, как полыхает! Ё.....ь! Ну, б....

В общем, и без всякого торнадо к вечеру на месте базы и большей части порта бушевал огромный пожар, пламя которого поднималось чуть ли не на полкилометра.

Операции по уничтожения флота и портового района Пулы обошлись нам в тринадцать «Кошек». Это были не боевые потери, а вынужденные посадки – операция проводилась на пределе дальности. Девять экипажей подобрали спасательные команды, один погиб, три пропало без вести.

Теперь оставалось ждать реакции.

Она последовала, но не совсем та, к которой мы готовились... А началось все с полной неожиданности.

– Ты хоть ставь в известность, когда серьезные дезы запускаешь, – позвонил мне Гоша, – чтобы я дураком не выглядел!

– Про что это я тебе не сказал?

– Про Турцию!

– А она-то тут каким боком?

– Так это, значит, не ты запустил слух, что мы на днях Стамбул спалим?!

– Да нахрен он мне сто раз упал, жечь его, – растерялся я, – подождешь двадцать минут? Выезжаю.

Оказалось, что у Гоши уже сидел до чрезвычайности озабоченный турецкий посол, успевший выразить робкий протест против намечающегося вопиющего нарушения чего-то там. И заявивший, что они ни в чем не виноваты... Гоша даже вспомнил моих любимых авторов, прокомментировав – «Дон Сэра начал длинно и косноязычно оправдываться, причем все время врал»...

Значительно позже мы узнали подоплеку этого дела. Оказывается, султан давно следил за событиями в Черногории, на всякий случай – а вдруг это русские таким хитрым образом готовят ему пакость? Узнав о разгроме австрийского флота и Пулы, повелитель правоверных потребовал линейку и карту. Измерив расстояние от Черногории до Пулы, а потом от Крыма до Стамбула, он впал в истерику, пообещал посадить всех на кол и смылся куда-то на противоположную сторону Босфора. А послу было велено срочно урегулировать...

– Ладно, – сказал Гоша, – в общем, понятно. Пошли, послушаешь, что я ему скажу.

– Разумеется, Россия не собирается нарушать никаких договоров и бомбить столицу нейтрального государства, – заявило величество, – однако не отказывает себе в праве на операцию по восстановлению порядка там, где его нарушение чревато потерями для нашей страны. Конкретно же методы, тоннаж боеприпасов, состав авиагрупп, привлеченных для миротворческой операции, в рабочем порядке определит господин канцлер.

Посол затравленно поглядел на меня. Я постарался улыбнуться ему как можно ласковой – мол, не волнуйтесь, уж я определю, не пожадничая...

– В общем, мы считаем нахождение войск каких-либо посторонних держав в Албании совершенно недопустимым, – подытожил Гоша.

Посол заверил его, что Турция полна решимости не допустить.

– Что, думаешь, завернут англов? – поинтересовался я, когда турок вышел.

– Разумеется, нет. Но расходы на взятки у наших друзей возрастут очень прилично...

Глава 19

Реакция Турции была для нас неожиданной, в основном-то мы ждали новостей из Вены, Парижа и Лондона. Вариантов было не так уж много...

В принципе, не так уж и невозможен был вариант большой войны. Обиженная Австрия могла, в случае заверений Англии о союзе, решиться на войну с Россией. Вообще-то у нее были перспективы, удар на север отрезал бы от нас Польшу, причем мы даже не собирались поначалу особенно противиться такому развитию событий. Но, учитывая двухпарламентную систему двуединой империи, поспешных действий от нее ждать не приходилось. То есть вряд ли австрияки попрут на нас до того, как в эту войну ввяжутся англичане...

Во Франции сейчас стоял вопль, поднятый проплаченными нами газетами, но поддерживаемый и некоторым количеством бескорыстных энтузиастов. Суть его была в том, что наступил исторический момент – кто поможет России в трудную минуту? И пока Вильгельм телится, у Парижа есть шанс! А потом, когда союз с русскими друзьями вновь вернется в исходное состояние безоблачности, можно будет спокойно решить вопрос об Эльзасе и Лотарингии.

Причем происходило это словоизвержение на фоне усилившегося антисемитизма – мол, с Россией нас ссорят исключительно эти поганые сыны израилены...

Так что мы надеялись на невмешательство Франции в этот конфликт. Более того, на всякий случай типа расширения боевых действий уже готовились ноты, в которых спрашивалось – а когда Франция начнет выполнять свой союзнический долг и объявит войну напавшей на Россию Австрии? И Англии, кстати, тоже, потому как в договоре хоть и мелкими буквами, но упоминаются «а так же их союзники».

Наиболее же вероятным считалось развитие событий, при котором России не только не объявят войну, но и не введут против нее официальных экономических санкций – при том, что гадить неофициально начнут на порядок больше. И всеми силами постараются как можно быстрее стереть с карт само название «Черногория». Видимо, противник решил действовать именно так, потому что английские войска высадились наконец, несмотря на неуверенное вяканье Турции, в Албании, перешли границу и начали наступление. Каледин, огрызаясь, отходил на заранее подготовленные позиции вглубь страны, хотя при размерах этой самой страны «вглубь» означало всего на десять-двенадцать километров.

Авиация же готовилась к главной операции этой войны. В Черногории был собран весь цвет наших летных кадров – все ведущие с опытом японской войны, ведомые – лучшие из не имеющих такого опыта. Так что перед отъездом я поставил Михаилу задачу.

Предстояла атака и на английский флот. Но если с австрийским все было просто – и задача одноуровневая, то есть топить всех, и исполнение несложное, из-за полного отсутствия ПВО у противника – то англичане представляли орешек покрепче. Их малокалиберные пушки имели переделанные для стрельбы вверх станки и шрапнель в качестве боеприпасов. Кроме того, на кораблях имелось от двух спаренных до десяти счетверенных (на «Дредноуте») пулеметов «Максим». Ну и авиация у англов была, которая вряд ли будет равнодушно смотреть, как обижают флот...

Подкрепление из России – полтора десятка «Кошек» и десятков «Бобиков»-штурмовиков, то есть способных нести по максимуму всего сто кило бомб, но зато вооруженных двумя четырехлинейными пулеметами и двумя авиапушками, завтра должно было вылететь из Софии в Никшич. Ну, а послезавтра, помолясь, начнем...

Требовалось утопить все три имеющиеся против нас старых броненосца – «Энсон», «Родней» и «Кампердаун». На суда типа «Лондона», коих имелось еще три, предлагалось не обращать внимания, а все силы сосредоточить на «Дредноуте». Но ни в коем случае не топить, в этом-то и была сложность задачи! Линкор следовало изуродовать, но оставить на плаву, причем так, чтобы англы решили – весь наш воздушный флот хотел отправить на дно гордость их кораблестроения, но не получилось у этих русских!

В день операции Гоша не усидел у себя и явился в Гатчину аж в пять утра. Я уже

торчал на узле связи, мне тоже не спалось.

– Есть новости? – с порога спросил император, хотя знал, что начало назначено на семь.

– Есть, – буркнул я. – Только что начался молебен. Проводит отец Антоний, наш, из Высоцкого монастыря. По третьему каналу идет трансляция, можешь послушать, хотя качество хреноватое.

Минут сорок император слушал, а потом отложил наушники и поделился:

– Сильно! А ведь у нас он вроде какой-то был незаметный...

– Не карьерист, потому и незаметный. Не лез в первые ряды при твоих посещениях... Ладно, давай пока кофе выпьем, час еще до вылета.

– Кстати, – поинтересовался Гоша, – а где это там происходит? Вроде акустика хорошая, а ведь всю нашу авиагруппу куда попало не засунешь, она большая.

– Там здоровенный кафедральный собор есть, – пояснил я, – его не так давно на русские пожертвования построили, в основном Ники деньги вложил, но и ты, кстати, в этом тоже отметился. Вот что мне у черногорцев и нравится – дали им денег, они храм построили. А сербам давали – помнишь, что было? Мало того что все наши пожертвования разворовали, потом по инерции и в свою казну так лапу запустили, что там вообще ничего не осталось. А Ники, хоть и нехорошо называть покойных идиотами, им снова дал...

– Скоро, значит, и ко мне придут?

– Разве что на меня пожаловаться. Я им четко объяснил, что халява кончилась, хотите денег – сначала всех причастных к убийству своего короля с королевой повесьте, а то больно уж они у вас здорово в гору пошли. Так ведь не хотят, сволочи, сами себя вешать... Но зато их теперь французские Ротшильды подпитывают. Ничего, вот с этой заварушкой закончим – и сразу займемся, материала у меня накопилось достаточно. Надо же на чьем-то примере ввести в мировую дипломатическую практику понятие международного терроризма и его финансирования! И не сиди ты как на иголках, двадцать минут еще осталось, да плюс им столько же лететь.

Через сорок пять минут прошел первый доклад – группа подавления ПВО приступила к работе. Это были «Бобики», как более мелкие и юркие машины – все наши штурмовики и полтора десятка обычных, вооруженных кассетными бомбами. Вообще-то это одно название было, «кассетные», а по сути – связка из двадцати десятикилограммовых осколочных фугасов, разлетающихся после сброса. Просто «Бобик» на своей подвеске мог прицепить всего одну бомбу, так уж он был устроен... К цели подходила вторая волна группы подавления, на этот раз «Кошки», тоже с мелкими фугасами. На высоте четырех километров заняла свое место группа противоистребительного прикрытия.

Прямые радиопереговоры экипажей нам не транслировались, так что мы следили за развитием событий по докладам КДП.

– ПВО противника подавлена, – мрачно сообщил нам КДП, – но очень больше потери. Нет связи с восемью экипажами штурмовиков и шестью – кассетных бомберов. К месту боя приближаются английские истребители...

Последовавшие за этим десять минут в английских ВВС еще долго вспоминали как «черное утро в небе Италии». В нашей противоистребительной группе были лучшие асы России под командованием Полозова, они были полны решимости не допустить врага к своим бомбардировщикам – и не допустили... Причем наибольшие проблемы доставили не «Глисты», а «Спиты». Так уж сложилось, что у пилотов разных машин выработался разный стиль боя.

За время боевых действий летчики «Спитов» твердо уяснили – при встрече с нашими самолетами единственный шанс выжить – это атака. Пытающегося удрать обязательно догонят и собьют... Вот они и лезли, как наскипидаренные. А пилоты «Глистов» не менее твердо знали – развернешься носом к и Италии и дашь полный газ – точно останешься на этом свете... Так что атаки с их стороны были вялые и неуверенные.

В английской сборной истребительной группе были лучшие пилоты Англии. Вот их

она и лишилась, за исключением успевших удрать на «Глистах»... Мы потеряли Знайко и его ведомого, еще два подбитых спаслись на парашютах.

А над английской эскадрой появились основные силы «Кошек». Сначала начались атаки старых броненосцев – их бомбили полутонными бомбами с высокого пикирования. Вероятность попадания в этом случае была примерно четверть, но зато даже одно превращало корабль в плавающую грудю перекореженного железа. Второе, доставшееся «Энсону», утопило его сразу, а двум другим потребовалось еще по одному.

«Дредноут» же сначала тоже обработали полутонками – но с небольшой высоты, точность при этом была почти стопроцентной. Однако не успевшая набрать скорость бомба не пробивала его толстую бронепалубу, зато взрыв корежил все, что было выше брони...

Одна из «Кошек» была подбита уцелевшим зенитным расчетом с «Лондона». Не знаю, почему экипаж даже не стал пытаться выпрыгнуть, а направил горящую машину прямо на своего убийцу, на крышу его передней башни... Сдетонировавший боезапас разнес всю носовую часть броненосца.

А «Дредноут», уже и не похожий на корабль, начали заваливать зажигалками. Лишившаяся командования английская эскадра (точнее, ее остатки) тем не менее не бросилась врассыпную, а попыталась прикрыть выход своего бывшего флагмана из боя, сгруппировавшись вокруг него, постреливала вверх из сохранившихся у них остатков зенитной артиллерии... Михаил скоординировал окончание операции – кроме всего прочего, у нас кончались бомбы. Теперь оставалось только понять – куда поплывут англы, на критскую базу или в Бари? К часу дня стало ясно, что в Бари – и правильно, искалеченным «Дредноуту» и «Лондону» до Крита или Мальты было никак не дотянуть. В сторону Италии тут же вылетела «Кошка» с листовками, в которых было сказано, что если чужие корабли не будут интернированы, то Бари ждет судьба Пулы. А из Пирея в Черногорию вышли два доброфлотовских транспорта – пока морская блокада снята, надо было пользоваться моментом и доставить нашей черногорской группировке побольше всяких полезных вещей.

Гоша, оторвавшись от наушников, впал в несколько неуместный энтузиазм.

– Победа! – шепотом закричал он, хорошо хоть, что всего с одним восклицательным знаком.

– Ага, – согласился я, – еще одна такая победа, и нас можно будет брать голыми руками. Треть самолетов потеряно! И седьмая часть летчиков. А подготовить такого, какие сейчас воевали, это нужно три года! И чтобы было кому учить – то есть те, кто сейчас живой, должны ими и остаться. А у нас бомб, считая с теми, что в парокладах, на один хороший налет всем составом... В общем, если англы начнут войну на измор, для нас это будет... ну, может, и не катастрофа. Но уж и не победа точно... Значит, пора запускать идеологическую часть операции.

До этого дня война освещалась в прессе довольно скупно. Но у нас уже были материалы и средства массовой информации, ждущие только сигнала, чтобы эти материалы выбросить...

Про концлагеря в Южной Африке. Про опиумные плантации англичан в Китае и вооруженные подавления восстаний против них. Про то, что англы только и мечтают застроить всю Россию концлагерями, загнать туда крестьян и заставить обрабатывать учиненные на месте их полей плантации конопли и мака. А несогласных отправить на Лену, где они будут мыть золото в вечной мерзлоте... Про то, что война в Черногории – это разведка боем перед завоеванием России, и погибшие пилоты сражались за то, чтобы нога захватчика не топтала нашу землю уже в этом году. Статьи были уже готовы, оставалось только вставить фотографии в траурные рамки... Список погибших принимал радист на соседнем канале. Вот, еще какое-то сообщение... Ага, это тоже срочно в прессу – занявшие приграничную деревню Моричи англичане уже успели расстрелять кого-то из местных жителей. Каледин готовит операцию возмездия – как раз ночь скоро, а у него местные проводники... Я велел передать, чтобы захватили хоть одного, принимавшего участие в акции, и срочно отправляли в Гатчину – открытый суд будет очень кстати.

– В общем, – сказал я Гоше, – солдаты свое дело сделали. Теперь нам надо не напортачить, а вот потом можно будет и порассуждать про победу. Но тихонько, чтобы никто не услышал.

Гоша уехал, а я сел еще раз перечитать материалы о предстоящем завтра стихийном разгроме толпой патриотов Английского клуба – до сих пор еще не был окончательно утвержден список случайных жертв.

Степень действенности нашей пропаганды оказалась даже выше, чем мы ожидали. Наверное, это было связано с тем, что, как ни цинично это звучит, России в последнее время не хватало именно образа врага – чтобы было на чьи происки свалить все свои неудачи, а противостоянием с этим врагом оправдывать немалые траты на вооружения... Наши агитаторы объясняли крестьянам – черногорцы – это тоже православные. Просто у них страна маленькая, вот англичане и решили начать с них. Интеллигенции была подсунута чуть модернизированная панславистская идея. Мол, сейчас славяне еще недостаточно сознательны – так исторически сложилось. Ту же Польшу хотя бы взять – ну нету у поляков осознания великой славянской миссии! Поддай им ихнюю посполитую речь от моря до моря, и все. Сербь, опять же – вроде неплохой народ, но ведь не рвутся же под наше крыло! А просто хотят кусок Македонии, треть Албании и половину Болгарии.

Так что надо сначала создать условия, при которых балканские славяне сорганизуются в единую православную нацию, потом эта нация образует свое государство под эгидой самых правильных славян, то есть черногорцев, а вот тут уже и появится простор для торжества панславистской идеи в чистом виде.

Я, когда читал этот рожденный в недрах информбюро бред, не верил, что его воспримут хоть сколько-нибудь серьезно – но, кажется, ошибся. Мало того, что восприняли – наиболее шустрые уже зашевелились насчет сбора средств!

На пятый день после «черного утра» болгарский князь Фердинанд объявил себя царем и предложил посредничество своей страны по мирному урегулированию конфликта – не иначе как с подачи тамошнего английского посланника Бьюкенена. Потому как с чего бы это помощник консула в Питере тут же неофициально, но во всеуслышание заявил, что Великобритания не против рассмотреть предложения уже наказанной Черногории о справедливом мире. Так что император Никола готовился к перелету с одного нашего аэродрома на другой, соседний – ну и я тоже собирался туда же – поговорить с серьезными людьми, пока император Черногории консультируется с болгарским царем. На всякий случай охрана нашего аэродрома под Софией была усилена еще двумя батальонами. Ну и мой взвод личной охраны тоже грузился в «Кондор» и четыре «Кошки» с широкими фюзеляжами.

На аэродроме меня хоть и без помпы, но провожал император.

– Главное, не продешеви, – напутствовал меня Гоша.

– А я-то тут при чем? Мне просто посмотреть интересно, как договорятся меж собой две самых протяженных в мире империи. Ну и отдохнуть на море, в Крыму еще холодновато, а в Варне в самый раз. В общем – как договорились. Ограничения на черногорский флот принимаем – примерно как у нас на германский после мировой войны. Насчет контрибуции – прямым текстом посылать к Маше. Неужели, кстати, даже на этом можно заработать? Одуванчика на суд отдадим только после вручения нам английских адмиралов и прочих, список прилагается. Да не волнуйся ты, ничего я не забыл. Ну, пока...

Глава 20

Сэр Джордж Бьюкенен встретил меня прямо на аэродроме – и чего это ему так нейдет, подумал я. Он пригласил меня на переговоры в свою резиденцию, но я ему сообщил, что по условиям обеспечения безопасности это не проходит. Сэр посмотрел на мою внушительную охрану и попытался съязвить что-то насчет чрезмерной осторожности.

– Ой, да не сыпьте мне соль на рану, – сокрушился я, – это все его величество! Шагу не дает ступить без взвода за спиной. Впрочем, его можно понять – Россия страна не очень

богатая, грохнут канцлера, это какой же расход будет нового искать и воспитывать! А английскому королю посланником больше, посланником меньше – он и не заметит. В общем, как найдут мне подходящее место, так и побеседуем.

– Но имейте в виду, что обстановка требует срочного урегулирования, – предупредил посланник.

– А что, разве еще что-то случилось? – удивился я.

– Не надо делать вид, что вы не знаете о последней выходке вашего пирата!

У-у, подумал я, так это до вас только сейчас дошло? Вот что значит пару кабелей в нужном месте перерезать и, главное, не забыть утащить с собой образовавшиеся излишки провода. Собеседника же я успокоил:

– Ну, какая же это выходка? Так, мелкая шалость в порядке репетиции. А вот в Сиднее, где у вас сейчас скопилась и ждет вывоза девятимесячная продукция золотых приисков Австралии – вот там действительно Маслачак-паша сможет развернуться во всю ширь своей и без того не узкой натуры.

– Просьба немедленно сообщить мне, как только вы будете готовы к переговорам! – процедил сэр и смылся – видать, на телеграф, поделиться новостями. Все правильно, Паша уходил от Гонконга курсом как раз на Австралию.

Переговоры начались на следующий день, в снятом для этой цели особняке между Софией и аэродромом. Для начала сэр Бьюкенен долго перечислял мне, чего не может терпеть правительство его величества.

– А я, например, терпеть не могу шампанского, – зевнул я, – и что теперь? Мы же не официальные переговоры ведем на высшем уровне, а проводим рабочую встречу. Предварительные условия мира у вас есть?

Они были – впрочем, ничего неожиданного там не обнаружилось. Черногорию предполагалось лишить права иметь флот, авиацию и размещать на своей территории войска третьих стран. Ну и контрибуция, размер которой еще подлежит обсуждению.

– На первые два пункта – однозначно нет. Насчет контрибуции – с самим фактом таковой я согласен, а детали пошлите кого-нибудь утрясти с ее величеством Марией Первой.

– Ладно, – начал отступать на заранее подготовленные позиции Бьюкенен, – флот можно сохранить, но с ограничением по общему тоннажу, максимальному водоизмещению и калибру орудий. Великобритания готова рассмотреть цифры пятнадцать тысяч тонн всего, тысяча тонн для корабля и три дюйма для орудий.

– Умножьте все цифры на двадцать, и по рукам, – предложил я. – Или мне таки сразу пойти вам навстречу? Ладно, калибр можно умножить всего на пять.

– Вы отдадите себе отчет, что эти требования неприемлемы? – возмутился Бьюкенен.

– Ну, возможно, что-то этакое в них при желании действительно можно найти... Тогда давайте ваши цифры, только реальные, а не как пять минут назад.

В общем, результатом первого дня торговли стало соглашение по черногорскому флоту. Цифры были – сорок тысяч тонн всего, семь тысяч тонн на штуку и восемь дюймов на орудия. Что меня до крайности удивило – вопрос о торпедах не поднимался вовсе.

На следующий день с утра переговоров не было – я с вечера объяснил сэру, что у меня завтра культурная программа и мне надо осмотреть достопримечательности. Действительно, прямо с рассветом я сел в «Кошку» и полетел осматривать звезду Балкан, колыбель византийской цивилизации и прочее, то есть Стамбул. Ну и береговые батареи Босфора тоже вызвали определенный интерес... Не один, разумеется, полетел, а в сопровождении еще двух «Кошек».

Увиденное заставило меня офигеть. До сих пор как-то по умолчанию мне казалось, что Босфор является мощнейшим укрепрайоном, потому Россия на него только облизывается, а взять не может. Нам же было как-то вообще не до него, но теперь, в связи с последними телодвижениями султана, пора было и поинтересоваться.

Так вот, я ожидал увидеть массу современных орудий в казематах из стали и бетона, а увидел... Я поначалу даже подумал – вот ведь как здорово маскируются басурмане, до

ложной позиции додумались! Снизился почти до бреющего и убедился – нет, позиции настоящие... Судя по длине стволов орудий, они стояли тут с русско-турецкой войны, причем пятна ржавчины на стволах было отлично видно даже с самолета. Вместо бетонных казематов обнаружились земляные насыпи, а ни малейших признаков ПВО не нашлось вовсе. Кстати, сразу по появлению в воздухе наших «Кошек» народ внизу пришел в движение. Только вот вектор его был направлен не к пушкам, а от них... Скорость я оценил километров в двадцать.

– И чего оно тут до сих пор лежит, такое бесхозное? – думал я всю обратную дорогу. Приходи и бери, только с Вилли надо заранее поделиться. А потом построить тут хороший аэродром и как следует побомбить Дарданеллы, пока пехота по суше дойдет до них и объяснит остаткам тамошнего гарнизона, что в русском плену трехразовое питание. Причем англичанам там вовсе не светит – какое плечо снабжения будет у нас, и какое у них? Надо с сэром на эту тему прямо сейчас побеседовать, подумал я, уже заходя на посадку. Ну то есть не совсем прямо сейчас, после обеда, а то после осмотра тех пушек что-то аппетит разыгрался.

Следующий раунд переговоров начался с Одуванчика. Бьюкенен озвучил точку зрения, согласно которой от Маслачак-паши требовалось отдать награбленное, возместить убытки, а самому явиться на суд. Я согласился, что это интересно, и пообещал, что по возвращению из Австралии – потому как дорога домой долгая, а перегруженные корабли большой скорости развивать не смогут – его светлейшее высочество лорд-протектор обязательно обдумает предложенный ему вариант. На возглас Бьюкенена, что Сидней представляет собой неприступную крепость, я предложил не смешить людей и подумать, сколько минут она продержится при штурме с земли и с неба, поддержанном огнем главного калибра Пашиных крейсеров. Высадиться-то можно где угодно, Австралия большая! После этого разговор перешел в конструктивное русло. Я признал некоторую правомочность просьб насчет вернуть и возместить – в Гонконге Паша даже на мой не очень придирчивый взгляд слегка увлекся и перехапал лишнего, так что вполне можно было обсудить некоторую компенсацию. Но, продолжал я, вы ведь не хотите, чтобы адмирал расплачивался с вами сиднейским золотом? Город-то небольшой, и после операции по изъятию от него вообще ничего не останется. Вашему же флоту туда не успеть, а имеющиеся там три крейсера никакого влияния на ход событий оказать не смогут... Так что я готов рассмотреть сумму, за которую берусь удержать адмирала от австралийского рейда.

Самое пикантное – Бьюкенен согласился послать по этому поводу представителей к Маше! Интересно, на сколько она их нагреет – это при трех встречах, платяках, растянутых во времени? Но он продолжал настаивать на явке Одуванчика в суд.

– Господин адмирал слишком занятый человек, чтобы мотаться по свету без прямой финансовой необходимости, – пояснил я, – но вы не волнуйтесь, у него есть заместитель по этому вопросу, облеченный всеми необходимыми полномочиями, он и явится, только скажите куда. Но дорога за ваш счет, причем первым классом – все-таки его сиятельство первый вице-председатель Курильского королевства, граф Рабинович, имеет ранг министра. И вместе с билетом и командировочными не забудьте обвинение по всей форме, чтобы граф заранее был в курсе. За что вы его, кстати, упечь-то хотите?

– За каперство, – удивился моему вопросу Бьюкенен.

– То есть за нарушение Парижской декларации о крейсерской войне? Да уж, ну и предшественничек у меня был, такое подписать – нынешний государь на что уж мягкий человек, но за этакий фокус повесил бы без разговоров... Но ведь Черногория ту поганую бумажку не подписывала. И не собирается, по крайней мере до того, как к этой декларации не присоединятся Штаты и Япония. Так что подумайте еще, время есть, и условия содержания получше подготовьте, за судьбой необоснованно репрессированного бедного еврея будет пристально следить вся мировая общественность, почище чем в деле Дрейфуса, это я вам обещаю.

Ошарашенный Бьюкенен сказал, что ему надо проконсультироваться, сам принять

столь ответственное решение он не может. И чего, спрашивается, удивляться – короли же постоянно вместо себя черт знает кого подсовывали!

– Консультируйтесь, граф потерпит, – кивнул я, – а теперь позвольте, в порядке отвлечения от мелкого и даже временами неприятного сиюминутного, поделиться с вами впечатлениями от моей утренней экскурсии?

По мере моего рассказа лицо посланника на глазах каменело.

– Статус проливов обеспечивается гарантиями Великобритании, Австро-Венгрии и Германии, – сообщил он мне.

– И что-то я здесь австрийского посланника не вижу, не подскажете, где он? Вот видите, даже не знаете... А я вам скажу – он с Николой беседует. Потому как здесь его никто слушать не собирается, ни вы, ни тем более я. Насчет Германии – это да, тут мы с его величеством послушаем их мнение обязательно – но что-то мне интуиция подсказывает, что ничего особенно неприятного мы там не услышим. Остается Англия – вот я и предлагаю договориться полюбовно, но с учетом изменившихся реалий.

– Правительство его величества не допустит изменения статуса проливов, – отрезал Бьюкенен.

– Это вы про Дарданеллы? Босфор-то мы хоть завтра можем начать захватывать, а послезавтра закончить. Видели бы вы, как турки от самолетов разбегаются! Не на всяком коне догонишь.

– Но это же война... – потерял половину своей уверенности сэр.

– Она самая. Надеюсь, вы в курсе, что сейчас происходит в России? Это называется «патриотический подъем». Так что в лучшем случае ваши войска с флотом продержатся в Дарданеллах недели две. А потом держаться станет некому... Может, лучше все-таки решим дело миром? Обстановка-то изменилась, так что ничего удивительного, что и гарантии статуса проливов тоже слегка того. Во-первых, в число гарантов надо принять Россию, это даже не вопрос. А во-вторых, проливов два, а держав четыре. Вы не находите, что одно просто великолепно делится на другое? Статус Босфора обеспечиваем мы с Германией, Дарданелл – вы с Австрией. Детали каждая пара самостоятельно оговаривает с Турцией. А мы в благодарность повлияем на Черногорию, чтобы она тоже подписала ту декларацию про каперов – ну, не сразу, разумеется, не в полном объеме и не бесплатно.

Затронутые вопросы были слишком важны, чтобы Бьюкенен мог решать их единолично, так что в переговорах последовал перерыв. Сэр прочно обосновался на телеграфе – думаю, излишне говорить, что линия нами давно и качественно прослушивалась. А я решил поинтересоваться, как потратили время Никола с Фердинандом – ну и австрийский посол тоже, в конце концов, он тоже имел какое-то отношение к происходящему... То, что я узнал, живо напомнило мне начало девяностых в Москве, когда мой сосед и по совместительству старый приятель занялся новым и прогрессивным делом, то есть крышеванием ларьков.

Воодушевленный скорым появлением у него неслыханной армады «Пересветов», свежее испеченный болгарский царь решил малость пошантажировать своей воздушной мощью соседей – Сербию, только что ставшую частью Австрии Боснию и, возможно, Турцию. Но у него хватило ума поделиться своими мечтами с главой второй авиационной державы на Балканах, Николой. Быстро выяснилось, что тот вынашивал точно такие же планы... В результате родилась секретная договоренность. Предположим, один из монархов делает соседу предъяву. У того два выхода – или платить вымогателю, или обратиться за защитой к конкуренту – который поможет, но, разумеется, за деньги... Так вот, чтобы не ссориться по пустякам и не гадить друг другу в карман, император с царем договорились – бабло пополам в любом случае, неважно, кто кого и от кого защищает. Естественно, оба понимали, что их свобода доить соседей будет работать только с моего разрешения, так что теперь они хотели, чтобы я точно обозначил границы своих интересов.

– За бесплатно, что ли? – из принципа обиделся я.

Оба величества хором заверили меня, что ничего подобного и в мыслях не держали, а

только и ждали момента, чтобы предложить уважаемому его светлости канцлеру десять процентов... Мне было так смешно, что я даже не стал торговаться, а просто пометил на карте, где они могут резвиться беспрепятственно, и ушел.

Путь мой лежал на узел связи, где я отправил материалы по прошедшей части переговоров в Берлин, нашему консулу – чтобы он вручил их Вилли. С одной стороны, телодвижения насчет проливов были в значительной мере импровизацией, и мне хотелось лишний раз подчеркнуть, что мы не предпринимаем серьезных шагов без консультации с кайзером. Ну, а такой канал вручения был выбран потому, что имелась немалая вероятность – англичане окажутся в курсе. Все-таки гестапо у Вилли работает пока так себе – но, учитывая, что ему только-только стукнуло полгода, прогресс налицо. Потом, чтобы начальству Бьюкенена, да и итальянцам заодно лучше думалось, дал отмашку на еще один налет – сжечь ближайший к нам аэродром чуть севернее Бари. А назад демонстративно пройти над городом, а то происходящее с английскими кораблями в этом порту пока не очень напоминало процесс интернирования.

Потом меня начал домогаться австрийский посланник – он получил наконец-то инструкции, причем два комплекта, по одному от каждого из парламентов. Я велел передать, что сейчас у меня по расписанию обед, потом – послеобеденный сон, потом – культурная программа, а вот после нее – жду. Под культурной программой я подразумевал чтение переданных посланнику инструкций – их к тому времени обещали расшифровать.

К визиту австрийца я довел свой канцлерский мундир до уставного вида, то есть прицепил на пояс кобуру с пистолетом, чем пренебрегал на встречах с англичанином.

Посланник начал с зачитывания венгерской бумаги, как более агрессивной. В ней грозно вопрошалось – с какого хрена Россия лезет во внутренние дела двуединой империи? И пояснялось, что это чревато. Причем посланник оказался неплохим актером – он ухитрился прочесть эту цидулю испуганным блеющим голосом, краем глаза косясь на мой пистолет. С видимым облегчением отложив ее, он озвучил вторую. Она была составлена как сожаление о досадном инциденте и содержала вежливое предложение о создании комиссии по недопущению такого впредь. Однако они и тут не удержались от намека, что утонувший флот стоил денег, а среди культурных людей вообще-то принято возмещать...

Все-таки хорошо, что прочитал эти послания заранее – потому как иначе вполне мог бы сразу послать. Но тут было время посоветоваться с племянницей – и она мне сказала, чтобы я и этих отправлял к ней – мол, с нищеты много не слупишь, но копейка тоже деньги.

Так что я обрадовал посла своим полным согласием с положениями второго документа. Правда, не удержался и добавил, что у людей, злоупотребляющих документами наподобие первого, может ведь, кроме флота, и еще что-нибудь невзначай сгореть.

Глава 21

Наши предварительные переговоры закончились быстро – практически сразу по получении Бьюкененом сведений о налете на аэродром под Бари. Было подписано перемирие и выработан трехсторонний меморандум к конференции четырех держав, назначенной на середину мая в Берлине. Трехсторонним же этот меморандум назвали потому, что перед отправкой его дали почитать и австрийскому послу – а про Николу Бьюкенен даже не вспомнил. Впрочем, возможно, он просто хотел таким образом указать этому императору его место, но, если так, цели он не достиг. Николе было не до какой-то ерунды – они с Фердинандом второй день оживленно обсуждали трансбалканскую железную дорогу. Причем, судя по активному участию в этих посиделках личного представителя Одуванчика, явно замышлялась какая-то афера...

Мой путь в Питер лежал через Ялту. Во-первых, надо было проинспектировать охрану ливадийского дворца, потому что Мари собиралась там провести лето с Вовочкой. Во-вторых, мне пришла телеграмма от Столыпина, где он... Ну, если оттуда убрать особо непечатный мат, то Петр Аркадьевич просил, раз уж я все равно туда лечу, то не сочту ли я

возможным образумить там м...ка Думбадзе, ялтинского градоначальника, по самые гланды, и чтоб другим неповадно было.

Я запросил шестой отдел. Оказывается, доклад о художествах этого тезки Деникина уже имелся, но в силу отсутствия грифа срочности просто ждал меня в Гатчине. Пока я летел в Ялту, мне его зачитали. Да уж, и как это он до сих пор со мной не пересекся? Вот что значит два года подряд в Крыму не отдыхать!

Во-первых, этот урод решил бороться за нравственность и запретил купаться голышом, а также в костюмах неустановленного образца. Во исполнение этого он отрядил батальон пехоты, который должен был шастать по берегу и смотреть, в чем или без чего дамы лезут в море... Конкуренция в эти патрули была бешеная. Нарушители высылались из Ялты в двадцать четыре часа. Правда, возмущение Столыпина вызвало не это. Какой-то перевозбуждившийся высылаемый купальщик стрельнул в Антона Ивановича из нагана. Понятно, не попал, но смылся через пустую дачу... Думбадзе приказал привезти две трехдюймовки и расстрелять особняк к чертям. Мало того, что на зрелище сбежалась нехилая толпа зевак, так артиллеристы на потеху ей демонстрировали свою выучку – сначала полчаса не могли толком развернуть орудия, потом заряжающему прищемило руку, потом ухитрились промазать со ста метров... Но в конце концов справились с подлежащим уничтожению зловредным объектом. Беда же оказалась в том, что его хозяин, не последний из ялтинских адвокатов, в этот момент был в Питере и уже успел накатать иск на шестьдесят тысяч рублей.

Одеть козла в купальник установленного образца, размечтался я, и отправить военным атташе к Одуванчику! Причем не на Шикотан, а на Итуруп.

Козел встретил меня прямо на аэродроме.

– Дорогой Антон Иванович, – сказал я, взяв его под руку и отведя в сторонку, – может, сразу признаетесь, на какую разведку вы работаете? Как это что я имею в виду – разумеется, ваши антигосударственные действия. В то время, как на фронте дорог каждый штык, вы, вместо боевой подготовки, отрядили целый батальон подглядывать за дамами... А вдруг это у них войдет в привычку? А снаряды? Их на англичан не хватает, а вы тут десяток сожгли за просто так. И потом, что за фасон купальника вы придумали в качестве единственно допустимого, вы что, на своей супруге оценивали его привлекательность? Позвольте тогда выразить вам свое соболезнование, если ее даже такое не уродует, то только, наверное, потому, что дальше все равно некуда. Но это не уменьшает вашей вины – потому что если все наши дамы будут выглядеть мымрами, это понизит обороноспособность страны. Дескать, а кого защищать-то? А чего это у вас морда такой красной стала, не нравится, что я говорю? Думаете, то, что вы указываете, во что людям одеваться, даже когда они одни, им нравится больше? Ой, сомневаюсь... В общем, это самодурство. А так как я тоже самодур, но только повыше чином, то придется мне тут проявить эти свои качества. Значит, у вас есть выбор – цените мою деликатность, вы-то никому никакого выбора не предоставляли! Можете накатать его величеству просьбу об отставке по состоянию здоровья – мол, маразм замучил, прошу полечить. Вам пойдут навстречу, мы не разбрасываемся ценными кадрами. В смысле, всякую психологию на ком-то все равно надо испытывать... Или, не получив такой бумаги, я начну копать. Пока, смешно сказать, я про вас знаю только года на три, но интуиция мне точно говорит, что если копнуть поглубже, так вам червонец с конфискацией счастьем покажется... Так что вечером жду с прошением.

Как ни странно, я его не дождался – ибо Думбадзе почему-то предпочел застрелиться. Причем, молодец такой, сделал это втихую, не на публике, так что теперь по углам шептались, что это он не совсем сам, ему помогли... Официально он скончался от инфлюэнцы. На похороны я послал венок, ленту которого украшал текст полученной мной телеграммы в виде троеточий, и подпись – «П.А.Столыпин»; а под ней, мелкими буквами – «Присоединяюсь. Г.А.Найденов».

По случаю подошедшего тезоименитства в местном дворянском собрании произошел торжественный обед. Я заранее предупредил, что буду, и, явившись, произнес небольшую

речь.

– Господа, – поделился я с окружающими, – у вас тут недавно помер градоначальник. Надеюсь, все понимают, отчего... Кто не очень понимает, подойдите ко мне после обеда, объясню индивидуально. Так вот, нужен новый. Демократия со всеобщими выборами тут не проходит, Ялта является городом на особом положении, в местном дворце регулярно отдыхает большое количество их величеств. И им совершенно не нужны скандалы в вашем прекрасном городе, а обеспечить это попросили меня. Но мне кажется, что вам виднее, кто из достойных людей города может занять этот пост. Не советую затягивать, я улетаю вечером, и если к шести вы не придете к консенсусу, в семь я вам назначу своего офицера. Замечательный человек, герой, но есть у него недостаток. Маленький такой, вполне терпимый, но вдруг он вам покажется существенным? Не подумайте, что я на что-то намекаю, но у этого человека еще с японской войны привычка – вешать воров и взяточников. Так что, может, моего офицера все же назначить не градоначальником, а его адъютантом? Глядишь, и отвыкнет потихоньку, под мудрым руководством. Так что подумайте, я, пожалуй, не буду на вас давить своим присутствием... Господин лакей, можно вас на минутку? Вон там, сбоку, что это такое красное с салатом в тарелке? В общем, заверните его мне, и я пошел. Господа, позвольте вам пожелать приятного аппетита. Не обижайтесь, что не остаюсь с вами отобедать – вижу же, что прямо сейчас половину распирает от желания выговориться, но глянут на меня – и энтузиазм куда-то прячется...

Вот так, самодур – он все-таки сравнительно безобидное существо. Нет, вреда от него, если вовремя не пресечь, может быть немало, но сам процесс пресечения несложен – прилетел добрый дядя канцлер, и все стало хорошо. Можно с чувством глубокого удовлетворения читать в газетах о постигшей нас невосполнимой потере или даже самому что-нибудь этакое сказать, если общественное положение позволяет...

В Питере мне предстояла задача посложнее – Татьяна в обзорном докладе заявила, что ситуация с Кшесинской выходит из-под контроля, и дело нуждается в моем специальном внимании. Так что сразу по приземлении в Гатчине я сел за бумаги.

В общем-то фигурантка была мне знакома – я ее даже видел разок в процессе пляски, но ничего особенного сказать не мог в силу глубочайшей неграмотности в балетных вопросах. Меня, собственно, она заинтересовала тем, что ухитрилась родить ребенка сразу от двух великих князей – Сергея Михайловича и Андрея Владимировича. То есть каждый князь считал дите своим, и продолжалось это до сих пор...

Ее особняк в Стрельне по сути представлял из себя дом свиданий для членов семьи Романовых и особо приближенных лиц, и понятно, что Танечка ну никак не могла обойти своим вниманием этот гадючник. Большинство регулярно подвизающихся там девиц в той или иной степени работали на нее, а две из них так и вовсе были штатными сотрудницами «Дома». Но последнее время там стали происходить какие-то странные события – девицы вдруг начали потихоньку артачиться, закатывать глазки к потолку и говорить, что теперь делиться сведениями ну никак невозможно, ибо очень опасно... Танины сотрудницы перестали получать приглашения на вечера. По ее мнению, имела место хорошо спланированная акция.

Первым я послушал Алафузова – нового начальника шестого отдела, уже ставшего полковником. Собственно, генералом он не был чисто номинально, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания.

– По-моему, – поделился полковник, – против Татьяны играет разведуправление Генштаба. Официально никакой работы внутри России они не ведут, так что в поле зрения следственного отдела при мне, да и сейчас, кажется, тоже, не попадали.

– Предложения есть? – спросил я.

– Два, – кивнул полковник. – Первое – сделать эту операцию совместной с «Домом». На вашем уровне, то есть. Общими силами организовать плотное наблюдение, далее по обстоятельствам. Если это действительно генштабисты, противник опасный. Попытки вербовать саму Кшесинскую считаю бесполезными.

– А шантажировать?

– Тоже. У нее преувеличенное представление о возможностях ее любовников, поэтому я не ожидаю плодотворного сотрудничества. Разве только в самом конце операции, для внесения дополнительной нервозности в обстановку.

Татьяна была в общем согласна с полковником, но предложила выделить специальную группу, интересующейся в основном не вопросами «кто посмел», а кому и, главное, почему мешали наши бедные девушки... В связи с чем попросила меня организовать ей право внеочередных аудиенций у Маши. Ну, это мне было нетрудно – Маша как раз недавно тоже говорила, что, когда режим секретности позволяет, можно ставить в известность и ее ведомство, для должного сочетания государственной пользы с такой же выгодой.

Общими усилиями ситуация начала быстро проясняться. Выяснилось, что дворец Кшесинской в Стрельне построен вовсе не на пожертвования двух ее галантов, а в основном на кредит Дворянского банка, причем документы о погашении представляли из себя, по мнению Маши, явную туфту. Так, подумал я, по времени это совпало с тем, что Путиловский завод практически отказался от сотрудничества с Крупном и начал делать пушки фирмы Шнейдера – мало того что худшие и более дорогие, но и на интересных условиях – то есть эти орудия могли делаться только на Путиловском заводе, и наше Главное артиллерийское управление обязалось вообще не производить нигде других этого класса! А председатель правления Общества Путиловских заводов по совместительству занимал точно такую же должность в только что помянутом Дворянском банке. Главным же артиллеристом в России – генерал-инспектором – был один из двух полуотцов Матильдиного дитяти великий князь Сергей... Кстати, помните мое возмущение тем, что перед японской войной к русской трехдюймовке имелись только шрапнельные снаряды, и я очень хотел познакомиться с инициатором этого? Ну так выяснилось, что это тот же самый Сергей по наводке того же Шнейдера.

Кроме того, Маша ставила меня в известность, что приткая Матильда уже начала получать новый кредит на дворец в Питере, это где у нас музей революции, а я сообразил, с чем связана непонятная возня насчет новой путиловской пушки – мне уже донесли, что на конкурсе образец Круппа подвергается совершенно необоснованной травле. Когда же Алафузов доложил мне, что главным действующим лицом в Стрельне является полковник Чернов, офицер разведупра, до того служивший в ГАУ, а руководитель того самого разведупра, Целебровский, хорошо знаком с Сергеем, вплоть до приятельства, я отправился на доклад к Гоше.

Честно говоря, я ждал несколько более мягкой реакции.

– Тебе зачем-нибудь нужны замешанные в этом деле офицеры? – поинтересовался Гоша. – Если нет, то разрешаю... сколько там... полтора десятка? Так вот, разрешаю полтора десятка несчастных случаев – надеюсь, это нетрудно? Тем более что особо филигранной маскировки я не требую. С Сергеем же... Приходи послезавтра, а то у нас другой Сергей, и тоже великий князь, без дела мается. Да, а на Путилова готовь материалы для суда, этого втихую нельзя. Что смотришь, как будто в первый раз величество увидел? Да, Путилов наш старый конкурент, поэтому надо блюсти законность. А с офицерами... Дураков там быть не может, понимают, чем занимаются – копают против политики императора. Тут игры в законность неуместны...

Вернувшись к себе, я вызвал Танечку, Алафузова и распределил между ними клиентов. Насчет пятнадцати величество малость погорячилось, в списке были и совсем эпизодические лица, но девять человек во главе с Целебровским явно попадали под высочайшее разрешение. Его я приказал перед несчастным случаем доставить к нам и порасспрашивать, а к остальным велел приступить, и без волокиты.

Тем временем подошел срок моей новой поездки в Зимний по поводу главного фигуранта в этом деле. У Гоши уже сидел бывший московский губернатор, а ныне председатель Высочайшего Арбитража великий князь Сергей Александрович.

– Итак, – взял слово Гоша, – сейчас господин канцлер знакомит нас с обвинениями в

адрес генерал-инспектора. Георгий Андреевич, прошу вас.

– Вот документы, которые показывают, что всякий раз, когда фирма Шнейдер заключает с Путиловским заводом невыгодную для России сделку, его состояние резко увеличивается. Считаю это достаточным доказательством вины. Открытый суд полагаю нецелесообразным, прошу санкции на неявное устранение.

– Но где доказательства, что деньги получены им именно за то, что вы сказали? – вскинулся председатель.

– А зачем? И так все ясно. Чай, не кражу бутылки водки каким-нибудь босяком обсуждаем.

– Присоединяюсь, – кивнул император, – даже то, что стоимость дворца Ксесинской превышает его и ее совокупный доход за четыре года их знакомства, при должности, занимаемой Сергеем Михайловичем, уже является основанием для принятия соответствующих мер. Свое мнение канцлер нам высказал. Теперь ваше слово, Сергей Александрович.

– Принять его прошение об отставке и предложить отправиться в свое имение.

– Господин канцлер? – поднял бровь Гоша.

– После чего данный индивидуум автоматически оказывается в оппозиции, а ущерб – возмещенным, – высказался я. – Кстати, этот ущерб будет продолжать расти, потому что оставить князя без плотного присмотра будет ну никак нельзя. У нас что, казна бездонная?

– Хорошо, пусть возместит якобы нанесенный им ущерб!

– Как? У него и пятой части нет, даже считая с дворцом Ксесинской! А потом, в результате его деятельности уже погибли сотни солдат на японской войне... У него же всего одна жизнь, вот ей пускай и возместит.

– Сергей Александрович, вам слово.

– Ваше Величество! То, что предлагает этот человек, невозможно... это бесчестно, в конце концов!

– Если мне понадобится морально-этическая оценка действий канцлера, – нахмурился Гоша, – то я так и скажу. В данный же момент ваши слова неуместны.

– А насчет невозможности вы глубоко заблуждаетесь, – уточнил я.

Минуты две все молчали.

– Выслушав стороны, – сообщил нам наконец император, – я пришел к выводу, что точка зрения канцлера более соответствует интересам России, и повелеваю предпринять все необходимые шаги для претворения ее в жизнь. Господа, я вас более не задерживаю.

В Гатчине меня ждала Танечка с докладом.

– Шеф, мои клиенты исполнены, – сообщила она мне, – и, кстати, у вас в приемной уже полчаса как трясется несравненная Матильда.

– А с чего это она? – заинтересовался я.

– Так ведь в момент акции Чернов как раз злоупотреблял служебным положением на одной из её новых, не наших балеринок, так что, когда его оттуда сняли и, даже дверь не закрыв, подскользнули с лестницы... Малечка очень впечатлилась и уже через десять минут помчалась к вам. На «Оке», ей недавно Андрей Владимирович подарил. Возможно, полковник и слегка ошибся, предположив, что сотрудничества с ней не получится. Я бы, пожалуй, за нее сейчас поручилась... Ну, не то чтобы прямо сейчас, а после двух-трех бесед.

Глава 22

Через неделю Петербург прощался с трагически погибшим великим князем Сергеем Михайловичем. Как и положено выдающемуся генералу и не менее выдающемуся коррупционеру, он погиб одновременно и на посту, и в процессе отработывания взятки...

Фирма «Шнейдер» наконец-то представила своего конкурента давно уже волокитимой на полигоне, действительно отличной по тем временам крупновской гаубице. На первых стрельбах присутствовал и великий князь. И пренебрег техникой безопасности, вот ведь

жалость какая! Ибо французское орудие разорвало при первом же выстреле. Результат – три легкораненых и один покойник – по несчастливой случайности осколок попал точно в великокняжеский висок.

Хорошо осознавая тяжесть своего положения Кшесинская теперь и шагу боялась ступить без разрешения Татьяны – у балерины все было в порядке и с воображением, и с инстинктом самосохранения. Дворец в Стрельне был ей оставлен. Танечка даже выступала за то, чтобы и начавшуюся питерскую стройку довести до конца – ибо клиентура просто обязательно будет расширяться, а такой, какую обслуживает Малечка со подругами, нужен повышенный шик. Я в принципе огласился, но отложил перевод средств до момента, пока Маша разберется с доставшимся ей десятком фирм, ранее контролируемых Путиловым. Правда, Алексей Иванович оказался очень осторожным человеком и сбежал в Париж после первого же несчастного случая, но сбежал почти пустым, так что теперь наш МИД вяло переругивался с Парижем по поводу выдачи опасного государственного преступника, а Маша разбиралась с его имуществом.

Обсудив итоги стрельнинского инцидента, мы с Гошей пришли к выводу, что виноваты оба, но он – больше. Реорганизация Главного штаба была пущена на самотек, то есть поручена Куропаткину, главной чертой которого являлось отсутствие инициативы. В результате мы получили двоевластие в высшем командовании – Главный штаб, названный оперативным управлением, не тянул даже на него, а Генеральный, под руководством Янушкевича, подгрел под себя все больше и больше.

– Пожалуй, надо отложить все и заняться этим бардаком, – подытожил Гоша. – Насколько я помню, Деникин и Корнилов очень неплохо показали себя в японской войне, причем Деникин именно как штабист. А Корнилов – разведчик.

– Вот именно. А Янушкевича я, пожалуй, слегка отвлеку от интриг – его племянник явно подрабатывает на Форин Офис.

– Не на МИ-6?

– Нет, у них там тоже толкучка, лезут все и мешают друг другу... Как раз если бы он на МИ-6 работал, его трогать было бы ни к чему, а тут – можно. Да, ты же структуру сталинского Генштаба скачивал? Вот и дай ее Деникину как идеал, к которому надо стремиться. Про ГРУ – с теми же пожеланиями Корнилову. А Куропаткин пусть действительно оперативное управление возглавит. Вздумает обижаться, что попал под командование младших по чину – привести чин в соответствие...

– Чей? – усмехнулся Гоша.

– Всех. Деникина, кстати, пора уже и в генерал-лейтенанты произвести, мне Кондратенко намекал.

– Но вообще-то мы собирались называть настоящий штаб оперативным управлением, – напомнил Гоша.

– Ну не получилось, что теперь, плакать? Тем более что Главный штаб не упразднен. Вот и пусть будет Генштаб при военном министре и Главный штаб при твоём величестве. И туда надо будет у Вилли на стажировку парочку генералов попросить...

– Учиться создавать бардак на пустом месте?

– Наоборот, наших потихоньку к порядку приучать. Ну не называть же немцев наставниками! А стажер – это нашим будет не так обидно. Кстати, Вилли хочет на день раньше очередной визит учинить. Вообще-то он по Танечке соскучился, но и не против обсудить итоги черногорской заварушки. То есть прилетит послезавтра вечером.

– Ну тогда ты с ним и обсуждай турецкий вопрос, а я буду попрошайничать насчет организационной помощи в обмен на нашу техническую.

– Тогда давай установки по Турции.

– Я тебе кто, Кашпировский? Нам нужен контроль над Босфором – чтоб без нашего разрешения ни одна собака там проплыть не могла, так это ты и без меня знаешь. А ему нужна железная дорога Берлин – Багдад, вот и торгуйтесь.

Кайзер воспринял наши поползновения о контроле за Босфором без всякого

неудовольствия. Его больше интересовало – почему на грядущую конференцию не пригласили Францию?

– Чтобы вам сделать приятное – честно ответил я.

Вилли расхохотался.

– Георг, вы не дипломат. Не обижайтесь, это комплимент! Так что вас не затруднит выступить с инициативой о приглашении лягушатников? Не мне же их звать, а надо!

– Марокко? – догадался я.

– Разумеется, мой друг, разумеется! Вы не находите, что сейчас сложилась просто замечательная ситуация для разрешения этого спорного вопроса?

– Нахожу, – кивнул я, – и, пожалуй, прямо сейчас поговорю с его величеством на эту тему. Вы не обидитесь, если я не останусь с вами на ужин? Вместо меня текущие вопросы уполномочена обсудить графиня Князева.

– Ага, – сообразил Гоша, – кайзер обещает нам свою поддержку в Босфорском вопросе в обмен на нашу – в Танжерском? Логично. И с Дарданеллами все хорошо получается – в случае чего мы с Вилли перекрываем вход в Средиземное море, и абзац. Значит, мы ему поставляем самолеты для Танжера, тогда Гибралтарский пролив становится английским чисто номинально, а он нам – орудия для Босфора. Так?

– Ну, примерно, это мы еще уточним.

– Таким образом попытки устроить нам морскую блокаду накрываются. А что, неплохо... Осталось еще подумать, чем нам помешают немцы в Марокко в случае ухудшения отношений.

– В этом случае нам будет начхать, что там в Танжере, потому что немцы на нашей границе – это куда более серьезный повод для беспокойства. Правда, грузинские мандарины все-таки хуже марокканских...

– Тоже верно, – кивнуло величество, – думаешь, англы всем этим так просто утрутся?

– А что им делать? В союзе с Францией и перепуганной до икоты Австрией лезть на нас с Вилли? Значит, следует ожидать давления на Японию.

– А напишу-ка я письмо принцу Ито, – предложил Гоша. – Изложу свое видение ситуации и намекну, что сейчас самое время выбирать себе стратегических друзей... А нам для друзей даже Австралии не жалко, не говоря уж о каком-нибудь Сингапуре. Сам-то на конгресс поедешь?

– Ну его, ни немецкого, ни французского не знаю, да и ляпнуть вполне могу что-нибудь поперек протокола или международных приличий... Дурново у нас министр, пусть он и едет. А я пока попытаюсь с турками договориться, вот тут мои манеры будут в самый раз. Да, и французам ты сам зови, на меня у них аллергия. Поедут, кстати, в Берлин-то лягушатники?

– Действительно, тогда уж лучше в Брюссель или Амстердам. Ладно, разберемся. А тебя я вот что хочу попросить... Как-нибудь сядь, напрягись и представь себя английским королем.

– Противно, – пожаловался я.

– Компенсируем, – пообещал Гоша. – Так вот, королем не таким, как Эдик, а абсолютным властителем – типа лордов можешь вешать в любых ассортиментах и количествах. И разведка у тебя отлично работает, про нашу технику ты знаешь почти все. Так вот, какова будет твоя стратегическая линия после занятия немцами Марокко?

Я начал мыслить в этом направлении сразу по приезду к себе, благо Вилли был уже вовсю занят. Итак, я Эдуард Великий и Ужасный. У меня только что попятели Марокко. У-у-у, гады... Для начала – чем мне это грозит? Немцы с русскими могут в любой момент перекрыть Гибралтар, что создает угрозу сразу и Дарданеллам, и Суэцу. Плохо... С Ближнего Востока точно попросят, и вряд ли удастся воспрепятствовать. Стратегические же последствия... Немцы развивают свою промышленность быстрее меня. Союз Японии, России и Германии самодостаточен – они могут обеспечить друг друга практически всем необходимым. Так что, если оставить все как есть, ведущей мировой державой Британии осталось быть недолго. Сколько у меня времени, пока процессы не приняли необратимый

характер? Пожалуй, от пяти и до пятнадцати лет. Значит, надо строить планы со сроками не более чем на десятилетие.

Начинаем. Для начала подумаем, абстрагировавшись от технических трудностей – а не зажился ли кто-нибудь на этом свете? Сначала про Россию... нет, здесь нам не светит. Даже если удастся убрать сразу императора, наследника, обеих императриц и Найденова, то на троне все равно окажется Михаил, и тут не то что лучше – пожалуй, как бы хуже не стало... Теперь – Германия. Кайзер в смысле охраны своей персоны не такой параноик, как русские, так что особых сложностей устранение не представит. Его наследник, кронпринц Вильгельм, пока явных внешнеполитических симпатий вроде не имеет и уж во всяком случае не такой англофоб, как папаша... Значит, активизировать работу с наследником, по результатам принимать решение про кайзера.

Далее. Дипломатия. Наши возможные союзники – Франция, Австрия, Италия и САСШ. Какая же все-таки сволочь Найденов, показал итальянцам, что грядущая война будет вестись на их территории – и, главное, чем это чревато... Так что Италия – союзник ненадежный. Австрия – чуть лучше, но тоже не подарок. САСШ... это, конечно, мощь. Но безоглядно бросаться в их объятия нельзя, дядя Сэм, обняв, потом вполне может и в позу поставить...

Финансы. Хоть мировая финансовая система еще окончательно не сложилась, тут у меня сильные позиции, и их надо использовать.

Армия. Сухопутные силы подлежат немедленному реформированию, сейчас они не могут противостоять даже русским, не говоря уж о немцах.

Авиация. Русским хорошо, они воюют недалеко от своих границ... А нам она нужна для обороны Метрополии и как вспомогательная сила флота.

Флот. Наша надежда, если у нас будет превосходящий противников флот, им ничего не светит. Это трудно, но возможно.

Краткие итоги. Ни одно из выбранных направлений не может быть единственным – только победа по нескольким может привести нас к успеху. Основные направления – финансы, дипломатия, флот. Остальное – чтобы русским с гансами жизнь медом не казалась. Да, тут можно активизироваться в Польше, Финляндии и Средней Азии...

Ладно, будем считать, на сегодня все.

На следующий вечер мы обсуждали мои озарения в несколько расширенном составе – то есть еще и с Машей.

– Про финансы у меня вот такая мысль, – сообщила нам королева, – а не расширить ли обращение наших безналичных взаимозачетных чеков? Немцы ими уже интересуются и берут при случае... Ввести общую валюту, для начала в виде безнала... Вроде евро, только название придумать другое.

– Бабло, – предложил я. – Причем мужского рода и несклоняемое, как тот евро – один бабло, два бабло...

– Правильно, – хмыкнул Гоша, – пусть наши дальневосточные союзники учатся букву «л» произносить. А привязать поначалу лучше к марке, потому как на самом-то деле это без разницы, к чему, но немцам приятно будет. В качестве эмитента создать специальный банк с равным участием всех трех сторон...

– А нас там не того, если оно равным будет? – забеспокоился я.

На меня посмотрели с некоторой даже жалостью.

– Дядя Жора, – просветила меня ее величество племянница, – ты, наверное, слышал, что все скоты равны между собой, но свинья значительно равнее. Так что не об этом надо беспокоиться... Ты лучше это, начинай помаленьку бочку на Альперовича катить, чтобы стало понятно, с чего это он сбежал в Штаты. Пора, однако, нам и в создании их федеральной резервной системы поучаствовать – так, слегка, незаметно для невооруженного глаза.

– Насчет флота я предлагаю прямо на этой конференции выступить с инициативой вроде Вашингтонского соглашения, – оторвался от своего блокнота Гоша, – мол, движимые миролюбием мы предлагаем ограничить безудержную гонку вооружений. Пошлют, конечно,

но предложенные цифры примут за нашу программу. Как там, не слышно чего-нибудь насчет их выводов по «Дредноуту»?

– Послезавтра заседание будет, но микрофонов скорее всего не сунуть, так что потом в лучшем случае по обрывкам стенограмм читать придется.

Тут я немножко скромничал. Применять там жучки из нашего времени было нельзя, но микрофончики для приклеивания снаружи на стекло в Георгиевске уже делались, и в Лондоне с недавних пор имелась приехавшая туда на свадебное путешествие молодая французская пара, прошедшая у нас, кроме всего прочего, курс промышленного альпинизма с упором на работу ночью.

– Про авиацию что-нибудь скажешь?

– Надо найти кого-нибудь генералом Дуэ поработать, самому как-то неохота. Пусть доктрину сочиняет имени себя, что надо, мол, понастроить побольше стратегических бомберов и разнести всех нах. Настоящая стратегическая авиация – она не дешевле флота, а польза от нее сомнительная, особенно против нас. А до япов им просто так не долететь...

– Образец нужен, – покачал головой Гоша.

– Уже рисуется. Нечто вроде «Кондора», но с узким фюзеляжем и шестимоторное. Даже построим один, лишним не будет.

– Хорошо, – подвел итог Гоша, – это фиксируем, но не прекращаем думать дальше. Дорогая, я с Жорой съезжу, на предмет поклянчить у Вилли пару-тройку генералов.

Глава 23

Проводив взглядом медленно поднимающийся дирижабль с отбывающим домой Вильгельмом, я пошел к «Кондору», который тоже был готов к взлету. Мой путь лежал в Георгиевск, а то, чем я там собирался заняться, по сути представляло из себя отдых. С этими, блин, канцлерскими заботами – с утра кипу бумаг подпиши, потом срочно этого ликвидируй, потом тому пообещай Марокко – я уже забыл, когда последний раз держал в руках напильник или гаечный ключ! Да и что-то давно инженер Найденов не потрясал мир очередной невероятной хреновиной, народ может и отвыкнуть, а это ни к чему.

Эскизы заготовок я отправил еще вчера, и вчера же вечером мне сообщили, что все готово – действительно, чего там было делать-то, два прямых отрезка трубы, один гнутый, камера и раструб. Теперь мне предстояло эффектным движением собрать все это и... Интересно, хоть кто-нибудь догадается заранее, на что именно я их пригласил посмотреть?

Демонстрацию я назначил на семь часов вечера, в испытательном цехе моторного завода. Пока рабочие укрепляли получившееся сооружение на стенде, я поинтересовался у зрителей:

– Ну что, каковы ваши предположения, господа?

– Судя по тому, что его укрепили на стенде для двигателей, это двигатель, – глубокомысленно предположил Тринклер. – Хотя совершенно непонятно, какой...

– Но вы же видели весь процесс сборки!

– Вот именно. И знаю, что кроме трех труб, цилиндра, раструба, свечи зажигания и топливной трубки с распылителем, там вообще ничего нет.

– Огнемет, – предположил Федоров.

– Или какое-то вовсе неизвестное науке оружие – а то почему бы тут ворота открыты и эта штука своими трубами в пустой сарай целится? – внес свои пять копеек Миронов.

– Ладно, сказал я, – смотрите...

Я подсоединил к штуцерам шланги от баллона с пропаном и подвешенной на блоке канистры с керосином, надел на разъем провода от умформера, открыл газовый кран и нажал кнопку. Умформер зажужжал, из раструба с хлопком вырвалась струя пламени. Так, инверсный режим, прибавим газу... Теперь хлопало уже из короткой прямой трубы. В какой-то момент хлопки стали резко учащаться, и вот уже из сопла вырывается длинный факел сначала оранжевого, а потом фиолетового пламени. От истошного рева заложило уши.

Я зашел в наблюдательную будку, где уже собрались все остальные зрители. Тут было гораздо тише, при желании можно было даже разговаривать.

– Действительно, двигатель, – как-то обиженно сказал Тринклер, – вон, уже пять килограмм тяги. Но почему реактивная струя бьет только из короткого сопла – это что, какие-то волновые процессы?

– Они самые, – кивнул я и перекинул тумблер управления лебедкой. Подвешенная на ней канистра поползла вверх. Движок на стенде завопил так, что слышно, наверное, было уже в половине Георгиевска, а камера сгорания раскалилась до оранжевого свечения.

– Сто двадцать килограмм тяги... – выпучил глаза Тринклер, – и это при неполных двадцати кило собственного веса! И оно уже седьмую минуту работает!

На двенадцатой раскалившаяся добела камера сгорания обзавелась дырой, из которой хлестануло пламя, и движок заглох.

– Подождем, пока там чуть остынет, и можно выходить, – сообщил я зрителям. – Это в самом деле авиационный двигатель. Пульсирующий воздушно-реактивный бесклапанный называется. Ну, и как он вам?

Ужинал я в компании Тринклера – он очень заинтересовался реактивными движками, так что мне пришлось прочесть нечто вроде обзорной лекции.

– То, что вы видели, на самом деле имеет весьма ограниченное применение, – пояснил я. – И дело даже не перегреве камеры сгорания, охлаждение недолго и улучшить, а размерном факторе – этот движок близок к оптимуму. И у большего, и у меньшего удельные параметры окажутся ниже. А ставить на самолет десяток таких труб... Да и КПД у него по определению низкий. То есть это двигатель для чего-то небольшого, которому надо лететь недалеко, но быстро. А вообще любой воздушно-реактивный движок представляет из себя открытую с двух концов трубу, с одной стороны которой имеется каким-либо образом получившаяся зона высокого давления. В данном случае это фронт ударной волны от предыдущей вспышки, еще не дошедший до конца инверсного колена. Можно это решить и иначе – не подскажите, как?

– Турбина, как в пылесосе, – задумался Тринклер, – точнее, две на одном валу. После камеры сгорания ведущая часть, а перед камерой ведомая, создающая тот самый фронт давления. Вот только лопасти... В вашем двигателе стенка прогорела, будучи неподвижной и охлаждаемой, хоть и не очень эффективно. А тут лопасти будут крутиться на высоких оборотах, и охладить их вряд ли получится... Схема интересная, но из чего делать эти самые лопасти?

– В точку. Найдите несколько металлургов поспособнее и сажайте их за работу, общие направления я укажу. Тут их два – сам материал тела лопасти и его поверхностная обработка – лопасть же соприкасается с пламенем именно поверхностью... Мои плазменные резки вы видели? Так вот, если в плазму подавать материал, способный осесть на обрабатываемой детали, и низкотемпературным концом факела водить по этой детали, так ведь материал там и осядет. Керамика на металле, например.

– Да, а если... Предположим, мы как-то разогнались до звуковой скорости. Тогда никакой турбины вовсе не нужно – спереди и так получится зона сжатия, нужно будет только сопло подобрать, так что работать такой двигатель будет вовсе без турбин, причем с постоянным горением, а не пульсирующим, как у вашего.

– Все правильно, но надо, во-первых, разогнаться. А во-вторых, такой движок сможет работать только на сверхзвуке, так что хотя бы для захода на посадку понадобится еще один. В общем, это дело достаточно далекого будущего. А пока займитесь этой верещалкой, я тут формулы набросал. Они простые, да вот только переменные не считаются, так что придется интуитить. Но с этим у вас порядок... Возьметесь? И создайте у себя группу по турбореактивному движку – пора начинать потихоньку. Причем ее – по высшему уровню секретности, а пульсирующий доводите на обычном, да и то не перенапрягайтесь его соблюдать так уж скрупулезно, соответствующие службы я предупрежу.

– Судя по всему, Саша с Корнеем будут озадачены созданием опытного

сверхскоростного самолета, – улыбнулся Триклер, – примерно с теми же требованиями насчет секретов?

– А как же. У англичан сейчас бзик на тему скорости, видели их кошмарину? Вот и надо друзей малость озадачить вплоть до комплекса неполноценности, показав им истребитель со скоростью за восемьсот. А нам не мешает аэродинамику таких скоростей изучить поподробнее, да и вообще там много проблем появится.

– Я правильно сделал, что не спросил про ограничения по финансированию этих программ? – поинтересовался Густав в конце встречи.

– Абсолютно. Это я у вас спрошу, сколько вам денег надо, да и то не сейчас. Только вы уж, пожалуйста, авиационные моторы не тормозите. Кстати, как с вашей точки зрения Луцкой в качестве двигателя?

– Он сейчас в основном бензиновым движком занимается, а наш компрессионный поставил на тяжелый грузовик без переделок. Я даже подумываю сделать предельно простой мотор по нашей схеме (да называйте вы их тринклерами, как все, буркнул я), двухцилиндровый с воздушным охлаждением. Тут к нам из Саратова интересный проситель приехал. Просит помочь ему создать именно такой мотор.

– Тоже хочет автомобили делать?

– Нет, тракторы. У него есть какая-то небольшая фабричка, сейчас она насосы делает, и он решил малость расширить ассортимент.

– Так он что, сейчас здесь?

– Ну да, открытую документацию изучает.

– А не знаете, он как вы – жаворонок или как я – сова? Если прямо сейчас его пригласить?

– Без оглядок на привычки прибежит, он и собирался к вам на прием, только в Питере. Так передать, что вы его ждете?

– Будьте любезны.

Честно говоря, про трактора я до этого момента не думал. Хотя в России были крупные хозяйства, использующие их, в основном на Украине, которые и обеспечивали хлебный экспорт. Я даже видел там разок этот сухопутный паровоз на здоровенных железных колесах, но он был импортный. Не знаю, как оно пахало, однако в качестве артиллерийского тягача это чудо техники было категорически непригодно...

– К вам посетитель от Тринклера, – отвлек меня звонок секретаря.

Посетитель оказался довольно молодым, лет тридцати. Звали его Яков Мамин. Первые пять минут ушли на то, чтобы вывести его из путаницы в моих титулах и вообще заставить успокоиться, но спустя всего две бутылки пива он адаптировался.

– Понимаете, Георгий Андреевич, – убеждал он меня, – двигатель господина Тринклера очень легко заставить работать на газообразном топливе, причем возможность работать на соляре останется!

– А у вас там в Саратове что, газовое месторождение? – удивился я.

– Но ведь с подвозом жидкого топлива могут быть трудности! – просветил меня Яков. – А соломы или древесных чурок найти нетрудно. У меня уже есть опытный образец газогенератора.

Точно, вспомнил свое детство я, бабушка мне рассказывала, как они девочками кололи специальные чурочки и особым образом вязали солому – как раз для тракторов. То есть дело явно стоящее.

– Расскажите мне о вашем предприятии, – предложил я.

Выяснилось, что еще восемнадцать лет назад его учитель Блинов построил паровой гусеничный трактор. Организовал свою фабрику, но в силу отсутствия спроса на трактора делал в основном насосное оборудование. Четыре года назад Блинов-старший умер, и дело возглавил его сын Порфирий. Мамин же был на этой фабрике начальником механической части, то есть кем-то вроде главного инженера. Но это его не очень устраивало, хотелось чего-то более масштабного, и у него родилась мысль основать свое собственное

предприятие. А когда он познакомил одного своего знакомого купца с ценами на импортные трактора и объемами их закупок, тот мало того что пообещал кредит, так и оплатил дорогу в Георгиевск за консультациями.

– То есть в новом предприятии вы будете главным инженером, а владельцем... фамилия?

– Купец второй гильдии Бухвостов.

– И сколько он вам обещал на развитие производства, если не секрет?

– В этом году он собирался вложить в дело более десяти тысяч рублей.

Да-а, подумал я, масштаб впечатляет... точно не помню, сколько у меня сумма поступков на всех моих должностях. Но, наверное, в месяц малость побольше наберется... И что, на эти деньги можно развернуть производство тракторов?

– Слушайте, – предложил я, – а зачем вам ради такой ерунды с купцом-то связываться? Столько я вам могу прямо сейчас дать, в порядке благодарности за приятную беседу.

– Вы не шутите? – удивился Яков. – Даже не знаю, как вас благодарить, но работать мне все равно хотелось бы с Алексеем Акакиевичем. Весьма достойный человек, и он готов взять на себя все организационные дела...

– А, так он вам нужен как администратор? Это другое дело, но все равно с таких сумм серьезные дела начинать ни к чему. Знаете, передайте-ка ему мое приглашение в гости, то есть в Гатчину. Я хочу лично с ним познакомиться, прежде чем выделить действительно необходимые для этого проекта деньги. Ну а вам предлагаю на здешнем моторном заводе пока сделать опытный образец, я распоряжусь, чтобы ваши заказы принимали в производство. Во сколько примерно он обойдется, прикидывали? А, то есть сейчас у вас и на один-то трактор не хватит... Ладно, я же вам обещал десять тысяч? Вот и стройте, но если придумаете что-нибудь интересное, пятьдесят один процент в патенте мои. Согласны? Это я не для того, чтобы помешать вам, если вдруг не договоримся, а чтобы иметь возможность использовать это в своих разработках – на всякий случай.

– Господин канцлер, мы будем счастливы иметь вас в числе акционеров нашего предприятия.

– Тогда тем более пусть ваш партнер не задерживается.

Лететь обратно я собирался на следующий день, но вот когда точно – это было еще не ясно. Автозавод Рябушинского наконец-то разродился опытной партией из трех «Чаек», одна из которых оказалась даже способной к самостоятельному передвижению. Собственно, это пока был не совсем завод, он продолжал строиться, но на коленке уже можно было что-то такое собрать. Так вот, прознав, что я в Георгиевске, Рябушинский собрался отправить свою машину в автопробег. Он обещал, что она выедет с завода в пять утра, и, значит, к одиннадцати, когда моя светлость закончит завтракать, как раз она и подъедет. Я лег, велел будить себя сразу по появлению в пределах городской черты неопознанного автомобиля.

Проснулся я сам, в одиннадцать. Про «Чайку» было известно только то, что в семь она проехала Подольск. После завтрака ситуация несколько не прояснилась. Наконец, когда у меня начали появляться мысли отправить на поиски автожир, мне доложили, что в Серпухов въехало нечто зеленое с мотором. Через двадцать минут донелась пыльная «Чайка» показалась перед мостом через Нару. За мостом был подъем, и авто, сделав перегазовку, переключилось на пониженную скорость. Точнее, хотело переключиться, потому как скорость тут же выскочила, движок взвыл и заплелся дымом... Где-то попытки с третьей сооружение все-таки одолело подъем, но уже на одном цилиндре из двух. Кроме того, машина ехала как-то косо, ее явно тянуло влево...

– Это и есть российский народный автомобиль? – ехидно поинтересовался тоже вышедший полюбоваться диковинкой Густав.

Надо сказать, что «Ока» на такое звание никак не тянула – мешала цена в три тысячи рублей, да и делалось их не очень много.

– А как же, – подтвердил я, – он самый. Вы же жаловались, что просто умеющего отличить долото от отвертки и то искать приходится? Ну так а чему народ на «Оке»

научится, она у нас надежная, первые три тысячи километров вообще никогда не ломается. А тут вот, пожалуйста – проехала сто верст и уже вполне созрела для капремонта. Если нам удастся распространить в народе идеи автомобилизации, так ученики еще до прихода к вам будут уметь за полчаса движок полностью перекидывать! Причем особо одаренные и с завязанными глазами.

Глава 24

Случившийся прямо на моих глазах финиш автопробега заставил меня несколько изменить свои планы – «Кондор» полетел не в Гатчину, а в Тушино. А от дома в Нескучном туда же двинулся катер – ему на дорогу нужно было те же самые двадцать минут, так что он подплыл к пристани одновременно с моей посадкой. Еще с борта самолета я набился в гости к Рябушинскому, но перед поездкой на возникающий вместо ЗиЛа «АРН» – то есть автозавод Рябушинского-Найденова – мне надо было нанести еще один визит.

Великий князь Сергей Александрович, как мне доложили, в настоящий момент пребывал в своем московском дворце, то есть в полукилометре по парковой дорожке от меня. Вот я и заехал туда по пути.

Хозяин встретил меня с на редкость неприветливой мордой на лице – неужели все еще по тезке переживает? – подумал я. Хотя вряд ли, его душевные терзания скорее всего связаны с внезапно открывшимся ему фактом, что новый государь ни в грош не ставит якобы неприкосновенность членов царской семьи, а канцлер готов выполнять пожелания императора чуть ли не мгновенно...

Я улынулся великому князю как мог приветливей.

– Сергей Александрович, – начал я, – помните, как у вас неудачно получилось на обсуждении судьбы Сергея Михайловича? А ведь это потому, что вы пренебрегли подготовкой. У вас же почти три дня было, за это время столько смягчающих обстоятельств можно было найти! Вот, например, что же вы мне не сказали, что покойный любил кошек? Если бы я это тогда знал, так ведь совсем бы иначе обсуждение шло... Правда, кончилось бы все равно тем же самым, но это уже другой вопрос. Поэтому я сейчас и у вас. Тут ведь еще один персонаж имеется, Сандро его зовут. В общем, через неделю мы с вами будем иметь честь полемизировать по поводу его будущего перед императором. Великому князю Александру Михайловичу инкриминируется корыстное участие в развязывании русско-японской войны, это два миллиона. Спекуляция земельными участками на Кавказе, с использованием служебного положения – мелочь, всего восемьсот тысяч. Ну и, наконец, крайне невосторженное отношение к пребыванию на троне Георгия Первого. Ладно бы он это про себя думал, но ведь делится своими мыслями с кем ни попадя, в том числе и с вами! Первый и последний пункты, с моей точки зрения, тянут на высшую меру каждый. Не согласны? А зря. Какой-нибудь работяга по пьяни может и обматерить величество, максимум ему за это в участке настучат по рылу и по печени, да и то не обязательно. А великий князь, кроме весьма немалых получаемых о казны денег, имеет и массу привилегий... Думаете, задаром? Увы, ни в коей мере. Он обязан быть образцом лояльности, и спрос с него особый. Хочется оппозиционировать – откажись от жалования, подай заявление о выходе из великих князей – и вперед! Так что подготовьтесь, пожалуйста.

Целью этого представления было не столько дать князю Сергею время на подготовку линии защиты, сколько надежда, что он намекнет красавчику Сандро о грядущей перемене судьбы, и тот сбежит – нас с Гошей это в общем-то устраивало. Ну, а прибрать к рукам имущество сбежавшего будет делом техники, причем несложным.

Корпуса завода были уже в основном готовы, но пуск главного конвейера ожидался отнюдь не на днях. И если моторный цех потихоньку начинал давать продукцию, то в кузовном никак не могли наладить главный пресс, так что сделанные машины выколачивались вручную. К моему приезду поехала еще одна, так что я смог прокатиться на ней по двору. Ну, что сказать – инвалидка, она и есть инвалидка, хоть и с колесами побольше

оригинала, а также с двухцилиндровым движком. Но по сравнению с Роллс-Ройсом – вполне даже и ничего... Зато сразу выяснилась причина крайней сыпучести первого экземпляра – практически все было собрано как не руками. Я поинтересовался, где учились рабочие – выяснилось, что в основном прямо на рабочем месте. Попросил технологические карты на операции – так мне еще пришлось объяснять, что я имею в виду. Если бы мы в Георгиевске так делали самолеты, так половина сразу бы побилась. Всего половина только потому, что вторая просто не смогла бы взлететь.

Разумеется, «Чайка» задумывалась вовсе не таким дерьмом, как получилась. Да, из-за двухтактного движка и примитивной подвески она требовала частого обслуживания, но не каждые же сто километров! В общем, на завод явно требовался толковый главный инженер с небольшой командой.

– Не обижайтесь, Павел Павлович, – сказал я Рябушинскому, – но это не завод, а показуха. Пустить пыль в глаза акционерам годится, работать – пока нет. Куда спешим?

– Форд собирается экспортировать свои машины в Россию, и мы можем потерять рынок, – пояснил Рябушинский.

Я не стал его просвещать, что для выплат по лицензии на конвейерный способ производства Форд вынужден был взять ссуду у нашего банка в Штатах, «БББ», и что с каждого проданного авто еще как минимум пять лет четыре процента будут наши. Просто пояснил, что «модель Т» в том виде, как ее сейчас поставили на конвейер, еще сырая и в условиях России будет регулярно сыпаться – одни деревянные колеса чего стоят. Таких конкурентов надо холить и лелеять, потому что на фоне этого «Форда» даже «Чайка» «Окой» покажется! А вы, вместо чтоб при заводе ПТУ нормальное организовать, в политику влезли по уши, с Гучковым о будущем России лагаетесь... Да вот же оно! Вам такое нравится, что мы тут вокруг себя наблюдаем? Мне, особенно в качестве перспективы – не очень. Как у вас зависит оплата труда от его качества?

– Как обычно – штрафы за брак.

– Тьфу! Вот у той уродины, что в Георгиевск приехала, масло из коробки аж хлестало. А у этой, на которой я по двору катался, картер абсолютно сухой! Зато генератор поставили через жопу, как он еще работать ухитрится – непонятно. Так где служба, которая точно знает, кто делал эти операции? И тем, кто работает хорошо, надо еще доплачивать, чтобы они других так учили! Ладно, пришлю я вам троих своих инженеров на время. Вас же настоятельно приглашаю съездить в Георгиевск и посмотреть повнимательней на моторный завод изнутри.

– Хорошо, вот только подготовлю тезисы для съезда нашей партии, и съезжу.

– Кстати, тогда уж там припишите лично для вашего председателя, что по нем в Георгиевске девочки очень скучают. Может, с собой возьмете? Так и быть, дам я ему без всякой дуэли самолет, в «Путаниум» слетать. После его предыдущего туда залета знаете какой там наплыв гостей был – даже из Брюсселя специально приезжали!

В общем, ситуация была понятна. Кроме спешки, сказалось еще и то, что общий уровень точности производства, вполне достаточный для паровозов, в приложении к автомобилям дал тот самый результат. Еще раз подчеркнув, что спешить не надо, а надо обратить особое внимание на обучение персонала и внедрение чего-нибудь наподобие бригадного подряда, я отбыл в Гатчину, где мне предстояли содержательные беседы на тему о том, кто и как будет плавать из Черного моря в Мраморное.

Сильно обеспокоенный султан прислал в Питер своего специального представителя для переговоров о мирном разрешении ситуации, и он уже с нетерпением увивался вокруг Гатчины – Гоша ему передал, что переговоры поручены мне. Никаких материалов на прибывшего у моих спецслужб не было, так что мне сообщили только имя – Мехмет Хусейн. Уж не дедушка ли нашего Саддама, подумал я, потому как имелось определенное сходство. Но спрашивать не стал, а предложил поделиться своими трудностями. Турок сообщил, что его повелитель озабочен слухами о грядущей смене статуса проливов.

– Ох, не о том ваш повелитель беспокоится, да пребудет над ним милость аллаха! –

возразил я. – Подумаешь, подписи на какой-то международной бумажке изменятся и слова будут чуть другие. Ну недостойно это внимания солнцеподобного султана, ибо мелочь. Но увы – далеко не все так безоблачно! У Блистательной Порты ныне слишком опасные соседи. Нижайше прошу простить за дерзость, я бы даже сказал, смертельно опасные... Одна Болгария чего стоит. Не присматривались к ее армии? И к царю, кстати, тоже не помешает – я с ним недавно встречался и могу точно сказать – шайтан его знает, что завтра придет в голову этому неверному. Вполне возможно, таки что-нибудь агрессивное, и полетят над землей прекрасной Турции неисчислимые армады болгарских бомбардировщиков... Кто их остановит? Кроме России, некому. А Черногория? Даже Англия не смогла справиться с этим подросшим хищником, а ведь у Черногории к Англии территориальных претензий нет. Но гложут меня ужасные подозрения, что к ближайшим-то соседям они очень даже есть... И, наконец, ее флот. Да, в настоящее время Маслачак-Паша занят на Дальнем Востоке, но ведь, между нами, там уже осталось мало чего интересного. А в личной беседе со мной, как сейчас помню, адмирал весьма восторженно отзывался о Стамбуле.

Турок внимал потоку моего красноречия почти невозмутимо, но все-таки тренированный взгляд мог уловить первые признаки офигения.

– Да, – продолжил я, – к сожалению, история взаимоотношений между нашими державами содержит не только светлые страницы. Там при желании можно найти, как вы нас.... Скажем так, слегка того. Потом наоборот, при матушке-Екатерине мы вас, и неоднократно. А дальше отношения перешли на более высокий уровень – в следующий раунд вы сами не полезли, подписали за себя Англию с Францией. И нам вломили, не спорю... Но считаю необходимым переломить эту дурную тенденцию. Потому что сейчас наша очередь повоевать чужими руками, и обстановка тому ой, как способствует! Вы же наверняка в курсе, что только что закончился визит сюда германского императора. Он полностью поддерживает нашу позицию в этом вопросе, вот на днях начнется Амстердамская конференция, сами увидите. Но, как убежденный пацифист, я хотел бы решить дело миром, и при этом почти бесплатно. Суть в том, что Россия предполагает ввести в мировую практику принцип нерушимости существующих границ. То есть в договоре о статусе Босфора будет прямо написано, что нерушимость границ Османской империи гарантируется Россией и Германией. Думаете, на... надует? Вовсе нет, посмотрите, как охраняются границы Черногории.

– Увы, господин канцлер, финансовое положение Турции в настоящий момент не способствует столь резким изменениям внешнеполитического курса...

– А вы спрашивали? Спросите, прямо сразу после конференции, англичане точно против не будут.

В общем-то это было что-то вроде правды. Англы очень нервно отнеслись к мечтам Вилли расквартировать в Танжере авиационную дивизию и предложили как-то взаимно ограничить воздушные силы сторон в этом районе. У меня уже было для них вполне приличное предложение, ценой которого как раз и являлось их невяканье против наших босфорских планов.

– А насчет положения, – продолжил я, – тут все не так трагично. Его можно сильно улучшить, войдя в зону взаимных безналичных расчетов. В частности, все компенсации наших расходов по укреплению обороны пролива мы готовы принимать баблом.

– Простите? – поднял брови турок.

– Неужели вы еще не в курсе? Так называется наша совместная с Германией и Японией безналичная денежная единица. Вот, покажите вашим экономистам... Вам на каком языке? Ах, лучше на русском? Возьмите.

Я протянул ему свежий экземпляр Машиного рекламного буклета «Что такое бабло». Вкратце она мне объяснила, что при международной торговле эмитент всегда получает больше выгоды, чем неэмитент, в силу чего привлечение последних весьма приветствуется.

Предок Саддама взял бумагу и вернулся к животрепещущему:

– Господин канцлер, вы еще не ознакомили меня с вашим мнением относительно

Стамбула.

– Я думал, это и так ясно, но раз уж зашла речь – пожалуйста. Красивый город, особенно сверху. На местности выделяется хорошо, застройка правильная, опять же большой, при всем желании не промахнешься...

Вообще-то Гоша, вроде как в шутку, уже намекал насчет чего-то там прибить к воротам и присобачить крест к какой-то всемирно известной церкви. Но я был резко против.

– Там два миллиона населения! – пояснил я свою мысль. – Из них как минимум полтора – профессиональные паразиты. И у большинства из них весьма неслабые запросы... Думаешь, отчего турки в такой финансовой заднице? А ты попробуй такую ораву прокормить, сразу на халве разоришься. Так что Стамбул если и брать, то только в виде угольев пополам со щебнем. И нафига нам такое счастье?

– Поэтому Россия готова помочь Турции в обороне этого прекрасного города от нападения сверху, – продолжил я беседу с посланником повелителя правоверных. – На сам же статус города и даже на малейшее участие в управлении им мы совершенно не претендуем. Наши конкретные предложения вот, – я развернул карту. – Все батареи береговой обороны усилятся современными орудиями и прочей техникой. Имеющиеся там пушки мы готовы выкупить по очень выгодной цене – то есть оплатим металл полностью, не требуя денег за руководство демонтажом и перевозкой. Гарнизоны продолжают службу, но при этом подчиняются общему распорядку и блюдут, как это положено в приличной армии, железную дисциплину.

День их наши унтеры погоняют, как своих салаг, подумал я, и максимум к следующему вечеру последний янычар из гарнизона будет не ближе двадцати километров, бегать они могут быстро.

– Ну и наконец, – добавил я, – мне почему-то кажется, что Турция получает недостаточно денег от владения такой замечательной вещью, как Босфор. И Россия может помочь ей в этом деле всего за какой-то небольшой процент, не больше шестидесяти, причем исчислять его готова от превышения грядущих доходов над существующими.

– Это как? – заинтересовался турок.

– Ну, способов много, и специалистов у нас тоже хватает. Например, можно попытаться фарватер углубить и расширить, а то на подводных лодках по нему плавать – сплошное мучение. Перегородить пролив землечерпалками и объяснять желающим попасть из одного моря в другое, что Турция страна бедная, поэтому копать будут долго, но помощь не отвергается. Недовольных – к нам. Это я так, навскидку, наверняка что-нибудь и получше придумать можно. Да, и вот еще вам повод для размышления... То, что мы вам предлагаем, то есть долгосрочное партнерство, оно ведь наверняка имеет глубокие исторические корни. Вы не в курсе? Так просто историкам платить надо больше, они вам и не такое докажут. И, значит, наш договор вполне может возникнуть не на пустом месте, а как продолжение такого-то от тысячи семьсот... нет, пожалуй, все-таки восемьсот какого-то года. То есть границы мы будем рассматривать по состоянию на тот момент – ну не везде, разумеется, а в некоторых наиболее вопиющих местах типа Египта.

Глава 25

Двадцатого мая 1906 года ИВВФ понес последнюю в черногорской войне потерю – при перелете к месту постоянного базирования разбился выдающийся чукотский пилот капитан Худайбердыев. А через день к канцлеру зашел попрощаться перед отъездом на родину полковник Иочиро Токигава. В честь этого события канцлер устроил торжественный ужин – то есть не стал потчевать гостей тем, что обычно ел сам, а напряг своих поваров учинить японское меню. Правда, на всякий случай велел держать наготове пельмени.

Мы выпили сакэ (гость из чашки, хозяин из стакана), после чего я попытался закусить какой-то дрянью наподобие сырой рыбы, но не преуспел. Так что пришлось извиниться перед полковником – мол, мой гайдзинский организм не созрел до пищи истинных самураев,

и распорядиться принести дополнительно пельменей, водки с огурчиками и пива на десерт.

В качестве подарка на дорогу я показал полковнику акт о списании по причине разбития вдребезги истребителя «Ишак» под заводским номером четыре, и вручил документы на провоз в Дальний трех ящиков с приобретенной им в Питере мебелью и посудой – отдельно фюзеляж, мотор и крылья. Правда, рацию мы сняли, тут уж ничего не поделаешь, извинился я. Зато пушки оставили!

Токигава поделился со мной своим мнением по поводу работы авиации против флота.

– Бомбы с реактивным ускорителем показали свою эффективность, – заметил он, – но и недостатки тоже. Да, всего одна утопила «Родней». Но ведь это была единственная из пяти сброшенных, которая вообще попала! Значит, имеем повышение убойного действия в обмен на снижение точности. И, продолжил полковник, вспомним о подвиге экипажа «Кошки» номер сто двадцать два... Попасть бомбой точно в уязвимое место корабля невозможно. А управляемым до последнего момента самолетом – вполне. Но это должен быть не обычный самолет, а что-то более похожее на очень большую бомбу с тем самым реактивным ускорителем.

– Да, – согласился я, – такая машина уже делается. Взлет с катапульты, посадка не предусмотрена. Дальность небольшая, какая точно – еще неясно. Нагрузка – триста кило тротила. Скорость на завершающем отрезке более семисот километров в час. Пожалуй, вашей стороне пора определиться с участием в этой программе.

– Летчики? – уточнил Токигава.

– Да, но не тэйсинтай, а испытатели. Риск, конечно, очень велик, но от них будет требоваться не только слетать, но и выжить – по радио много не расскажешь. То есть нужны настоящие пилоты, а не суррогат. Сможете подготовить человек десять? Они понадобятся осенью. Если среди них будут не владеющие английским либо русским, то и пару хороших переводчиков. Да, и еще парашюты... Придется вам с собой еще один контейнер барахла везти – потому как эти пилоты должны иметь как минимум пару десятков прыжков каждый. Ну, а теперь давайте выпьем за то, чтобы в дальнейшем наши летчики висели друг у друга на хвостах только с целью прикрыть, а не наоборот. Огурчик к сакэ не хотите попробовать?

Дальше беседа плавно перетекла на гастрономические темы. Полковник похвалил гатчинскую стряпню, но сказал, трижды извинившись в процессе, что до настоящей японской кухни ей далеко. Он, Токигава, это может сказать точно, потому как его отец имеет ресторан. Правда, последнее время дела пошли чуть хуже, после войны стало меньше клиентов, так что этот папа сейчас пытается готовить и для европейцев.

– Слушайте, – осенило меня, – а он не хочет открыть свое дело в России? Бояться незнакомой обстановки не следует, я помогу акклиматизироваться. В Питере успех точно будет, да и в Москве скорее всего тоже. Кстати, не исключено, что и русский трактир в Токио окажется к месту, особенно при соответствующей поддержке. Давайте попробуем устроить такой обмен?

Спустя пару стопок мы решили не ограничиваться только общепитом, ибо не хлебом единым жив человек! И не рисом. Нам предстояло отправить в далекое турне труппу Мариинки и какой-нибудь белосинекраснознаменный ансамбль песни и пляски, а Япония должна была прислать на гастроли театр кабуки и симфонический оркестр из барабанов. Как культурные люди, мы не стали уточнять, сколько именно среди этих поваров и плясунов будет любознательных людей в офицерских званиях, но договорились о взаимной лояльности по отношению к ним.

На момент перехода к пиву было решено, что, кроме всего ранее обсужденного, в Токио будет очень неплохо смотреться универмаг «Москва», а в Питере – «Токио». Ну, и я напомнил Такегаве, что по договоренности с Ито на смену авиационной делегации к нам должна приехать радиотехническая – кое-что уже можно было рассекречивать. Форест в Америке, несмотря на отвлекающие действия нашей агентуры, таки изобрел ламповый триод. Каково же было его изумление, когда при подаче заявки на патент он узнал, что русские буквально неделю назад уже оформили аналогичную бумагу! Он вроде собирался

подать в суд, но вряд ли ему что-то светило, потому как у нас были готовые к предъявлению железные доказательства применения нами триодов аж с японской войны, да и наши возможности поощрения коррупции среди американских судей существенно превосходили таковые у оппонента.

Я же решил основным поставщиком радиоламп сделать Японию, это производство хорошо подходило к их условиям, а самому сосредоточиться на транзисторах.

Под конец беседы я сообщил о своем желании приобрести оборудования для производства стволов калибра шесть с половиной миллиметров, потому что в Японии, мол, их все равно снимают с вооружения, а нам пригодится. Только что казавшийся в сисю пьяным полковник вдруг мгновенно протрезвел и предложил вместо продажи организовать его совместное использование – тем самым образом, каким явно придумал господин канцлер. Ладно, согласился я, можно и так. Действительно, вряд ли от того, что японцы познакомятся с концепцией промежуточного патрона, нам сильно поплохеет.

– Да, господин канцлер, – продолжил тем временем полковник, – разрешите воспользоваться вашим любезным согласием помочь мне в уяснении некоторых тонкостей русского языка? Вот, сейчас... (экс-чукча достал записную книжку), – совершенно непонятный мне момент. Я правильно понимаю, что «пи...то» – это хорошо, а «х...во» – плохо?

– Вы абсолютно правы, – кивнул я.

– Но почему же тогда «ох...иельно» – это лучше, чем «пи...то», а «п...ец» – много хуже, чем «х...во»?

– Это вы наткнулись на иллюстрацию того, что русский народ владеет философией чуть ли не с рождения, – пояснил я, – и ваш первый пример – это результат осмысления им закона отрицания отрицания, а второй – перехода количественных изменений в качественные. В общем, если вы попытаетесь это понять, приготовьтесь потратить несколько лет жизни. Лучше просто запомнить, по-моему.

Полковник ушел, я выключил запись и попытался по свежим следам определить, как прошла беседа. Вроде ничего, то, что милейший Иочиро является специалистом не только в области авиации, мы подозревали и раньше... А как он насчет оборудования для шести с половиной миллиметров восторженно! О чем это говорит? Да о том, что снятие этого калибра с вооружения прошло у них отнюдь не единогласно, и вовсе не факт, что аргументы выдвигались только технические. У нас тоже такое было, как раз пару дней назад прошло совещание...

Мосин, Федоров и начальник Ружейного полигона Ораниенбаумской стрелковой школы Филатов сошлись чуть ли не насмерть – во всяком случае, окончательное решение пришлось принимать мне. Предмет совещания состоял в том, что на текущий момент в России наблюдался явный перебор с числом калибров стрелкового оружия.

Имелась мосинская винтовка 7,62 и такой же пулемет образца 1902 года.. Автоматы и пистолеты были 7, 63. Пулемет 1905 года, который уже можно было назвать единым, имел калибр 7, 92. А опытные экземпляры калашеобразного самозарядного карабина были сделаны сразу 6,5, 7,62 и 7,92 – все под длину гильзы 39. Наконец, имелся револьвер «Наган» и патроны к нему, больше ни к чему другому не подходящие.

С наганом я столкнулся еще в Артуре и с тех пор имел твердое убеждение – это оружие для населения и, может быть, полиции, но никак не для армии. Хреновина, даже у самовзводного варианта которой для второго выстрела надо нажимать на спусковой со всей дури или два раза – нет уж, увольте.

Ругань шла полдня, и к единому мнению господа совещающиеся так и не пришли. Уже через пару часов я потерял нить беседы, которая вертелась в основном вокруг экономики – из обрезков чего на каком оборудовании что лучше производить. Японский пример тоже поминали – как аргумент энтузиасту калибра 6,5 Федорову, мол, по результатам войны япы от него отказались. А мне, честно говоря, понравился Федоровский подход.

Он исходил из того, что пуля оружия пехоты должна не только долететь до противника

и проделать в нем дырку, но перед этим и пробить то, за чем он прячется – если это возможно, конечно. С этой точки зрения крупный калибр предпочтительнее. Но надо учитывать и уровень подготовки стрелка, а тут лучше калибр помельче, потому как траектория получается настильнее. Наконец, технологию тоже забывать нельзя. Сейчас на нашем оружейном заводе пытались внедрить нарезку ствола за один проход, а не многократным строганием. До внедрения дело еще не дошло, но было ясно, что на меньшем калибре этот процесс пойдет проще.

Федоров сделал сразу четыре карабина, то есть кроме 6,5, 7,62 и 7,92 он подготовил еще и 5,5. Сразу выяснилось, что в смысле пробивания предварительного препятствия последний много хуже – даже расположенный на полпути до мишени лист фанеры заставлял пулю отклоняться от траектории вплоть до кувыркания.

Да, подумал я, у американцев во Вьетнаме были похожие проблемы.

Остальные три калибра показали близкие результаты на препятствиях от тонкой фанеры до трехдюймовой доски.

А потом он набрал мальчишек-подсобников с завода и предложил им научиться стрелять из этих карабинов. Результаты 5,5 и 6,5 отличались примерно в пределах ошибки эксперимента, а у крупных калибров были заметно хуже. И теперь он напористо защищал шесть с половиной миллиметров.

– Значит, так, – я слегка прихлопнул ладонью по столу, – одно уже понятно. А именно, надежды, что мне тут выработают со всех сторон оптимальное решение, я его подмахну и дальше все само собой пойдет замечательно – они оказались идеализмом. Так что дискуссию я административным порядком прекращаю, пока вы тут в бороды друг другу не вцепились, и принимаю волевое решение – возможно, самодурское, но лучше такое, чем никакого вовсе. Итак, основным патроном на ближайший обозримый период становится 7,92 Маузер. По мере перехода производства боеприпасов на этот патрон все большая часть ваших, Сергей Иванович, винтовок будет выпускаться под него. В момент полного прекращения выпуска патронов 7, 62x54Р начинаем переделывать под 7,92 часть имеющихся трехлинейек.

На базе авиационного четырехлинейного пулемета надо сделать станковый пехотный. И тяжелую снайперскую винтовку.

Пистолет-пулемет по прежнему делается под патрон 7,63x25 Маузер. Под этот же патрон надо сконструировать самозарядный карабин для населения и жандармов. Лучше с автоматикой свободного затвора, но только чтобы выстрел был с переднего шептала. Армейский пистолет – тоже под него, ПФ, в общем, получился неплохо.

Единый пулемет остается, естественно, как сейчас. На всякий случай подумайте о его ручной, то есть облегченной, разновидности с магазинным питанием.

Автомат делаем под промежуточный патрон 6,5x39. В ближайшее время массового выпуска их не предвидится, но, скажем, через пять лет было бы неплохо иметь одну-две вооруженных ими дивизии. Или, скорее, примерно равное по численности какое-то количество спецподразделений.

Разработать предельно простой пистолет для гражданских и полиции под ослабленный парабеллумовский патрон, что-нибудь вроде 9x18. По мере налаживания его производства сворачивать выпуск «Наганов». Вот, значит, исходя из этого вы, господа, и планируйте свои действия. То, что я вам сейчас высказал – это приказ. Но кроме него, есть еще и просьба. У меня вообще-то сложилось мнение, что человека в двадцать лет учить стрелять уже поздно. Нет, есть, конечно, отдельные таланты... Но в целом – надо раньше. Владимир Григорьевич, вы не обратили внимания, насколько быстрее призывников ваши мальчишки освоили карабины? Ах, вы с призывниками не очень-то сталкивались... Уверяю вас, разница есть. Так вот, надо всемерно развивать приобщение молодежи к стрелковому делу. Нужна серьезная государственная программа – широкая сеть первичных организаций, соревнования, включая всероссийские под патронажем императора, призы, престиж... Тирь какие-нибудь самоходные для поездок по деревням зимой, потому что там наш основной контингент обитает. Зимой – потому что летом в деревне не до стрельбы. Вот для этих целей

я и внес в список необходимого карабин под маузеровский пистолетный патрон, но если придумаете еще что-нибудь, вам и карты в руки. А еще я вас прошу подумать – кто потянет эту программу? Нужен патриот России, энтузиаст стрелкового дела, хороший организатор и педагог. Вы уж постарайтесь такого найти, ладно? А то сейчас пареньку из деревни один хрен что дать – он все равно ничего не умеет. А надо, чтобы у нашей молодежи с самых юных лет выработался правильный взгляд на мир – то есть со стороны казенной части, а не дула.

Глава 26

Я отложил распечатанные эскизы и описания Босфорского моста в соответствующую папку на предмет отдать перерисовать картинки и переписать текст перед вручением Вилли. Это был вроде как небольшой подарок к началу строительства турецкого участка его любимой железной дороги «Берлин-Багдад». А то неприлично как-то, мы и то закончили кругобайкальский участок, а тут Германия будет поезда на пароме возить. Опять же в процессе постройки моста нам будет куда удобней перегораживать пролив на предмет материального вспомоществования, как было договорено с турками. Торговались они, правда, отчаянно, сбили нашу долю с шестидесяти до пятидесяти шести процентов. Жмоты и халявшики, а не великая империя, право слово.

Отложив бумажки, я сообщил охране, что мы едем в Зимний – пора было обратить Гошино внимание на одну интересную бумагу. Она называлась «Всеподданнейший доклад Его Величеству по военному ведомству» и содержала полторы сотни листов. Вообще-то у меня была копия, сам доклад в виде коллекционного тома с картинками и золотым тиснением на кожаной обложке был отправлен по адресу, то есть величеству.

Доклад представлял собой просто редкостный образец. Все его содержание сводилось к тому, что почти во всей армии у нас все замечательно. Почти – это потому, что, по мнению постеснявшихся поставить свои подписи авторов сего творения, были места, где дела обстояли не замечательно, а восхитительно и даже более того. Во всем тексте, я специально посчитал, содержалось ровно четырнадцать цифр, две из которых являлись годами подотчетного периода. Причем изложено все это было на таком уровне, будто предназначалось дебилам младшего дошкольного возраста.

– Заходи, – встретил меня Гоша, – я тут прочел, что тебя вроде поздравить можно?

– Конечно, – не стал перечить я, – поздравляй. Только с чем и где ты про это прочел, можно узнать?

– В «Биржевых ведомостях» написано, что ваш с Рябушинским автозавод запустил главный конвейер, почему-то только под номером «три А».

– Ты бы еще «Копейку» почитал, – хмыкнул я, – тоже мне, источник новостей нашел, газеты. Главный конвейер номер три – он по производству велосипедов, состоит из шести линий, обозначенных буквами. Вот первую и запустили... Это восемь постов, мимо которых едут на веревке деревянные тележки. Автомобильный же конвейер мы только в начале августа собираемся запускать. Но это ладно, хрен с ней, с газетенкой, я надеюсь, вон тому, что у тебя рядом на столе лежит, так же безоглядно верить ты не стал?

– Не получилось, – подтвердил Гоша, – ибо это никак невозможно. Но в целом очень хороший документ, мне понравилось.

– Если бы под ним чья-нибудь подпись стояла бы, тогда да, а сейчас-то что с него толку?

– Пессимист ты. А мне так как раз наоборот – ну, стояла бы под ним чья-то конкретная закорючка, а вдруг нам сейчас трогать именно этого человека почему-то не нужно? А тут, кстати, подпись есть, видишь – «Военное ведомство»! Смотрим, кто нам там не нравится, и предъявляем в качестве обоснования сей труд... Глядишь, и поаккуратнее станут безымянные творения подсовывать. Да, у меня пара вопросиков есть... Вот тут написано, что на начало года крепостных орудий было одиннадцать тысяч сто, а в марте канцлер изъяс

почти двести штук. Что это вообще такое, двадцатичетырехфунтовая осадная пушка, и зачем они тебе понадобились?

– Отвечаю. Это осадные орудия образца одна тысяча восемьсот пятого года. Произведены если и позже, то ненамного. Помнишь, у Лермонтова – забил заряд я в пушку туго? Вот как раз в такую. Я их в переплавку собираюсь сдать, потому как бронзовые, а пяток в Гатчине поставлю в качестве антикварных украшений.

– Ого, – офонарел Гоша, – и много там еще подобных образцов?

– До хрена, если не все. Самое новое – это крупновские образца семьдесят седьмого года, но их мало. В основном – середины шестидесятых. У турок, блин, на Босфоре и то лучше! Так что пора подумать, в чью тушку будем забивать заряд по этому поводу.

– Ладно, давно пора разобраться. А вот у меня к тебе есть и один личный вопрос. Не подумай, что я в твой карман лезу, но что это у тебя за бизнес такой завелся с саженцами – чего, кстати? Ты торгуй на здоровье, тем более что у тебя счет сразу на миллионы пошел, но что это с тобой?

– Это у меня хобби, честно деньги зарабатывать, а не как вы с Машей – «купите две штуки по цене четырех, и получите еще одну в подарок»! Если отбросить всякие затуманивающие суть хитрости, так это и есть ваша методика. А у меня все кристально честно и безупречно. Помнишь, мы в Бразилии нашли более или менее приличного поставщика каучука? Ну, побыл он приличным года два с половиной, а потом оборзел. Цены начал поднимать, он там в джунглях для себя чуть ли не целый город отгрохал, библиотеку построил и театр... Недавно вообще учудил – вынь даподай ему нашу балетную труппу! Помимо денег, а не вместо, что меня особенно огорчило. Так что послал я к нему балетмейстера с супругой. В шестом отделе еще с момента образования существует карточная группа, у Бени имелись неплохие связи в соответствующих одесских кругах, а уж сейчас там такие уникамы есть... Вот мой балетмейстер как раз из них. Ну, а его супруга, понятно, от Танечки. У этого козла-плантатора главные увлечения были – карты и женщины. Ну, так он после ночи с той супругой и сел играть с ее мужем. Продул усадьбу с театром и библиотекой, потом отдельно пруд с лебедями, чтобы мне было куда морские «Пересветы» сажать, ну а потом и плантацию, или как там у него сорок квадратных километров резиновых деревьев назывались.

– И что, просто так взял и отдал?

– Ну, не совсем просто, но ты же помнишь, он балетную труппу хотел? Я ее заранее послал, чтобы уважаемый не томился ожиданием. Давно собирался вторую десантную роту в джунглях потренировать, а то под Сухуми это больше на лесопарк похоже. Нормально в общем потренировались, особенно минометчики – с первого залпа его бандитов-охранников накрыли. Ну и автоматы там себя отлично показали...

– А соседи?

– Они все правильно поняли, особенно после того, как один попробовал возмутиться. Причем мы с ним мягко, не деньгами взяли, а тем же каучуком. Ну вот, значит, загрузили один «Пересвет» семечками этих деревьев и доставили на немецкий пароход. И чтоб наши друзья не маялись в ожидании урожая, потом три «Пересвета» летали еще неделю, саженцами забитые по самое верхнее крыло. Вилли где-то там у себя в Африке нашел подходящее место для разведения этой ботаники.

– Правительство-то бразильское как к этому отнеслось? Там же вроде весьма суровые меры за попытки вывоза семян каучуконосов.

– Да, смертная казнь. Но ловят-то по портам и побережью, кто же им виноват, что до сих пор не удосужились ни одного самолета завести? Правда, приезжал какой-то чиновник... Но он с понятием оказался, мгновенно сообразил, что если серьезные люди предлагают три тысячи долларов, так надо брать, пока не передумали и не предложили ознакомиться с репертуаром балетной труппы.

– То есть проблема с возрастанием потребности в каучуке решена и для нас, и для Вилли, – кивнул Гоша, – но для Вилли радикальнее. Почему?

– Потому что это только так кажется. Пока нет войны, наша бразильская гасиенда ничуть не хуже. А как начнется, так и у немцев будут серьезные трудности с доставкой вплоть до сокращения ее в разы... Так что мы усиленно химией занимаемся, опыты по получению бутадиена из картошки проводим, и уже есть успехи.

– А с азотом из воздуха? Селитру же сейчас тоже из Чили возим.

– Это немцы, я им передал материалы. Отработают технологию, а потом не только себе, но и нам заводик-другой построят.

Так, – сделал себе пометки Гоша, – и последний вопрос. Что сейчас вообще происходит? Читаю я столь нелюбимые тобой газеты, и там прямо крик стоит. Ренессанс, мол! Возрождение! Падение нравственности! Небывалое возвышение духа! Никогда еще российская интеллигенция не достигала такого морального падения! И так далее. А с твоей точки зрения что имеет место?

– Во-первых, это все проявляется только в Питере и немного в Москве, а провинции – так, отдельные эпизоды. Суть же происходящего я определяю так: с жиру бесятся! Мы, конечно, держим руку на пульсе, стараемся вовремя, так сказать, отделить баранов от козлиц... Салонов всяких развелось, как грибов после дождя, и в каждом свой гуру. Если безопасен, так хрен с ним, пусть гурствует.

Действительно, где-то через год после окончания японской войны питерский свет начал потихоньку срываться с цепи. Отовсюду полезли какие-то магнетизеры и прочие гиганты духа. Спиритизмом занимались чуть ли не в каждой подворотне... Отец Антоний, плюясь от возмущения, рассказал мне, что на эти сеансы не брезгают ходить даже высшие иерархи церкви. Мой вопрос «а кадиллом гадов промеж рогов?» был принят за шутку, хотя говорил я почти серьезно. Во всяком случае, если бы батюшка позволил себе такое, то от последовавших неприятностей я бы его точно отмазал. Откуда-то вылез и Гришка Распутин. Ко двору, понятно, теперь ему хода не было, он вертелся вокруг Ник-Ника и уже успел озвучить любопытную теорию. Оказывается, на небесах, войдя тягостное положение России, решили послать туда ангела. И послали, то есть Гошу... Но в преисподней это просекли и командировали к месту событий своего представителя, чтобы, значит, ангелу жизнь медом не казалась. Кто этот представитель – думаю, понятно. Но это пока только завязка. Интрига же, по Гришке, заключалась в том, что эти двое вдруг взяли да подружились! Теперь и на небесах, и ниже в растерянности рвут шерсть на лысинах, а Россию ожидает невиданное процветание.

Чтобы держать руку на пульсе, мы организовали несколько своих, так сказать, очагов брожения. В Питере наиболее успешным был ресторан «Крокодил».

Ну, зачем в дельте Нила нам понадобилось свое предприятие, я думаю, объяснять не надо. Оформлено оно было как ферма по разведению крокодилов. Но, к моему удивлению, акционерное общество «Шрамм, Шнеерзон и сыновья» вдруг без всяких подтасовок начало давать неплохую прибыль! Крокодиловая кожа шла на ура. А теперь, чтобы удовлетворить вдруг проснувшуюся тягу питерской интеллигенции к экзотике, ну и для повышения безотходности крокодильского производства, был открыт ресторан. В общем, ничего, мне случилось есть вещи и погаже тамошнего меню... Правда, не за такие деньги.

Видя такое дело, я распорядился учинить нечто подобное и в Москве. Там оно маскировалось под корейское заведение, организатором которого выступил потомственный московский дворник Гумар Нигматуллин. Правда, в целях сокращения своего слишком длинного имени он был представлен публике как господин Ким Ир Сен. Так что вскорости московская интеллигенция тоже сможет приобщиться к прекрасному – например, попробовать воспетые классиками собачьи уши, отжатые в уксусе.

Поначалу Гумар попытался намекнуть мне, что кошка – это тоже замечательное существо, например, в смысле пирожков. Но я взял его за ворот и, ласково потряхивая, объяснил, что кошек трогать не надо. Ни на мясо, ни на шкуру... А то мне из Египта уже писали, что ихним крокодилам для повышения яйценоскости неплохо бы разнообразить меню.

Вот примерно это я и изложил Гоше.

– Знаешь, а твоя теория, насчет с жиру, вполне даже проходит, – усмехнулся он. – Я тут недавно зашел на наш узел прослушки, ну и в числе прочего поинтересовался, о чем беседует отдыхающая смена в караулке. Так вот, совершенно их всякие высокодуховные материи не интересовали, а спорили они насчет сравнительной доходности акций твоего автозавода и Курского металлургического комбината. Вполне, кстати, квалифицировано... Действительно, если люди делом заняты, так и не лезет всякая хрень в голову. А от безделья только и остается, что в массовом порядке духов Наполеона призывать.

– Это ты немножко отстал от жизни, последние две недели основной аншлаг у Жанны Д"Арк. Особенно у Кшесинской она шикарно выступает – ну, это понятно, наши же медиумы работают на уровне последних достижений прогресса. Сейчас вот я решил в стратегическом плане над репертуаром подумать, чтобы эти привидения не несли каждое свою отсебятину, а четко проводили генеральную линию. Даже специальный отдел предсказаний и пророчеств в Информбюро организовал.

– Между прочим, доносы на тебя от высшего звена церкви последнее время значительно участились.

– Еще бы им не участиться! Появились первые результаты нашего движения церкви за возвращение к истокам, теперь уже не только Высоцкий монастырь, но и многие другие поддерживают идею восстановления патриаршества. Тебе что, нравится сложившаяся сейчас ситуация?

– Нисколько, – мотнул головой Гоша. – Хотел тут провести некоторые перестановки, так Синод чуть ли не в полном составе прибежал ко мне объяснять, что высшие церковные чины неприкосновенны – мол, такого нигде не записано, но нарушать эту традицию нельзя. Хорошо, однако, устроились – сидят на гособеспечении, без него они бы и трети своей десятины не собрали, не говоря уж о прочем – и при этом еще что-то вякают! Даже хотел тебя попросить разобраться.

– Я уже в теме, но тут не следует показывать вмешательство власти в церковные дела. Сами должны восхотеть независимости от государства, над этим мы уже давно работаем. На митрополита Владимира Богоявленского внимания не обращал? Наш человек. Так что участившиеся доносы на меня – это пока так, самые первые признаки. Скоро друг на друга начнут писать в массовом порядке... А про меня, я так думаю, все Леша никак успокоиться не может? Это который Алексей, епископ Чистопольский и ректор Казанской Академии. Та еще сволочь, ты рожу-то его видел?

– Он к своим бумагам фотографии не прикладывал.

– Так ты попроси, а то, мол, как-то неудобно. Непонятно, с кем беседуешь... Хотя, конечно, лучше на него посмотреть вживую. В общем, скоро у нас в церкви волнения начнутся – борьба света с тьмой, причем светом каждая сторона объявит именно себя. А суть проста – или церковь становится независимой, отказавшись от большей части своих земель и получив патриарха, или она окончательно становится винтиком государственной машины, и ее руководство раз в неделю бежит ко мне с отчетом. Такая же ситуация, как сейчас, нетерпима совершенно. Вот я тут тебе на днях и пришлю папочку с компроматом – в основном на половые темы. Там, между прочим, просматривается интересная закономерность – сторонники отделения и нестяжательства если и грешат, то меньше и, так сказать, традиционным образом. А консерваторы чуть ли не через одного в пидорастию вдарились, причем предпочитают совсем молоденьких мальчиков, боровы. Кстати, отец Пантелеймон таких предлагает кастрировать, с чем я полностью согласен. Так что ты в какую-нибудь речь вставь свое сожаление о грустном падении нравов в церковной среде – мол, зря они так уж буквально отождествляют себя с пастухами и, как некоторые не лучшие представители данной профессии, вовсю пользуют своих агнцев. Им что, для этого господь хозяйство привесил?

– Господа, – объявил собравшимся император, – я пригласил вас, чтобы сообщить э...э... известие. Пренеприятнейшее оно или как, сами разберетесь. Надеюсь, ни для кого не секрет, что наша армия давно нуждается в серьезнейшем реформировании, но ни одна из существующих структур для этого совершенно не годится. Поэтому, как вы наверняка догадались, образуется соответствующий временный орган. Если у вас нет возражений против названия «Государственный Комитет Оборона», то вот с таким наименованием. Мишель, не надо облегченно вздыхать, косясь на канцлера, он будет просто курировать работу ГКО, в основном в смысле оказания необходимой помощи. А вытащить этот воз предлагается вам троим... Антон Иванович, у вас вопрос?

– Да. Кто будет председателем этого комитета?

– Знаете, тут мы решили несколько отойти от принципа единоличной персональной ответственности. В данном случае она будет делиться на троих, канцлер утверждает, что в хорошем коллективе на троих проходит очень эффективно. Ну, а если переругаетесь, тогда придется в этот комитет и Георгию Андреевичу вступить.

– Каковы полномочия комитета? – подал голос Каледин.

– Формально это совещательный орган при моей особе. А по факту – вот, держите.

Гоша подал Каледину тонкую папку.

– Там десяток пустых бланков с моей подписью и два десятка – с канцлерской. Ну и, естественно, в любой момент можете обращаться за помощью к нему или ко мне. У меня все, дальнейшее вы уточняйте с Георгием Андреевичем.

Когда император вышел, новообразованный ГКО в полном составе уставился на меня. Прошла минута.

– Господа, вы меня что, в первый раз видите? – не выдержал я.

– Как-то это несколько неожиданно, – объяснил Деникин.

– А в армии вообще часто всякие неожиданности происходят. Так что начинайте, не откладывая... Мы с его величеством предполагали, что Алексей Максимович возьмет на себя строевые задачи, Антон Иванович – штабные, а Михаил Александрович – технические. Естественно, разобраться, где кончается одно и начинается другое, по определению невозможно, так что вам придется постоянно общаться друг с другом. Да, и еще один вопрос, которым, пожалуй, надо будет заняться в числе первых – это военно-учебные заведения. Кто у нас ими командует, великий князь Константин Константинович? Сами решайте, что с ним дальше делать. Вроде отзывы о нем ничего, особенно от юнкеров, но на меня он почему-то волком смотрит. Странно, вроде не конфликтовали...

Михаил хрюкнул.

– Мишель, у вас есть какая-то информация по этому поводу?

– Есть, – справилось со смехом высочество, – помните, на моей свадьбе вы сидели недалеко от него?

– И что, мало ли рядом с кем я сидел?

– Честно говоря, я уже забыл, по какому поводу ваша светлость изволила произнести слово «жопа». Но Константин Константинович был потрясен до глубины души... Он же поэт-романтик.

– Странно... Я вообще-то общался с поэтами, так у меня сложилось впечатление, что они других слов и вовсе не знают. Но тогда с такими убеждениями, как у Константина, воспитывать подрастающее поколение военных решительно невозможно! Ладно, это пусть величество думает, куда его деть.

Первым результатом деятельности ГКО стало то, что ко мне на прием набилась Милица Николаевна. Эта дама, дочь Николы и жена великого князя Павла, кроме увлечения спиритизмом обладала также умом и сообразительностью. При Николае она нагло лезла во все дыры, но буквально на следующий после воцарения Гоши день притихла и спряталась, как будто ее никогда и не было – даже у своей закадычной подруги Алисы не появлялась. А вот теперь ее снова в политику потянуло – интересно, с чего бы? Наверное, это из-за нового

титула ее папаши. Я пару раз не уследил за речью, и теперь его даже в официальных бумагах иногда называли Николой Черногорским. Вообще-то я имел в виду его схожесть с такими персонажами нашего времени, как Михась Солнцевский или Витя Люберецкий, но тут пришлось сочинять, что оно сорвалось у меня с языка от большого уважения.

Я ждал начала беседы некоторой опаской, ибо Милица была известна как непревзойденный мастер слова – то есть она трещала даже не как сорока, а как первые образцы наших автоматов, еще до принятия мер по снижению скорострельности. Но тут вдруг я с удивлением услышал нормальную речь, причем ораторша даже пыталась делать паузы между предложениями! Видно было, каких усилий это ей стоило. Чтобы поощрить столь похвальное усердие, я прислушался. Оказалось, что дочка императора явилась просить за своего супруга, причем делала это либо с детской непосредственностью, либо, что тоже не исключалось, с большим умом... Надо будет Танечку попросить составить о ней мнение, подумал я.

– Ну сами посудите, Георгий Андреевич, что делать талантливому архитектору и художнику на посту генерал-инспектора инженерных войск? Не воровать же, тем более что весь Питер говорит, что при вас этого и нельзя. Он же совершенно не военный человек! Ошибется, а вы его... ой... э... не одобрите.

– Ой, не одобрю, – согласился я, – но вы продолжайте.

– Так неужели во всей империи нет поста, на котором вернейший слуга его величества и почитатель талантов вашей светлости не мог бы развернуться соответственно своим способностям? Вы только посмотрите на ужасный вид некоторых городов! Даже в Питере последнее время строят уродующие чудесный облик города здания – вы, наверное, не знаете, что тут на Охте вздумали возвести! Это же просто безвкусица...

Да, подумал я, действительно, почему бы и не завестись в России генеральному архитектору? А то мне уже пытались подsunуть на подпись какие-то планы застройки... Вот только заранее надо будет обеспокоиться превентивными мерами – несколько секретарей от нас, тотальная прослушка всех помещений будущего ведомства... Потому как воровать тут при желании можно будет с невероятным размахом.

– Замечательно, – прервал я даму, – действительно, такая должность России просто необходима, и Павел Николаевич несомненно станет ее украшением. В ближайшее же время я доложу свои соображения его величеству. У вас все?

– Ах, Георгий Андреевич, могу ли позволить себе обратиться к вам еще и с личной просьбой? Не могли бы вы передать наше с Павлом приглашение в гости вашей сотруднице, графине Князевой? Я уже давно мечтаю познакомиться с этой достойнейшей женщиной и, может быть, чем-то даже помочь ей в ее самоотверженных трудах по охране детства...

– А зачем так сложно? Татьяна Викторовна сейчас у себя в кабинете, а он тут же, только в центральном крыле. Прямо от меня и зайдите, графиня будет рада.

Быстро соображает, подумал я, проводив гостью. Михаил еще не успел толком ознакомиться с положением дел в инженерных войсках, а она уже на всякий случай убирает оттуда своего благоверного! Ну, Танечка, конечно, и ей найдет соответствующее применение.

А мне снова пора было заняться техникой – не лезущие ни в какие ворота потери «Бобиков» при штурмовке ПВО английской эскадры требовали осмысления. Итак, предположим, я вообще ничего не знаю про штурмовики, Ил-2 и Су-6 для меня просто буквы с цифрами. И мне нужен самолет поля боя – то есть предназначенный для подавления малоразмерных целей в условиях сильного зенитного противодействия – это когда по нему лупят из десятков, а то и сотен стволов. Первое, что можно сказать – бомбы для него дополнительная опция. С горизонта не прицелишься, а пикировать хорошо забронированный самолет не сможет. Вообще-то надо начинать с тактики применения... Наверное, так – на минимальной высоте, прячась за чем только можно, подлететь к месту применения, в темпе расстрелять цель и смыться. Начнет вертеться над целью, делать много заходов – никакая броня не спасет. Итак, нужно очень мощное оружие для стрельбы вперед. Пара, нет, тройка

пушек, как минимум четыре крупнокалиберных пулемета и реактивные снаряды. Причем пушки лучше располагать на фюзеляже, иначе начнутся проблемы с точностью. Опять же нужен хороший обзор вниз – это что, получается, тут лучше двухмоторная схема? Выходит, так... Да, штурмовик же летает низко, в случае повреждения движка на вынужденную ему садиться только к противнику или в море, и парашют тут не поможет, то есть еще один аргумент за два мотора. И бензобак при такой компоновке проще сделать компактным и спрятать в самое защищенное место... Значит, решено – моторов два. Пушки в носу, пулеметы в центроплане. Да, но как раз такой самолет у меня уже есть, «Кошка» называется... Надо просто заменить ей однорядные звезды на двухрядные, упрочить силовой набор, еще сузить фюзеляж и забронировать уязвимые места. Ну и радикально довооружить, понятно... Скоро там Мосин сделает 23-мм пушку, торопить его или не надо? Подумаем. Что еще? Эти машины должны базироваться недалеко от передовой, чтобы иметь возможность быстро прилетать по приказам пехоты. То есть «Кошке» придется добавить еще и серьезную механизацию крыла для улучшения взлетно-посадочных качеств. Думаем дальше – торпедоносец, это такой же самолет или к нему дополнительные требования? Пожалуй, их нужно два – палубный и сухопутного базирования. Палубный – это та же «Кошка», она маленькая, а сухопутный попробуем сделать на базе более крупного и скоростного «Котенка». Ну и военный вариант «Кондора» – не как стратегический, а просто как тяжелый бомбардировщик. Плюс чуть доработать «Ишака» – и на ближайшие три года качественный состав нашей авиации можно считать определившимся. Вот и хорошо, потому как сегодня я ждал к обеду величество – как правило, если ему просто хотелось поговорить, так он приезжал сам.

Гоша выслушал мои рассуждения про ассортимент самолетов, задал несколько уточняющих вопросов и согласился, что вроде все правильно. Но вообще-то он немного за другим приехал...

– Слушай, – пояснил он, – не расскажешь мне о системах оружейной автоматики?

– Величество, ты случаем не переутомилось? Меня зовут Найденев, а не Федоров.

– Вот поэтому я к тебе и обращаюсь. Читал я федоровский труд, точнее, пытался читать. Скорее всего, как учебное пособие для конструктора он хорош, но мне-то нужно всего лишь быстро понять, о чем вообще идет речь! А в трех словах объяснить на пальцах работу любого механизма – это у тебя лучше всех получается.

– Ладно, попробую... Энергию выстрела можно использовать в двух видах – как отдачу и как давление газов в стволе. Вот, значит, первое разделение идет по этому признаку. Давай начнем с чистой газоотводной схемы. Как работает простая магазинная винтовка, представляешь? После выстрела стрелок сначала поворачивает рычаг, тем самым отцепляя затвор от ствола. Затем ведет его назад, взводя пружину и освобождая место под следующий патрон. Потом – вперед, тем самым проталкивая патрон в патронник, и наконец опять поворачивает, сцепляя этим затвор со стволом. Все, можно снова стрелять. А теперь представь себе, что мы просверлили примерно посередине ствола дырку и соединили ее с цилиндром, в котором ходит поршень со штоком. Выстрелили. Сначала все как в только что рассмотренном случае – затвор сцеплен со стволом. Летит, значит, себе пуля по стволу, летит и долетает до дырки. Как только пролетает, пороховые газы начинают толкать поршень в нашем цилиндре. Шток в начале своего движения поворачивает затвор, то есть отцепляет его от ствола, а потом тащит его назад. Хитрость тут в том, что поступательное движение штока преобразовать во вращательное затвора можно либо при помощи какого-нибудь механизма, то есть дополнительных деталей, либо за счет параноидально сложной формы самого затвора с канавками, как в «Калаше». Есть, правда, еще и клиновые затворы, то есть которые для сцепления со стволом не поворачиваются, а клинутся чем-нибудь выскочившим сбоку. Тоже механизм нужен... В общем, это не так просто сделать. И есть у этих схем врожденный недостаток – прыгающий туда-сюда поршень. Он ведь по определению находится не на оси ствола и, значит, своим трепыханьем сбивает прицел. Наш «НФ 1905» именно так устроен. Но пулемет тяжелый, и у него возмущающее действие

поршня невелико. А у автомата – весьма заметно, ибо он в четыре раза легче.

– Пока все понятно, – кивнул Гоша, – давай дальше.

– А дальше у нас идут системы с использованием отдачи. Их несколько, и делятся они на те, у которых ствол закреплен жестко, и те, у которых он подвижный. Я бы даже сказал, дергающийся... В общем, при выстреле ствол с прицепленным к нему затвором едет назад. Дальше затвор отцепляется. Если это происходит в конечной точке, такая автоматика называется «с длинным ходом ствола», а если где-то по дороге – с коротким. Для пистолетов есть и совсем ублюдочная разновидность, у которой ствол еще и наклоняется задним концом вниз. Это позволяет сделать очень простой механизм зацепления, но ни о какой точности стрельбы тут речи не идет. А если ствол двигать строго параллельно самому себе, то получается пулемет «Максим» или пистолет «Маузер 96» – видал, сколько там деталей? В общем, чисто интуитивно не нравятся мне эти системы. Ствол – это все-таки не хер, чтобы им туда-сюда ерзать.

Ну вот, а еще есть системы с затвором разной степени свободы, у них ствол закреплен жестко. Самый простой вариант – наш автомат. Затвор вообще никак со стволом не сцепляется, он просто тяжелый. Стреляем, пуля летит вперед, затвор едет назад. Соотношение пройденных путей в первом приближении обратно соотношениям масс – пуля весом в пять грамм пролетает четыреста миллиметров ствола, а затвор весом в полкило за это время отъезжает на четыре миллиметра назад. На самом деле побольше, за счет трения пули о нарезы. Чем мощнее патрон, тем тяжелее у него пуля, то есть требуется более тяжелый затвор, да и доля сопротивления пули тоже растет. В результате такая схема нормально работает только на пистолетных патронах, а с более мощными начинается геморрой.

– Притормозить чем-нибудь затвор, трением, например, – предположил Гоша.

– Можно. Но ведь где трение, там и износ. Хотя в нашем «ПФ» именно так и сделано – затвор тормозится бронзовым башмаком, прижимаемым к нему давлением газов через отводной канал. Башмак легкоъемный и дешевый, в комплект входят сразу два запасных, заменить недолго. Но это у пистолета замена детальки через пятьсот выстрелов допустима, а у автомата или пехотного пулемета – нет. У авиационного, кстати, тоже ничего страшного – в четырехлинейном башмак меняют с каждым боекомплектом. Кроме простоты, у этой схемы есть и еще преимущество – уменьшенная отдача. Пуля летит вперед, затвор – назад, суммарный импульс оружия теоретически равен нулю. На практике, конечно, так не получается, но уменьшение есть, и заметное. Собственно, мы оттого и сделали таким авиационный пулемет, чтобы он фюзеляж «Бобика» не ломал отдачей. Какая тут еще тонкость, навскидку сказать можешь?

– А гильзу не разорвет, когда она своим задом из ствола высунется?

– Вот! Пистолетную – нет, а у более мощного патрона вполне может. Выход, кроме притормаживания затвора – кстати, не только трением, есть и инерционные механизмы – в том, чтобы донце гильзы делать помассивней. Грубо говоря, высовываться она должна как раз на длину своей сплошной части. А ее можно сделать и подлиннее, для авиационного пулемета мы приняли именно такой патрон. Понятно, лишний металл и трудоемкость – это не есть хорошо. Вот сейчас Мосин с Филатовым пытаются такой промежуточный патрон сделать под схему с полусвободным затвором. А Федоров классику с газоотводом и поворотным затвором вылизывает... Потом сравним и будем чесать репу, что лучше. Я так понимаю, ты захотел малость вникнуть в эту тему, чтобы хоть в общих чертах представлять себе, о чем собачится народ в спорах о перевооружении армии?

– Да, решил, что это достаточно важный вопрос. В авиации и в кораблях я что-то смыслю, а тут был досадный пробел. В общем, спасибо за ликбез, пригодится. А то вчера наши реформаторы мне новость приподнесли – оказывается, у нас вопросами стрелкового вооружения занимается все то же ГАУ! На той неделе собираюсь доклад этого ведомства послушать. Не хочешь поучаствовать?

– Некогда. Разве только прямо тут это устроить...

– Ага, и с целью экономии времени сразу двумя этажами ниже. Действительно, надо будет господам и про такую возможность намекнуть, но чуть попозже. И вот у меня еще какая мыслишка завелась – а не выпустишь ли ты небольшую партию каких-нибудь малокалиберных и малогабаритных пистолетиков для чиновников? Тут на днях один из «Бульдога» застрелился, а это нехорошо. Во-первых, непатриотично, а во-вторых, результат получается уж больно некрасивый.

– Можно, только с ценой как быть – ты им дарить этот пистолет собираешься или они сами его будут покупать?

Глава 28

Теплым летним днем ко входу в Гайд-парк подошла молодая пара. Он – высокий, широкоплечий блондин, которого лет через тридцать безусловно обозвали бы чистокровным арийцем. Она – невысокая, черноволосая и, на взгляд тамошней публики, слишком худенькая. Впрочем, своему спутнику она казалась в самый раз, как и он ей, а чье-то там еще мнение ни его, ни ее не интересовало.

Народу было немного – все-таки большая часть лондонцев в это время работает – и пара, в одиночестве пройдя под аркой входа, неспешно направилась вглубь парка.

– Скорей бы они приехали, – вздохнул блондин, – надоел мне Лондон хуже горькой редьки. Ну вот это – разве это парк? Даже хуже Булонского леса, прости господи. Эх, вернемся в Питер, пройдемся по Александровскому саду...

– Милый, не ворчи, – улыбнулась девушка, – хотя, честно говоря, от безделья мне тоже иногда хочется покрыть все вокруг соответствующими выражениями. Так что... стоп... да, наш отдых явно подходит к концу. Не может быть, чтобы вон те достойные джентльмены шли не по нашу душу!

Определить приближающуюся троицу как джентльменов можно было только из чисто английской вежливости – ну, может быть, еще и из одесской. То есть одежда-то была еще ничего, но вот назвать их рожи иначе как бандитскими не поворачивался язык. В полном соответствии с внешностью троица полуокружила пару, и главарь предложил:

– Господа, помогите голодающим уругвайским детям.

– Фак офф, мердэ, – вежливо ответила ему девушка.

Главарь, получив отзыв, кивнул и достал из-за пазухи средних размеров пакет.

– Птица? – уточнил он. – Мы поступаем в ваше распоряжение. Вот вам материалы для ознакомления и частоты связи. Мы в остановились в Кройдоне, багаж при нас. У вас для центра что-нибудь есть?

Девушка достала из сумочки кошелек и со вздохом вручила его бандиту.

– До связи, – кивнул тот, и троица испарилась. Вот только что тут стояли – и вдруг пустота!

– А еще говорят, столица метрополии, – усмехнулся мужчина, – грабят среди беда дня в самом центре! Попробовал бы кто-нибудь на Дворцовой такое учинить. Ну что, последнее усилие, и домой?

– Типун тебе на язык с твоим «последним»! Милый, если задание присылают не по радио, а спецкурьером, да еще придают группу поддержки, то это... Видал, какие волки? Одного я знаю, он из группы захвата. Пошли, что ли, домой побыстрее, не читать же прямо на улице. Чует мое сердце, что еще одним микрофончиком на стекле тут не обойдется...

После файв-о-клока молодожены вышли на балкон мансарды.

– В общем, Жан, это реакция на мою инициативу после первого похода к тому окну, – пояснила Птица, – когда я написала, что форточки там очень удобные, и отослала чертеж. Нам привезли копию и предлагают проникнуть внутрь. Именно предлагают, решение об операции принимаем мы. Цель – документы, представленные Паксом Робертсону. Пакс – ну прямо параноик, своих сотрудников заставляет лично все черновики жечь, а Робертсон – разгильдяй, хранит все в якобы сейфе, который, по утверждениям специалистов, и без гвоздя

открыть можно. Так вот, эти документы там будут валяться примерно неделю... Мы можем имитировать ограбление соседнего кабинета, там в сейфе, правда более серьезном, около тридцати тысяч фунтов. А идеал – сделать так, чтобы вообще никто ни о чем не догадался. Я решила планировать операцию, исходя из этого. С деньгами – как запасной вариант.

– Прости, Николь, ты объясни мне, все-таки давно служишь – то, что все решаем мы, это правда?

– Да, никаких репрессий в случае отказа не будет, если ты это имеешь в виду. Но доверие Татьяны Викторовны к нам от этого никак не повысится... Так что давай думать. Вот план третьего этажа, я предлагаю проникать сразу в нужный кабинет, это через два окна от того, куда мы клеили микрофон. Костыль там до сих пор торчит, я смотрела, никто его не обнаружил. По карнизу не то что дойти – там вприсядку плясать можно. Я иду первой, через форточку проникаю в кабинет, потом ты, потом силовик на случай эксцессов внутри здания, потом медвежатник. Внизу остается два охранника. Технику пришлют сегодня вечером. Написано, что это непосредственно от канцлера – то есть полная фантастика! Я видела такие шнуры и карабины, с обычными не сравнить. Фонарик опять же – маленький, как патрон, но светит ярко и целый час! В общем, давай мы пока пройдемся по лавкам, купим черной ткани потоньше, но плотной. Ну и подумаем, что может еще понадобится...

Операция началась через три дня в два часа ночи. С каштана, росшего в пятнадцати метрах от здания Форин Офис, соскользнула тоненькая фигурка, затянута в серое с черными разводами трико.

– Все в порядке, работаем – блеснули зубы на измазанном черной краской лице. Короткая перебежка – и двое у самого дома, там, где декоративные воротца давали тень в свете фонаря. Свистнул шнур, взлетая своей петлей к костылю. Несколько секунд – и девушка оказалась на карнизе третьего этажа. Там она закрепила за статую более серьезный трос и скинула вниз его конец. Ее спутник взобрался почти так же ловко. Они быстро подоברались к нужному окну, парень устроился поустойчивей, девушка встала ему на плечи... Форточка сопротивлялась около минуты, после чего беззвучно (зря, что ли, петли смазывали?) открылась. Девушка скользнула внутрь, парень замер. Наступал серьезный момент – а точно ли кабинет пуст? Но вот открылась створка окна.

– Давай, тут все в норме.

Спустя минуту к ним присоединился охранник, а потом двое мужчин буквально втащили на шнуре специалиста по работе с чужими сейфами – все-таки у него промышленный альпинизм не являлся профильной дисциплиной. Закрыли окно и завесили его черной шторой...

Специалист осторожно подошел к сейфу. Включил светодиодный фонарик, внимательно осмотрел все на предмет тайных волосков или еще каких-нибудь меток – таковых не обнаружилось. После чего обратил свой взор собственно на сейф. Лицо его выразило презрение профессионала к потугам дилетантов, и он, крутнув связку отмычек, не глядя сунул выскочившую вперед в замочную скважину. Повернул, сейф щелкнул.

– Прошу – коротко поклонился медвежатник.

В это время прильнувший ухом к двери охранник коротко мигнул своим фонариком. Все замерли. Через полминуты в коридоре послышались шаркающие шаги ночного дежурного. Еще через минуту они стихли. Охранник мигнул два раза.

– Работаем, – шепнула Птица и начала доставать бумаги из сейфа.

– Не то... Не то.. сойдет... вот оно!

Жан достал маленький раздвижной фотоаппарат. Щелк – вспышка, щелк – вспышка... Птица подкладывала нужные листы.

Спустя семьдесят два кадра работа была закончена, бумаги положены на прежнее место, сейф закрыт. В порядке, обратном приходу, четверка покинула место работы – ну или преступления, это если с точки зрения английской полиции. Впрочем, ее мнение никто спрашивать не собирался.

К раздаче слонов за эту операцию я приступил с воодушевлением – ей-богу, тут было

за что раздать! Ко мне попали два последних доклада МИ-6 по России. Танечка, при всем ее самообладании, чуть не лопалась от гордости...

– Так, ну себе вы все сами напишите, чего вам хочется, только умоляю – не скромничайте. И будьте готовы, через пару недель предстоит посещение одного знакомого вам коттеджика. Теперь – кто у нас следующий в очереди, Хайкин? У него каких-нибудь особых пожеланий нет?

– Хочет какой-нибудь красивый чин, – фыркнула Татьяна, – и чтоб ни у кого больше такого не было!

– Да запросто. Так... минутку... вот, в самый раз, пусть будет старшим ксеносейфологом. Вы уж там у себя указик сделайте, я подпишу. Пусть данный чин соответствует интендантскому полковнику, с правом ношения мундира. Это же он хотел по родному Бердичеву в мундире пройтись? И орден какой-нибудь подходящий по цвету подберите, а то я в них плохо разбираюсь. А эта парочка, они что, жениться решили? Совет им да любовь, и где у нас тут список конфиската...

Птицу я знал давно, это была одна из первых Танечкиных сотрудниц. Маленькая тощая пигалица отличалась фантастической ловкостью – то есть могла, как крыса, пролезть везде, где проходит голова. Два года тренировок отточили ее природные данные до высокого профессионализма. К традиционной для «Дома» работе она ни малейшей склонности не испытывала, но это и не требовалось, хватало сотрудниц с куда более выдающимися внешними данными. Напарника она себе подобрала сама, и сама же его дрессировала... Насчет воронепроницаемости своего георгиевского кабинета я успокоился только тогда, когда после второй переделки Птица сказала, что теперь все в порядке. Надо будет ее и в Гатчину пригласить, а то мало ли.

– Птица – она же москвичка? – уточнил я.

– Да, а Жан – питерец.

– Ну, кто у них начальник, это и без штатного расписания видно. Так, что у нас тут есть интересного в списочке, насчет где свить гнездо... Ага, Тропарево. Земли уже расписаны калединским ветеранам, а сама усадьба пока бесхозная. Вот и пусть там обустраиваются, птенцов выводят в свободное от работы время... Вы что-то хотите сказать?

Танечка сказала. Я немножко офигел. Открыл рот, чтобы уточнить, и тут же его закрыл – ибо все-таки иногда и совесть надо иметь...

Татьяна рассмеялась.

– Хотите спросить, чей это будет ребенок? Ну разумеется, Сережин. Однако Вилли про это знать вовсе необязательно, вы не находите? Не будет же он его официально признавать!

Князевы представляли собой уникальную пару. Сергей был феноменально талантливым инженером-теоретиком. Я, например, могу себе мысленно представить работу любого движка в деталях – как работает клапанный механизм, что с ним, например, происходит при зависании, где там что сгорает, смазывается и трется... У Сергея была способность видеть уравнения. Вот так, он не искал решение, а сразу его видел! Причем сложнейших систем во взаимодействии. И картину работы того же движка он мог вообразить не только качественно, но и количественно. При этом отличаясь крайней застенчивостью и полнейшей непрактичностью...

Татьяна немало поработала над созданием нормальной обстановки вокруг главного инженера питерского завода судовых двигателей. Теперь там все знали – если Князев говорит «м-м-м...», то можно и нужно спорить, если «э-э-э...» – то надо задать уточняющие вопросы и идти исполнять, а если молчит и только страдальчески разводит руками – значит, исполнять надо не идти, а бежать со всех ног, пока поздно не стало... А дома Сергей рассказывал супруге, какие на заводе все милые и деликатные люди.

Сергей буквально боготворил свою супругу, все время пребывая в радостном недоумении – и как это получилось, что такая женщина выбрала именно его? К карьерному взлету Татьяны он отнесся как к само собой разумеющемуся – ну и где же быть такой умнице, как не в высших эшелонах власти. Иногда возникающие вокруг Татьяны сплетни

оставляли его совершенно равнодушным – действительно, завидуют же, вот и брешут от зависти... Причем распространяют сплетни сплошь идиоты, которым верить – это себя не уважать. Тут он был прав, хоть сколько-нибудь умные люди про Танечку предпочитали не сплетничать, ибо имелись очень убедительные прецеденты.

Самое интересное, что и Танечка явно любила своего благоверного...

– И когда, значит, вы меня бросите наедине с враждебными силами? – решил уточнить я.

– В ноябре. Но вы не расстраивайтесь, я же не насовсем. Заместители у меня толковые, месяц точно продержатся, тем более что я все равно буду в пределах телефонной досягаемости. А вы-то сами не собираетесь?

– Что именно?

– Птенцов выводить. Все вокруг уже успели, только вы что-то тянете...

– Да рано мне еще, нет должной солидности. Хотя... стоп. Танечка, это же не вы сами додумались мне такие вопросы задавать. Мари подговорила?

– В общем, да, – не стала отпираться собеседница.

– Вот ведь до чего внуки людей доводят... Ладно, скажете, что я вас благосклонно выслушал. Странно это, однако...

– Ничего странного, – покачала головой Татьяна, – Мари говорит, что с этой войны вы вернулись каким-то другим, она вас даже слегка побаивается. Мне, правда, кажется, что это не так, вы и раньше таким были, как сейчас. Просто притворяться стали меньше, вот и все. Так что, мне доложить об успехе своей миссии, все равно на днях в Крым придется слетать?

– Хорошо, докладывайте. Мол, два часа подряд исходили красноречием, расписывая мне прелести... ну не знаю, сами придумайте, чего. И достучались, мол, до моей заглубившей в трудах и интригах души. Ну, а я туда слетаю где-то в середине июля. Конкретную дату пусть сама назначит, исходя из состояния организма.

– Ох, и тяжела же ваша канцлерская доля, – вздохнула Татьяна, – с единственной любовницей и то приходится общаться через начальника секретной службы! Я бы так не смогла.

После ухода Татьяны я некоторое время пребывал в каком-то расслабленно-умиленном состоянии. Хотелось сделать кому-нибудь приятное, даже осчастливить, если получится... А кого бы? Австрийцы и так рады донельзя, что ни мы, ни черногорцы не имеем к ним претензий, и на всякий случай аврально роют окопы на обеих границах. Турок мы тоже осчастливили по самое дальше некуда, если без перерыва продолжить, так султана может и кондратий посетить, а в стране начнется совершенно ненужный нам бардак. Что же, так прямо и совершенно некого? Стареем, Георгий Андреевич, стареем, попенял я себе. Героическая борьба ирландского народа за независимость заслуживает куда большей поддержки! То, что Третий Интернационал принял соответствующую резолюцию – это хорошо, но мало. Подумать только, вождь и народный трибун Джеймс Конноли сейчас вынужден колбаситься в Штатах, деньги на борьбу зарабатывать... Нефиг, сразу дадим, там и без него есть кому поддержать процесс доения. А Роджер Кейсмент, будущий национальный герой? Сидит в Перу английским консулом! И это в то время, когда его родина страдает под пятой... Тоже дать, и предложить помощь по возвращению на родину – если нелегально, то в Перу можно будет на всякий случай и двойника оставить. Местному народу наверняка будет по барабану, а не в меру наблюдательным сотрудникам не трудно и организовать эпидемию чего-нибудь тропического, горячку там какую-нибудь. Правда, наши спецы – они в основном по белой... Хотя англичанам, пожалуй, и так сойдет.

Глава 29

Встреча с Гошей, на которой я хотел познакомить его со сделанными про нас английской разведкой выводами, началась с императорской отсебятины.

– Можно тебе личный вопрос задать? – поинтересовалось величество.

– И ты туда же? – удивился я. – Ай да Мари, ничего на случайности не оставляет... Да ладно, согласен я, согласен. Это твой вопрос?

– В общем да, – с облегчением подтвердил Гоша, – только... это самое... ты крещеный?

– Да, я из деревни родом, там это было в порядке вещей.

– А в церкви венчаться приходилось?

– Чего нет, того нет. Постой, так вы меня что, еще и женить задумали?

– Было бы неплохо. А то освободится какой-нибудь трон, кого туда сажать будем?

– Меня, что ли? Величество, не вынуждай ругаться матом.

– Причем тут ты? Маман. А если она при этом будет матерью-одиночкой, возникнут лишние трудности.

– А в случае явно морганатического брака они, значит, не возникнут?

– Как раз на эту тему я уже озадачил пару специалистов. Суть в том, что механизм признания в мировом династическом праве не прописан. Например, чтобы брак стал морганатическим, его таковым кто-то должен объявить. Кто? Понятно, что глава династии. Во всяком случае, ему принадлежит решающее слово. А еще один спец роет летописи на предмет понять, светлейший князь, награжденный орденом Андрея Первозванного, он автоматически становится членом императорской фамилии или для этого нужен специальный высочайший указ?

– Ой, блин... Представляешь, какой вой все эти бестронные принцы с князьями поднимут?

– Цитирую инженера Найденова – «и хер с ними, пусть поднимают».

– Однако тут все равно нужна будет подготовительная работа... – задумался я. – Давай прикинем – вот в мире образовалась еще одна царственная пара. Причем, учитывая, что они за люди, все подумают – это «ж-ж-ж» неспроста! И всякий мелкий, а то и средний троновладелец начнет чесать репу – наверняка ведь на мое посадочное место зарятся, хапуги! Так что надо поаккуратнее, чтобы кому не надо не испугались.

– А кто говорил, что это будет просто? Я вот уже начал работу, ты тоже давай, не отлынивай.

– Уже начал, не видишь? Значит, так. Чтоб не произошло преждевременного беспокойства, просто не надо из свадьбы шоу устраивать. У тебя же тут в Зимнем небольшой храм есть? Вот там и учинить венчание. Лишних – никого, но заснять все и задокументировать. Потом у тебя в кабинете быстренько выпьем по стакану кислятины, тебе, из уважения к должности, так уж и быть, разрешу разок «горько» крикнуть. И по домам! Причем расходиться не толпой, а как и положено, по одному.

В этот момент зазвонил телефон. Гоша снял трубку, послушал, поблагодарил и велел принести ему это в письменном виде.

– Вот так, – обернулся он ко мне, – согласно Учреждению Императорской Фамилии в редакции восемьдесят шестого года ты прямо относишься к лицам, ей принадлежащих в результате брака. Брак же поименованных лиц, состоявшийся с соизволения императора, признается равнородным. Правда, рожденные в нем дети не будут иметь прав на российский престол.

– Переживут, – буркнул я.

– Но зато будут иметь на датский, например, а также на любой свободный.

– На свободный их и так кто хошь имеет, лишь бы за спиной побольше автоматчиков маячило, а уж если еще чуть позади флот дулами шевелит, то и тем более. Но в общем, мысль понятна.

– Жалко все-таки, что ты праздник хочешь зажилить. Хотя, конечно, обстановка – она действительно...

– Почему зажилить? Очень даже отпразднуем, только в какую-нибудь круглую годовщину – ну там два года, два с половиной или три года и шестьдесят два дня. И хватит про свадьбу, она все равно не завтра. В оригинале английские бумаги будешь читать, в виде изложения или мои выводы послушаешь?

– Изложение оставь, а выводы давай прямо сейчас.

– Значит, главный вывод будет про Пакса. Он умный, зараза... Но все-таки дурак. То есть не может до него никак дойти, что часть своей техники мы делаем исключительно для показа ему. Про наши летающие подлодки он две страницы распинался... Мол, эти суда были сделаны для определенных условий, то есть когда у нас авиаторпед не было. То, что выпуск этих уродцев прекратился – а он, между нами, даже и не начинался – Пакс считает признаком того, что теперь у нас эти торпеды есть... Оптимист, блин.

– А что, нет?

– Да так себе... Гироскопы удара не выдерживают, так что есть только старые, которые сами по себе плывут примерно туда, куда нос смотрит.

– Ладно, это частности, – мотнул головой Гоша, – война-то будет в ближайшее время или нет?

– Этого у них никто не знает. Но Пакс очень не советует... Я же говорю, умный. Он даже график нарисовал зависимости технического превосходства наших новых вооружений над соответствующими ихними от времени... По нему выходит, что к одиннадцатому году наше превосходство кончится. Не умеет он ситуацию в развитии рассматривать... Однако самый главный его вывод – что это произойдет при вложениях только в программу разработки новых образцов оружия не менее пятидесяти миллионов фунтов в год. Если меньше – мы их завоюем, бедолаг.

На Гошином лице появилось мечтательное выражение. Он явно прикидывал, с какой бы стороны и как присосаться к этому финансовому потоку...

– Да, про наш проект «Харакири», это который «Ямато», он пишет, что это прикидочная попытка проектирования без оглядки на стоимость. Типа мы все замечательно нарисовали, но потом посчитали затраты и утерлись – не с нашим бюджетом строить такое. Потом якобы нарисовали вариант подешевле, но снова денег не хватило, так что мы его немцам передали... В общем, Пакс предлагает рассмотреть возможность запуска в серию, как он выразился, «сверххредноутов». В области авиации он считает, что надо не пожалеть денег на две вещи: вернуть де Хэвилленда, что хрен ему поперек всей морды, и разобраться, что за реактивный двигатель последнее время воет в Георгиевске. Вот тут я согласен пойти ему навстречу – главное, чтобы ему деньги все-таки дали, которые он будет не жалеть. Ну, и последний штрих – в Генштабе явно сидит крот. Как будто я без Пакса не знал, что Янушкевич – и сам гад ползучий, и племянник у него шпион. Это, так сказать, про нас. А про Вилли он предлагает срочно принять крайние меры... Хорошо хоть, что в немецком отделе не такой экстремист начальником. Но вообще-то тут явно надо что-то делать – а то ведь действительно грохнут, с них станется.

– Просто познакомить его с материалами – думаешь, не поможет?

– В таком виде, без конкретики – нет. Но я попробую тут поглубже копнуть, авось получится... И на всякий случай прилично усилию берлинскую группу.

– А эта их программа перевооружения, ее текст у нас есть?

– Откуда, если его даже у них нет? Единственное, что Пакс добился, и уже полгода как – создано так называемое третье бюро при адмиралтействе. Ищет технических гениев на предмет им предложить работу – ну то есть прямо как я, по их мнению.

– Не знаешь, много уже нашли?

– Пока не знаю, но это временно. Потому что недавно они такого откопали... Современный Леонардо! Широчайший универсал, каких теперь уже нет. Еще до знакомства с ними изобрел схему Роера, железно-никелевый аккумулятор, дельтаплан и кубик Рубика. Работал у Эдисона, а сейчас его Пакс в Англию переманил на бешеный оклад и обещание построить лабораторию наподобие Эдисоновской, но лучше. Да ты же его жену должен помнить, сам ей «Георгия» вручал после японской войны. Еще заглядывался при этом куда не надо, Маша тебе потом по шее дала.

– И чем он там собирается заняться?

– Как и положено гению, фонтанировать идеями будет. В первую очередь, конечно, про

безоткатные пушки, особенно в морском варианте, калибром до полуметра, и авиационные, самую малость поменьше. Потом – управляемые по проводам танки-камикадзе... Да мало ли, только наследие Курчевского и Бекаури можно лет десять разрабатывать при полном напряжении бюджета. Да, чуть не забыл – они таки Сазонова вербанули! Давно пора, он там года полтора от нетерпения приплясывал – ну когда же наконец, когда...

– То-то он прошение прислал о переводе в Россию, – хмыкнул Гоша.

– Правильно, на что им свой агент в Лондоне? Только это самое, не надо ему тут тепличные условия создавать и сразу предлагать должность. Нет, можно, конечно, если у нас есть что-нибудь подходящее в районе полярного круга. Пусть нажмет на свои связи, а мы посмотрим, вдруг упустили кого по невнимательности?

Гоша сделал себе пару пометок и осведомился:

– По моим сведениям, положение кабинета министров там сейчас не очень прочное. Бальфур и так прошел с минимальным перевесом, а тут еще черногорская война, так что либералы во главе с Кэмбеллом подняли вполне оправданный визг. Может, помочь им сковырнуть ястреба?

– Слушай, это серьезно. Если тебе такие сведения по дурости поставляют, и то нехорошо, но я предпочитаю людей считать идиотами только тогда, когда они это железно докажут. Типа алиби предъявят, что мозгов нет и никогда не было. Можно, я этим твоим источником займусь? Потому как на самом деле все обстоит строго наоборот. Бальфур не врал в своей речи, что исход черногорской войны сплотил нацию перед лицом сильного и безжалостного врага – не поддался ведь соблазну выдать итоги войны за победу! Так что либералам там сейчас не светит. Вот либерасты, то есть тьфу, лейбористы – это да, им надо помочь, насчет устроить бардак они в теме.

Когда я засобирился к себе, ибо хотелось еще проверить двойника перед завтрашним торжественным богослужением по случаю, кажется, Ильина дня, Гоша спросил:

– Хочешь, похвастаюсь? Тогда пошли в большой кабинет.

На столе посреди этого кабинета стояло нечто размером с телевизор «Рекорд». Вообще-то оно чем-то напоминало часы, но стрелок там... Семь бросались в глаза сразу, потом я высмотрел еще две маленьких и два поворотных лимба. Прислушался – оно негромко тикало.

– Не еба...т? – на всякий случай поинтересовался я.

– Нет, твои спецы уже посмотрели, все чисто. Это часы.

– Как-то я себе несколько иначе часы представлял... Чего они хоть показывают-то?

– Все показывают, – гордо, будто сам их сделал, объяснил Гоша. – Время, включая секунды, день недели, месяца, год, время восхода, захода, долготу дня и еще что-то. Фазы луны, кажется, тоже... Завода хватает на четыреста дней.

– Что, проверял?

– Нет, но со вчерашнего утра они без подзавода ходят. Это мне подарил один приезжий поляк. Говорит, сам сделал. Двадцать лет трудился, однако.

– Что?! Ну-ка, а дай-ка мне набор отверток! Да не бойся, не сломаю. Этот Кулибин, надеюсь, еще в Питере?

Часы изнутри представляли собой блестящую иллюстрацию того, что может сделать человек с головой и руками. Я даже пару раз позавидовал особо остроумным узлам... На фоне этого некоторые гомосексовские изделия, в том числе и торпедные курсовые автоматы, смотрелись откровенно бледно.

– А ты чего стоишь? – оторвался я от изучения механизма. – Обязательно надо сказать, чтобы сюда немедленно автора доставили? Сам догадаться не можешь, а еще величество.

– Сей секунд, ваша светлость, не извольте гневаться. Алло? Карася ко мне в большой кабинет.

– Почему карася?

– Потому что это у него фамилия такая. Франц Карась, коллежский регистратор из Радомской уездной управы. Вот так, а ты говоришь – англичане таланты ищут.

Через час я вез в Гатчину механика-самоучку и мелкого польского чиновника Карася. Он мне сразу понравился тем, что, увидев перед собой живого канцлера, не впал в прострацию, а начал спокойно и с достоинством отвечать на мои вопросы. К предложению послать нафиг родную управу и поработать в Георгиевске он отнесся с энтузиазмом, так что прямо из Зимнего мы отправили телеграмму его жене, чтобы не удивлялась, когда к ней завтра придут молодые люди на предмет помочь упаковать вещи к переезду. Потом мы заскочили в Колпино за саквояжем Карася, а теперь ехали к месту ночевки – Франц согласился, что в Гатчине, скорее всего, будет получше, чем в третьесортной гостинице. И уж во всяком случае намного бесплатней.

Назавтра первая половина дня у меня была свободной – двойник демонстрировал публике, что канцлеру, в числе его прочих достоинств, не чуждо и должное рвение в православии. Я в такие дни обычно устраивал прогулки – посмотреть изнутри, как живет город. Без помпы, с минимумом охраны... В этот раз я взял с собой Карася – он никогда до этого не был в Питере и рвался посмотреть, а то до сих пор было не до того. Так что в одиннадцать утра из Гатчины выехала обычная, без наворотов «Ока», которых ездило по Питеру уже около сотни. За рулем сидел средних лет мужчина с интеллигентным (по крайней мере, если смотреть с пяти метров и далее) лицом, в похожих на пенсне очках, сам чем-то похожий на Чехова. Ну, может, и не совсем на Чехова, но уж во всяком случае он ничем не напоминал укоренившийся в сознании питерцев образ канцлера. Его спутник был похож на Франца Карася, коим он и являлся. Господ сопровождали две девушки, похожие на эскортниц. Собственно, они ими и были, но не в переносном, а в самом прямом смысле этого слова, то есть представляли собой неплохо вооруженную и отлично подготовленную охрану.

Наш путь лежал в Александровский, он же Сашкин, сад, где сегодня должны были произойти как минимум три события. Первое – там открывалась первая линия первого в Питере трамвая. Второе – скопищем народа собиралась воспользоваться партия правых эсеров для произнесения каких-то агитационных речей. Ну, а Танечкина служба с моего разрешения собиралась воспользоваться ораторами для натурного испытания новых, нелетальных и даже в какой-то мере полезных для организма коллоидных игл к пневматикам.

Правая разновидность эсеров, которой не было в нашем мире, тут появилась как реакция на мой отстрел левых. Самые отмороженные продолжали вести себя как раньше, и их трупы периодически обнаруживались во всяких не предназначенных для этого местах. А более осторожные откололись, объявили себя правыми и не забывали регулярно напоминать, что террор они не одобряют.

Мы оставили машину за полквартала и прошли ко входу пешком. Там как раз какой-то напыщенный чиновник резал ленту к трамваю – с таким гордым видом, будто он сам его построил и на горбу сюда притащил. Вокруг кучковалась хорошо одетая публика. Народ же попроще держался ближе к скамейкам и пивному ларьку, и именно туда нас повели девушки. По дороге нам встретились три курсистки, одна из них – с зонтиком. Я подмигнул, зонтиконосительница улыбнулась. Тут на скамейку влез какой-то нечесаный субъект и завопил:

– Товарищи!

Мне показалось, что я расслышал негромкий хлопок пневматика. Субъект продолжал надрываться. Я смотрел на часы – три минуты, пять, шесть с половиной... Субъект вдруг поперхнулся очередным «самодержавием» и заглох. Около полуминуты он на глазах у изумленной публики делал какие-то странные движения руками и тазом, потом вроде решил прыгнуть со скамьи, но не успел. Сначала раздался мощный звук, а затем пошел запах... Под хохот зевак мы пошли к машине.

– Мирная у вас тут политическая жизнь, – поделился наблюдениями Карась, – не как у нас в Радоме или, не приведи господь, в Варшаве.

– Ничего, скоро и у вас так будет, – пообещал я.

Несколько забегая вперед, можно сказать, что астрономические часы вместе со своим

конструктором оказались крайне выгодным подарком. Ведь именно планетарные втулки Карся вывели велосипеды «Арн» в мировые лидеры! Только после его доработок у дискофонов практически перестал плавать звук. Ну, а мне в общем-то хватило и того, что наши сброшенные с самолета торпеды наконец-то начали нормально переносить удар об воду.

Глава 30

Утром десятого октября шестого года я посмотрел за окно – как и ожидалось, снова дождь. Под влиянием творящейся на улице мерзости идея съездить в село Кесова Гора Тверской губернии умерла окончательно. А одно время хотелось, потому что там как раз в это время родился мой дед... Но точная дата неизвестна, дед говорил, что ее записали уже после революции и от балды, так что, приезжать и спрашивать, где тут родился Александр Блинов? Посылать агентов неудобно, им и поближе работы по уши, самому приехать – это село на уши встанет, а вдруг дед ошибся и его родили в октябре, например? Так и до выкидыша недалеко... Ладно, весной слетаю, решил я и приступил к разбору корреспонденции.

На это письмо я обратил внимание сразу. Во-первых, оно пришло из Германии, но было написано по-русски. Во вторых, фамилия отправителя выделялась на фоне остальных, как броненосец среди эсминцев – его звали Х. Хуельсмайер. Пометка из секретариата поясняла – «радио». Ну-ка, что это у нас тут за радио такое интересное...

Письмо действительно оказалось любопытным. В нем несколько многословно, но вполне корректно описывался принцип работы радара, и спрашивалось, не будет ли выходящей за рамки наглостью обратиться к господину Найденову за поддержкой в реализации этой идеи. Я напряг память – историю радиолокации нам читали на втором курсе, но не было там такого имени! Сначала Попов делал какие-то опыты с двумя кораблями, потом немец с точно не такой фамилией занимался чем-то похожим... А как его звали, ведь помню же, сам про него упоминал, когда сдавал предмет. Какая-то двойная фамилия... вроде Хюльс-Маер. Точно, он, это наши просто извратили благозвучное слово!

Я задумался. Понято, что радары в Георгиевске занимались – тема была открыта полтора года назад, и уже появились первые результаты. Если немца не поддержать, практических результатов он не получит, это я помню точно. Если же пригласить сюда, то наш друг с третьего этажа торчащего посреди Лондона и недавно удостоенного посещения Птицы дома наверняка забеспокоится... С другой стороны, толковых инженеров нам остро не хватает. Значит, надо пригласить, но только нежно, незаметно для постороннего глаза... То есть отправить агента с предложением поработать у нас, но инкогнито. Значит, сначала выяснить вкусы этого Майера, чтобы приехавшая уговаривать агентесса соответствовала его представлениям о прекрасном. Условия – результаты работ будут нашими, но мы их обязуемся предоставить и германской стороне. Насчет того, за какие деньги, лучше вовсе не уточнять, однако... В общем, вот оно, последнее Танечкино задание перед декретом, подумал я, беря трубку телефона.

Позвонив, я вернулся к корреспонденции. Оставшиеся письма были рассортированы в две кучки – «разное» и «доносы на Деникина». По моей просьбе секретариат ставил этим доносам оценки по пятибалльной системе – исключительно за художественные достоинства, содержание если и будут оценивать, то совсем другие люди.

Тройка реформаторов при поддержке некоторого числа офицеров, в основном из фронтовиков, решительно взялась за реформирование армии. При этом Каледин пребывал в тени, на публике работали Мишель с Антоном Ивановичем. Естественно, что доносы писались именно на последнего... Особенную бурю вызвал проведенный им императорский указ о постоянной учебе высшего и среднего офицерства – «установить соответствующие занятия командного состава, начиная с командиров частей (полков) до командиров корпусов включительно, направленные к развитию военных познаний». Командный состав взвыл,

императору косяком пошли письма, которые он с ходу переадресовывал ко мне.

Я выбрал одно из удостоившихся «пятерки» и прочитал. Какой-то полковник из-под Смоленска с детской обидой вопрошал, почему он, ветеран турецкой войны, должен на старости лет ломать голову над какой-то непонятной премудростью, в то время как его офицерам это в обязанность не вменено и они по-прежнему лоботрясничают за картами и по женскому полу?

Письма с единицами и двойками я даже смотреть не стал, и так ясно, что там косноязычные обвинения в педерастии. А вот насчет полковника... Не провести ли небольшой экспериментик? Я быстро написал ответ:

– Дорогой Сергей Тимофеевич! Я вас прекрасно понимаю. Сам тоже в возрасте, вот почитал ваше письмо и представил себе, как у меня какая-то (зачеркнуто) будет экзамены принимать... Тут вы правы, может получится сплошное поношение седидам. Но выход есть. Зачем же вам самому надрываться? Вы уже хорошо послужили России, так дайте возможность сделать это и вашим офицерам. Пусть они за вас зачеты сдают, официально разрешаю! Но только оценка будет ставиться на балл ниже. То есть сдадут они что-нибудь на «хорошо», а вам в зачетную книжку трояк влепят. Зато если ухитрятся получить пять с плюсом – пять ваши! Так что вы уж их не жалеите, ибо тяжело в учении – легко сами знаете где. С уважением, Найденов.

На этом работу с письмами я закончил и приступил к просмотру текущих материалов по Второму Собору. В общем, опыт первого оказался положительно – теперь, читая материалы, можно было ржать не непрерывно, как с первым, а только в избранных местах.

В этом Соборе приняли участие и большевики. Причем не только в рассуждении использовать его как трибуну для агитации (хотя из трех их делегатов два были именно болтунами), а и с целью, если получится, принять участие в работе создаваемых этим собором легальных органов народовластия. Ильич даже написал специальную работу, в которой указывал на обострение противоречий между основными империалистическими державами и делал вывод, что большевики этим не имеют права не воспользоваться. Во исполнение чего в Питер был командирован товарищ Коба, где он под фамилией Сталин устроился вагоновожатым в организующееся трамвайное депо – большое, но только что возникшее предприятие, где коллектив еще только складывается. Теперь в числе коллекционных документов у меня была не только кляуза Толстого, но и фотография товарища Сталина за штурвалом трамвая и с трубкой. Понятно, что в Собор он проскочил без особых трудностей. Там Иосиф Виссарионович выступал в основном по национальному вопросу...

Я взял стенограмму его последнего выступления и начал читать:

«Водитель трамвая везет народ, не интересуясь, кто его пассажиры по национальности. Он везет русского, татарина, немца... Даже еврея – и то везет! И если он начнет оглядываться назад, выяснять, кто его пассажиры, где они сидят и прочее – трамвай может даже сойти с рельсов. Наша страна – гораздо более сложный механизм, чем трамвай. И если мы будем продолжать как-то делить ее граждан на людей разного сорта – сход с рельсов неминуем...»

Собор имел задачей избрать Конституционное Собрание и выработать указы по его работе. Делегаты еще не знали, что принято решение в порядке эксперимента предложить Собору избрать двух министров – одного на давно существующий пост министра земледелия, другого – на вновь организуемый министра по делам национальностей. Правда, так уж получилось, что товарищ Сталин это знал.

Надо будет ему вторую жену подобрать получше, подумал я, а то сам он нашел какую-то... не очень уравновешенную, так скажем. Взяла и застрелилась... Наши девочки станут тебе стреляться, держи карман шире. Сами кого угодно пристрелят и скажут, что так и было! Или, может, лучше сделать так, чтобы первая не помирала, она же вроде еще жива? Уточнить ситуацию, сделал я пометку в своем блокноте.

Под занавес работы Собора Гоша собирался озвучить несколько указов, в том числе о

снятии всех ограничений со старообрядцев и отмене черты оседлости. И если с первым все было просто, то второе предполагалось сделать поэтапно, под контролем того самого национального министерства и еще одной небольшой конторы – Комитета по правам граждан. Потому как, пока эти граждане ими не научились пользоваться, не нанося ущерба России, их придется тонко и незаметно направлять, чем и должен был заняться это комитет.

Дальше выступила делегатка от Рабочее-Крестьянской партии Елизавета Хрунова, среди питерской богемы более известная как мадам Луиза. Она много и горячо говорила о правах женщин, периодически вставляя в свою речь приветы Гучкову от персонала «Путаниума». Потому что следующим выступающим должен был стать этот тип, и надо было создать в зале соответствующую атмосферу... И таки создала, призывы Гучкова к резолюции о немедленном созыве парламента не встретили должного отклика. В общем, работа шла нормально, без эксцессов – ну не считать же таковым набитие морды Зиновьеву! Тем более, что оно произошло не в зале заседаний, а, так сказать, в кулуарах. Шел себе делегат от Почаевской епархии Труфанов, переживал потихоньку на национальные темы, а тут – Зиновьев! Ну, иеромонах и не стерпел. Но подросли прогрессивные силы и быстро скрутили раба божия... Медицинское заключение о его повреждении рассудком на почве *delirium tremens* было готово заранее, а недавно организованная специальная психбольница как раз сильно нуждалась в пациентах. Потому как являлся этот Илиодор личностью скандальной и совершенно неуправляемой, но уже начинавшей приобретать популярность. Вот и пусть себе как начал, так и закончит, ибо нех – подумал я, ставя утверждающую закорючку на соответствующий документ. Делегат – лицо неприкосновенное, это Гоша своей рукой подписал! Нельзя делегата по морде, даже по такой, как у Зиновьева – по крайней мере, без предварительного согласования.

Стоп, сообразил я, но неужели Герш Аронович, то есть тьфу, Григорий Евсеевич все это молча снес? Позвонив в секретариат, я узнал, что бумага от упомянутого лица вот только что появилась, и через пару минут мне ее принесли. Там была пространная кляуза на Илиодора, завершавшаяся списком его сторонников в Соборе, гневная статья о терроре черносотенцев против социал-демократов (которых этим все равно не запугать), и наглая просьба о компенсации за полученные на службе увечья.

Собор же, закончив с наказами, перешел к персональному составу Конституционного Собрания – комиссии из сорока человек, которая должна будет ту самую конституцию и выработать. В том, что она это сделает, у меня особых сомнений не было – а чего бы и не выработать, если текст у меня уже давно написан и двойной (на всякий случай) комплект специалистов по продавливанию внесен в кандидатские списки? А счетная комиссия после неоднократных тренировок уже не вызывает сомнений в своем профессионализме.

Вечером мой путь лежал в Зимний – пообщаться с Гошей на некоторые темы все того же поднадзорного Собора, ну и навестить Мари. Чуть не забыл, ругнулся на себя я и полез в стол за обручальным кольцом. Мари с пониманием относилась к тому, что на людях я его не ношу, ибо наш брак был насквозь тайным, но просила надевать, когда приезжаю к ней. Ну, это понятно, у беременных вечно какие-нибудь капризы...

Утром я выглянул в окно, потом позвонил насчет прогноза погоды, чертыхнулся и велел готовить к выезду свой поезд. Не такой, в котором я ездил в Порт-Артур и жил там, а маленький, состоящий из тепловоза и трех вагонов, но зато все они были бронированные. Надо было съездить в Ригу, а погода совершенно не располагала к воздушным путешествиям – чай, не на фронте, чтобы летать по такой мерзости. Мари волновалась. Как-то так получилось, что, когда я летал на самолетах, она была абсолютно спокойна, а тут уже второй раз просила в случае чего побереечь себя... Через полтора часа я уже смотрел на мутные струи дождя за стеклом вагонного окна и еще раз прикидывал, что буду делать в Риге. Собственно, это была моя третья командировка в Ригу, причем на то же самое предприятие...

Первая была в конце семидесятых, когда я ездил туда ставить на электрички первые системы пожарной сигнализации. Вторая пришлась на конец девяностых, когда наше малое

предприятие отправило меня на агонизирующие остатки завода прикупить кое-что из распродаваемого оборудования. И сейчас я ехал на тот же самый Русско-Балтийский вагонный завод. Ехал и с некоторым даже трудом удерживался от мыслей типа «вот теперь хрен вам, а не мой завод угробить!» Потому что в это предприятие предполагались немалые вливания – как государственные, так и мои личные.

РБВЗ хорошо поднялся на поставках вагонов для Транссиба. Японская война тоже способствовала заказам, но потом как-то быстро и численность вагонов дошла до штатной, да и война кончилась. А у завода начались трудности. Теперь ему предстояло освоить выпуск автомобилей, самолетов, а чуть позже и моторов, но с некоторыми изменениями в составе правления. Председатель должен был остаться прежний, то есть Шидловский, но теперь в это правление должны были войти еще я, два моих комиссара и один Гошин, они ехали в соседнем купе. И уже вовсю начали скрашивать серые будни дороги употреблением! А я-то считал, что традиция с первым же поворотом вагонных колес откупоривать водку и не закупоривать ее до последнего идет только с советских времен. Правда, тут перед началом действия они, естественно, получили разрешение от меня.

Я собирался развернуть в Риге производство легковых автомобилей двух верхних классов, то есть побольше «Оки» и много больше, а также шикарней ее. И самолеты на экспорт пусть делают тут же – сначала последнюю модификацию «Пересвета», спрос на эти каракатицы еще есть, ну а потом и более серьезные машины.

Теперешний практический владелец завода, Михаил Владимирович Шидловский, сам предложил мне принять участие в делах предприятия и уже успел провести довольно квалифицированный опрос среди покупателей своих будущих автомобилей. В общем, в производство он предполагал запустить что-то вроде ГАЗ-А. Я же хотел предложить ему сразу убить всех конкурентов в этом секторе, представив народу «Эмку» и, как авто высшего класса, ее длиннобазный вариант с шестицилиндровым мотором. Ибо «Даймлер» и «Роллс-Ройс» уже выдали свои представительские модели, но по таким ценам, что, по-моему, потребителю проще было сразу купить пароход.

Осторожный стук в дверь отвлек меня от возвышенных мыслей. Да, войдите, разрешил я, и в мое купе просочился почти трезвый Гошин комиссар.

– Ваша светлость, – сказал он.

Жалко, подумал я, что меня зовут уже не «высокопревосходительство» – по этому слову отлично определялась степень опьянения собеседника. Но этот вроде ничего, не качается и не икает...

– У меня есть коммерческий проект, – продолжил визитер. – Разрешите поделиться?

Я разрешил и услышал мысль о сети предприятий самообслуживания. Магазины, прачечные, еще что-то бытовое...

– Практически все, что есть сейчас в сфере обслуживания, можно организовать по этому принципу! – убеждал меня императорский комиссар.

– Да? – усомнился я. – Ладно, попробуем... Организуйте-ка мне по вашим идеям публичный дом. Получится – профинансирую все остальное.

Глава 31

«Решил я – и значит, кому-то быть битым. Но надо ж узнать, кто такие семиты! А вдруг это очень приличные люди, а вдруг из-за них мне чего-нибудь будет...» – подумал я, дочитав творение информбюро до тех самых семитов. Дело в том, что Вилли наконец-то заложил «Бисмарка», причем под моим названием, то есть «Арий». Но захотел поточнее узнать, кто такие эти арии и чем знамениты... Так что мне пришлось срочно напрячь информбюро, чтобы они родили расовую теорию, пока еще кто-нибудь не подсуелится и не подсунул кайзеру что-нибудь свое. И вот теперь я читал плод, так сказать, ума холодных рассуждений. По нему выходило, что цивилизация зародилась между Индией и Уралом. Достигла там охренительных высот, но тут какой-то очередной правитель начал бороться с коррупцией,

ибо достала. И перестарался... Началось с того, что недоповешенные коррупционеры сбежали в Египет, где как раз пришлось ко двору первых фараонов. Правда, со временем фараоны тоже въехали в ситуацию и этих самых коррупционеров, по древнеарийски семитов, шуганули и из Египта. Но это было сильно потом, а пока в арийской империи начался разброд. Часть пошла на запад. По дороге половина осталась отвоевывать себе земли у диких половцев, сейчас их потомки известны как русские. Половина же дошла до Рейна и, разогнав непонятно зачем тут имеющихся диких романцев, начала образовывать германское государство.

Другая часть пошла на восток. Им пришлось идти дальше, преодолевая по пути массу трудностей (карта прилагается). Но наконец они дошли до моря, переплыли его и обосновались на островах. Из-за тяжелых условий существования и продовольственных трудностей они малость измельчали и окосели, но все равно это потомки самых настоящих арийцев!

На месте остались самые ленивые и нерасторопные. Делать они ничего не желали, только размножались с утра до вечера, и через некоторое время деградировали и одичали. В общем, вот так она образовалась, Индия.

На границах же расселения ариев образовались вторичные народы. Так, англичане – это помесь ариев с дикими кельтами, южные славяне – русских с романцами, турки – индийцев с семитами, китайцы – островных ариев с индийцами. Говорят, что где-то в Гималаях есть и помесь индийцев с обезьянами, но это еще нуждается в проверке...

Вообще-то я еще в том мире перестал удивляться странному свойству человеческой натуры – какой бред ни напиши, все равно найдутся его горячие сторонники! А для первого варианта только прочитанной теории я и не заказывал ни особой логичности, ни выдающегося правдоподобия. Но на всякий случай надо будет сказать авторам, чтобы подготовили список подтверждающих свои теории археологических находок, дабы потом специалисты не мучались изобретательством, а просто ваяли по описанию.

Никакой особой отсебятины я тут не придумал – достаточно вспомнить хотя бы синантропа, от которого якобы произошли перволюди, то есть китайцы. Его костей (найденных в единственном экземпляре!) вообще никто не видел, что не мешает студентам-археологам его уже пятьдесят лет как изучать. Правда, недавно в Грузии нашли что-то еще древнее, но, скорее всего по недостатку финансирования, у них оно получилось как-то неубедительно. Ну, а я жадничать не собирался... Назначение этого опуса было в основном в том, чтобы заранее сделать мыслящим людям прививку от уже лезущих помаленьку теорий расового превосходства. Стоп, подумал я, а если человек мыслить не умеет, ну просто незнаком с этим процессом или ему противно? Нужны комментарии, где разжуют. То есть простыми словами объяснят, что происхождение еще ничего не решает. Вот уж на что арии были круты – и что получилось из тех, кто ударился во все тяжкие? Величие немцев, русских и японцев не в том, что они древнее всех остальных по происхождению, а том, что в тяжелейших условиях смогли сохранить и приумножить славные традиции предков. Если еще у кого-нибудь получится – мы не против. Даже поможем, ежели что... В общем, написал я резолюцию, нужен еще изложенный простым языком дайджест этого труда. Слов – совсем немного, а вот картинок побольше! Ну и изобразить некое неудовольствие властных структур этой теорией – пусть желающие фрондировать, коих вполне достаточно, получают еще одну точку приложения сил.

Вилли отстоял-таки проект от всяких желающих упростить, и теперь «Арий-Бисмарк» строился почти один в один с прототипом. Мы должны были поставить для него зенитную артиллерию, палубную авиацию и радиоэлектронику. А также сварочные аппараты и специалистов для обучения пользования ими. В ответ немцы помогали нам строить станкостроительный завод в Таганроге. И «Ария», и завод предполагалось сделать за три года.

По возвращению из Риги я был припахан Гошей к подготовке большой командно-штабной игры, проводящейся в рамках учебы нашего высшего офицерства. Так что, разгребя

текучку, к которой относилась и расовая теория, я сел размышлять. На фигу я там вообще нужен? Ясно, что для веса. На самом деле игру проводит Деникин, но он всего-навсего генерал-майор... Стоп, но вот же вчерашнее письмо от кайзера, в котором он благодарит меня за очередные материалы по турбинам «Бисмарка-Ария» и предлагает не стесняться, если вдруг мне тоже что-нибудь понадобится! Хорошо, не буду. Мне нужен генерал повесомей – не навсегда, а только на эти учения. Желательно со свитой, так и напишем... То есть хотелось бы, конечно, Шлиффена, но я понимаю, что у него и своих дел хватает. Но вдруг старику у нас будет интересно? В общем, ваше величество, выручи меня парой генералов на две недели, закончил письмо я, и приложил к нему экземпляр арийской истории на немецком. Завтра к обеду все это будет у кайзера.

Темой грядущей игры была война с Австрией. Предполагалось, что Германия пребывает в строжайшем нейтралитете – то есть ее границы не может переходить никто. Легенда игры гласила, что с дня икс – начала учений – любая сторона может объявить войну, начиная с дня икс плюс пять. За австрийцев играли Кондратенко и Богаевский, за наших – Куропаткин.

Как ни странно, немцев чем-то заинтересовала наша игра, и к ее началу приехал сам Шлиффен в сопровождении Людендорфа с Гаузенем.

На первой фазе игры присутствовали и мы с величеством, для приданию действию должной торжественности.

Уже по сосредоточению сил было ясно, как стороны представляют себе развитие событий. Основная группировка Кондратенко находилась в районе Львова, Куропаткина – между Сандомиром и Ченстоховом, то есть напротив Кракова. Правда, Куропаткин как-то странно расположил имеющуюся у него авиацию – все четыре полка базировались практически в одном месте, под Варшавой. У австрийцев было только три полка самолетов, два под Краковом и один около Перемышля.

Как только был дан старт, стороны пришли во вполне ожидаемое движение. Куропаткин начал судорожно укреплять всю протяженность границы, за исключением небольшого участка прямо перед собой. А также выдвинул две дивизии на львовский участок, где Кондратенко явно концентрировал ударную группировку. То есть стороны собирались ударить друг друга во фланг, но у Кондратенко было только одно направление, куда имело смысл наступать – север. А Куропаткин мог двигаться как к Вене, так и к Черновцам. Точно к Черновцам пойдет, подумал я, не наберется наглости переть сразу на Вену.

Война началась на второй день игры с наступления русских. Довольно быстро выяснилось, что Куропаткин действительно идет к Черновцам. Почти одновременно Кондратенко ударил из-под Львова общим направлением на Брест. Однако то, что под Краковом русские взламывали уже третью линию обороны австрийцев, вынудило его послать туда корпус Богаевского. Какой-то уж очень усиленный корпус, подумал я – Кондратенко отправил к месту прорыва больше сил, чем осталось у него.

Куропаткин тоже оценил угрозу от пытающегося прорвать фронт Кондратенко и попытался усилить противостоящие тому войска артиллерией, но именно что попытался – сразу сказала разница условий. У австрийцев параллельно фронту имела железная дорога, а у русских – нет, и подкрепление пришлось отправить частью пешком, а частью через Брест. Тогда Куропаткин отдал приказ разбомбить железку, но выяснилось, что и это не получается – все свои самолеты и всю зенитную артиллерию австрийцы сосредоточили как раз вдоль нее. На этом закончился второй день игры, то есть третий день войны.

– Без рокадных железных дорог воевать затруднительно, – поделился со мной Гоша. – И авиацию Алексей Николаевич расположил неудачно.

– Ну, почему именно так, это понятно, из соображений удобства снабжения, – хмыкнул я, – но теперь у него не получают внезапные налеты, да и летают австрийцы больше из-за близости своих аэродромов, хотя самолетов у них меньше.

– А немцы, похоже, решили между собой доиграть сегодняшнюю позицию, судя по

тому, что заказали к себе в апартаменты, – блеснул осведомленностью Гоша. – Не зайдешь к ним?

– Зачем мешать? Уж где-где, а у меня в Гатчине на качество записи грех жаловаться. Надо будет – и посмотрим, и послушаем.

Третий день начался с сюрприза, который, впрочем, немцы вчера обсуждали между собой до глубокого вечера. Корпус Богаевского вдруг разделился. Едущая первой четверть продолжила свое движение к месту прорыва, но все остальные войска от Перемышля свернули на Развадов и с ходу ударили на Островец. А подкрепление Куропаткина, то есть артиллерия и пулеметные роты, в это время были в районе Бреста... Прорвав фронт, Богаевский тут же ввел в дыру всю свою конницу и броневики с пулеметами. К вечеру его передовые части перерезали железную дорогу Ченстохов-Варшава... Куропаткин остался не только без подвоза подкреплений и боеприпасов, но и без телеграфной связи. Сразу выяснилось, что управление войсками при помощи радио его штаб представляет себе очень смутно. А Богаевский теперь повернул направо и через час игры или условный день вышел под Брест. Таким образом отправленная по железке артиллерия Куропаткина оказалась зажата между частями Кондратенко и Богаевского... В вагонах и почти без пехоты, которая своим ходом шла под Львов, но была походя рассеяна выделенным для этого бронедивизионом австрийцев.

– Игру можно прекращать, – высказался Деникин.

– Да, все интересное уже произошло, – поддержал его Шлиффен.

– Вы не откажетесь поучаствовать в разборе учений? – поинтересовался Богаевский.

После окончания разбора и отъезда немецкой делегации Гоша приехал в Гатчину. У нас намечался небольшой поход в тот мир, причем только мой, величество должно было сидеть на стреме во главе группы захвата и при поддержке взвода десантников. Дело в том, что во время продажи последней партии золота мной кто-то, похоже, заинтересовался... А когда я уже собирался гнать по крышу нагруженный барахлом «Форд» в портал, по мобильнику мне вдруг позвонил Боря Фишман. Оказывается, он переругался со всеми своими канадскими родственниками, вернулся в Москву и теперь спрашивал, не помогу ли я с работой – он готов и ко мне в гараж подручным идти, гайки крутить вроде не разучился... Я пообещал позвонить ему через десять минут и свалил в наш с Гошей мир. А теперь, пожалуй, настала пора и выполнить обещанное.

Портал открылся сравнительно легко, значит, я был прав, частить не надо, и его еще надолго хватит. Вывел из гаража «Хонду», надел шлем со встроенным переговорником, еще один прицепил сзади и поехал в Москву. Помня, где в прошлый раз мне показалось, что за мной следят, я назначил Боре встречу у метро «Рижская».

Своего старого друга я увидел сразу, и узнал тоже, хотя это было и не так просто... Ё-моё, да как же он постарел! И когда успел, ведь у него тут с нашей последней встречи прошло полгода! Мы обнялись.

– Времени мало, – пояснил я ему, – если устраивает интересная, свехвысокооплачиваемая, но немного опасная работа под моим руководством, быстро напяливай шлем, и поехали. А то мне вон та бэха что-то очень не нравится, видел я уже ее водителя... Готов? Ну, держись.

Вообще-то ехал я довольно спокойно. Но попробуйте-ка вы на автомобиле удержаться за спокойно едущим спортбайком, пусть и в воскресенье утром! Однако у водителя БМВ это получалось.

Подъехав к Пушкино, я прибавил скорости и связался с Гошей.

– Открывать будем на центральной аллее, – сообщил я, – меня преследует машина, скорость может быть и под двести, так что имей в виду. Минут за семь справишься?

– За три справлюсь, не рискуй зря! – на бегу передал мне Гоша.

Сразу за Пушкино БМВ увеличила скорость и начала помаленьку догонять мой мотоцикл.

– Готов! – просигналил мне Гоша.

Я уставился в зеркала. Так, обгонять меня они вроде не собираются...

– Держись! – крикнул я Боре и резко тормознул, сокращая дистанцию. Когда между нами осталось метров десять, передо мной открылся портал. Я с ходу влетел туда, БМВ за мной. Но для меня в рядах положенных поперек гатчинской аллеи мешков с песком был сделан проход, для авто совершенно недостаточный... Я посмотрел в зеркало, как БМВ с ходу форсировала первый ряд мешков и уткнулась носом в более основательный второй. К ней уже бежали десантники.

– Ну и как тебе у нас в России, не скучно? – поинтересовался я у охреневшего до столбняка Бори.

Тут к мотоциклу подбежало величество.

– Все нормально? – с ходу поинтересовался Гоша.

– У меня когда-нибудь по другому бывает? – сварливо спросил я. – Познакомься, это Борис Иосифович Фишман собственной персоной. Боря, сделай торжественное лицо, перед тобой император всероссийский и еще какой-то там, его величество Георгий Первый.

– Рад знакомству, – протянул руку Гоша, – с такой легендарной личностью. Канцлера как про его молодость не спросишь – так все «а мы с Борей»...

– Канцлера? – ухватился за знакомое слово представляемый.

– Да, а он вам не говорил? Ну, тогда позвольте уж мне представить вам данную личность. Итак, перед вами светлейший князь Найденов Порт-Артурский, Государственный Канцлер Российской империи, генерал-лейтенант, кавалер ордена Андрея Первозванного и многих других, их так сразу и не упомнишь... Жора, да что же ты своего друга на улице морозишь? Пригласи к себе, что ли...

Действительно, в Москве-то была середина апреля, а в Гатчине – середина ноября. Боря ежился.

Я посмотрел, как покалеченную «БМВ» затаскивают носом на зад кузова «Нары» (ее пассажиров уже отволокли куда надо, причем обошлось без эксцессов типа стрельбы), обернулся к Боре и, сказав ему «поехали ко мне», быстро прокатился до гаража. Оттуда, понятно, был прямой проход в мой кабинет.

После всего случившегося мой организм был не против употребить бутылку-другую пива, а Боре так и сто грамм не помешают, в целях согрева и адаптации.

– Это у тебя тут что, квартира в таких хоромах? – спросил по дороге Боря.

– Это Гатчинский дворец. Ах, да, ты же в Питере ни разу не был... В общем, дворец, и я в нем живу. Ты, наверное, уже понял, что тут у нас несколько иной мир.

– Про мир – понял, а время какое?

– Конец тысяча девятьсот шестого года. Россия. Но на престоле уже два года как не Николай, а его брат Георгий, которого ты видел. Заметно более компетентный руководитель, чем наш «хозяин земли русской». Во всяком случае, благодаря во многом его трудам обстановка тут существенно лучше, чем в том же году была у нас. Ну, а я ему помаленьку помогаю...

После второй стопки Боря окончательно пришел в себя.

– И чем же ты тут мне предлагаешь заняться? – поинтересовался он.

– Электроникой. Тут уже есть первые транзисторы, а вот грамотных электронщиков всего один, да и тот я.

– Ну, если на здешнем уровне ты считаешься грамотным, то понятно, зачем я тебе понадобился. Ладно, помогу... А что ты там говорил про зарплату?

– Миллион хочешь? В общем, забудь про деньги – на том уровне, где твое место, тут уже коммунизм. На вот тебе мелочь на карманные расходы, – я достал из стола и протянул ему банковскую упаковку «катенек».

– Уровень цен здесь как в нашем шестом году? – поинтересовался Боря, надорвав упаковку. – Тогда показывай, где тут твои транзисторы и что ты из них хочешь сделать. Кстати, вопрос такой... Супруга твоя – она скорее всего в той Москве осталась. А вот племянница Машенька, ты ее сюда случайно не пригласил?

– Племянница Машенька, – улыбаясь, разъяснил я, – здесь давно уже ее величество Мария Первая, курильская королева и русская императрица. А давай, что ли, в гости к ней съездим, Гоша все равно сейчас к себе двинет. Как то есть какой Гоша – тот самый, который император. Заодно и на Питер посмотришь, ничего так себе город. Да, чуть не забыл! Про мою московскую супругу – полный молчок, особенно в присутствии... в общем, сам увидишь.

Глава 32

– Поучительная история, – усмехнулся Гоша, – надеюсь, ты сделаешь из нее соответствующие выводы. Мне, кстати, тоже не помешает вставить в свою новогоднюю речь пассаж о постигших нас в прошедшем году невосполнимых потерях...

Под новый год мы собирались ввести – пока только в Москве и Питере – радиотрансляцию. Может, кто-нибудь еще помнит свое достаточно далекое детство, неизменным атрибутом которого была висящая на стене черная говорящая тарелка? Вот что-то такое мы и собирались запустить. И заодно создать традицию новогоднего обращения императора к народу. Но чего поучительного Гоша нашел в том, что небезызвестный Гнида почил в бозе? Выжрал с вечера чуть больше обычного и просто не проснулся утром. Примерно так я и спросил.

– Ты лишил его перспективы, – пояснило величество. – В системе седьмого отдела потолок – звание генерального следователя. Ни по какой другой линии Гнида расти не мог, а по этой стало некуда, как только ты сделал его генеральным. Вот и ослаб внутренний стержень у человека, а с его наклонностями этого оказалось достаточно. Кстати, нечто похожее произошло и с Беней, помнишь? Как только он убедился в недостижимости своей мечты – стать третьим, а со временем вторым человеком в империи, он и пустился во все тяжкие. Кстати, ты бы к своей Танечке на эту тему присмотрелся.

– Уже. У нее, насколько я понял, мечта очень удобная, в смысле ее так просто не достигнешь. Во-первых, ей не очень важно, вторая она или четвертая – но чтоб первая среди тайных! А во-вторых, не в какой-то частной империи типа Черногорской или Российской, а мировой. Не обязательно она так должна называться, но суть должна быть именно такой. Так что до исполнения этой ее мечты еще дожить надо... Да и потом у нее семья. А на тебя, как я посмотрю, беседы с Борей произвели сильное впечатление?

– А как же! Не помню, кто это кого обозвал глыбой и матерым человецищем, но он точно говорил про Фишмана!

Я расхохотался. Действительно, учитывая Борины габариты... Когда он летал на нашем с ним самодельном самолете, для сохранения центровки в нос приходилось крепить пудовую гирю. С возрастом Боря заматерел, но исключительно вширь и только в районе талии. Хотя, конечно, его убеждения... Боря искренне считал себя представителем, как любил говорить Леонид Ильич, новой исторической общности людей. Как я понимаю, именно из-за этого, а не из-за злостного нежелания учить иврит, он и пересобачился со всеми своими родственниками. Хотя мне он казался самым обычным великодержавником. Кстати, для должной весомости я произвел Борю в генеральные комиссары, так что сейчас в Георгиевске рулил радиозаводом и быстро набирал авторитет «советский человек» – маленький, толстый и лысый еврейчик в мундире гауптштурмфюрера.

На третий день нового, седьмого года я полетел в Георгиевск – Боря передал, что он вполне вник в ситуацию и уже приступил к ее исправлению, тем более что я напортачил не так уж и много. На аэродроме мне сказали, что Фишман в лаборатории, куда я и направился. Еще метров за двадцать я услышал его возмущенный визг:

– И это, по вашему, кремний?! Это помойка! Я даже и думать не хочу про то, сколько тут дислокаций. Руки надо мыть, после того как в заднице ковыряетесь! Какой урод опять включил в меню столовой селедку? Самого заставлю всю сожрать! И мне начхать, что вы считаете ее скумбрией. В общем, всю партию – в переплавку. А, Жора, привет! Пойдем в

мою нору, пока я здесь кого-нибудь не убил. Все поняли? – грозно обернулся он к персоналу.

Мы пошли, но не в мою пристройку к бывшему Гошиному дворцу, которую я презентовал Фишману, а в его «нору» – наспех оборудованную прямо на радиозаводе малогабаритную двушку.

– Срач ты здесь развел неопиcуемый, – выговаривал мне по дороге Боря. – На полупроводниковом производстве все обязано быть много чище, чем в операционной! Там только микробов быть не должно, а тут вообще ничего. Ну ничего, я уже помаленьку начал народ приучать к порядку...

Я покосился на его ремень – там, как и положено, имелась неслабых размеров кобура под ПФ.

– Вот тут я и живу, – показал мне свое обиталище Боря. – Ну что, за встречу?

Он достал из кобуры флягу и разлил по стопкам нечто прозрачное. На вкус оно оказалось водкой, но какой! На фоне этого эликсира «Смирновка» казалась не лучше «Московской».

– Главное в любом деле – высшая степень очистки исходного продукта, и строжайше дозированные примеси! – наставительно поднял палец вверх Боря. – А ты полупроводники полез делать, как в свое время самогон на кухне. Кстати, а чего у тебя там одни мужики? Женщины для такой деятельности подходят гораздо лучше! И чего ты ржешь, спрашивается, когда с тобой говорят на серьезные темы?

Как неисправимый бабник Боря проявил себя, по-моему, еще с детства. В институте у него даже было прозвище «Лесбиян»... И из партии его в свое время тоже выгнали именно за это.

– Да, и раз уж ты тут везде начальник, – продолжил тем временем Фишман, – не поможешь мне в одной маленькой проблеме? Понимаешь, с меня в «Путаниуме» вообще денег не берут. Не только за это самое, но даже за еду и номер! Как-то оно того, подхалимаж напоминает. Неудобно...

Про это у меня уже имелся доклад мадам Жанетты. Директриса «Путаниума» не пожалела восторженных слов о том, какую бесценную помощь в повышении профессионализма оказывает ее девочкам господин генеральный комиссар, и осторожно спрашивала, а нельзя ли как-то привлечь столь ценного специалиста к, так сказать, практическому преподаванию на постоянной основе и не только для «Путаниума». Когда я изложил это Боре, он приосанился и сказал, что ладно, так и быть, в этом вопросе я могу на него рассчитывать.

Раз уж зашел такой разговор, то я рассказал ему и последнюю новость из Лондона. Во исполнение доктрины сэра Пакса отслеживать появившихся около Найденова людей, а так же с целью внедрять прогрессивные методы разведки в Георгиевск по Борину душу скоро будет командирована некая прекрасная еврейка. Кто такая – пока выясняется.

– Всего одна? – обиделся Боря. – Ну, жмоты... Вот скажи, как можно с такими почувствовать себя Джеймсом Бондом?

– Да, сэр Джеймс, а чего это вы в ваших апартаментах не живете?

– Зачем? Тут и до цеха недалеко, причем не выходя на улицу, и до «Путаниума» тоже... А по весне я себе домик построю. Давай лучше про системы самонаведения поговорим. Двоечник ты. Не работают твои тепловые головки и не будут! У нас уж на что серьезные люди ими занимались, пара человек даже поумней меня, и все равно только к семьдесят восьмому что-то получилось. Если уж так свербит, проще радар поставить... Но зачем тебе все это? Скорости небольшие, расстояния еще меньше, средства противодействия отсутствуют. Ставь прямое телеуправление и пилотируй их куда хочешь! Кинескопы твои ничего, чуть доработать, добавить красный цвет, и вполне сойдут. И еще про элементную базу – ты не против, если я тут полевой транзистор изобрету? Он ведь, если материалы чистые, проще биполярного. И еще, это самое... тут недавно Рождество было, мне кучу приглашений прислали. Я к серпуховскому полицмейстеру съездил, не волнуйся, с охраной, и как-то мне показалось странным поведение здешних дам... Вроде это только у нас начали

ругаться на падение нравов, мол, в старину-то как было... Не то что глазки строят – в койку тащат прямо при мужьях! Я, конечно, понимаю, что у них тут с обаятельными мужчинами не очень, но такой свободы нравов, честно говоря, не ожидал. На всякий случай взаимностью я там никому не ответил, решил сначала с тобой посоветоваться.

– Это не свобода нравов, они бы тебе еще в процессе начали на мозг капать про орден там или чин для муженька. В принципе ничего страшного, но лучше не потакать их низменным устремлениям.

– Да? Жалко, среди них и вполне даже ничего были – супруга градоначальника, например...

Меня всегда поражала Борова всеядность в этих вопросах. Градоначальницу мне видеть доводилось – такая коровища, что поискать. Я думаю, что, познакомься Боря даже с Новодворской, от активных действий его удержали бы только идейные соображения, а вовсе не эстетические. А тут еще портал... Боря, кстати, за эти полтора месяца после перехода малость помолодел. Про суть портала, как я ее понимаю, и побочные эффекты перехода он был в курсе.

– И это, – вспомнил про то же самое Фишман, – от перехода просто поразительное стимулирующее действие! Ты говорил, будет эффект на два-три дня, а у меня уже месяц такой подъем сил! В молодости и то подобного не было.

– Видимо, портал усиливает основную функцию организма, – предположил я. – У меня, например, от всех этих переходов мозги начали лучше работать.

Потом Боря поинтересовался, что за люди были в БМВ, чего им надо и какова будет их судьба.

Я рассказал.

Экипаж боевой машины вымогателей оказался из частного детективного агентства – водитель и собственно сыщик. Им поручили выяснить, кто я такой и откуда у меня такие интересные драгоценности – оказывается, все же в позапрошлый раз Гоша по недосмотру подсунул мне что-то, имеющее немалую антикварную ценность. По номеру мотоцикла они пробить не смогли ничего, ибо он был фальшивый, но список полутора сотен владельцев таких «Хонд» по Москве у них был. Впрочем, в этом списке меня не имелось, потому как куплен мой стальной конь был одним знакомым в Уссурийске и отправлен мне багажом, а на учет я его не ставил. Тогда они решили посмотреть, куда я поеду, чтобы сузить район поисков... И действительно сузили. Сейчас они сидели по одиночкам и думали тяжкую думу. При последней встрече я им сказал:

– Господа, надеюсь вы не идиоты и понимаете, что о вашем возвращении в тот мир не может быть и речи. Поэтому думайте, чем вы мне можете быть полезны... Бюджет на вашу кормежку заложен на год. Потом деньги под это выделять перестанут. Если помирать от голода вам покажется неприятно, обратитесь к охране, она пристрелит. Позвольте пожелать вам продуктивных размышлений.

– Мда, – задумался Боря, – представляю себе их состояние... Что хоть за люди-то?

– Водила – нормальный парень, отслужил по контракту и вот недавно устроился. А пассажиром сидел сам владелец, он же директор. Им, пожалуй, всерьез займутся, чтобы уточнить насчет того – все-таки знают там имя продавца заинтересовавших их цацек или нет.

– Всерьез – это...

– Совершенно верно. Я просто решил дать ему время подумать, авось сам допрет, что тут о лояльности по отношению к клиентам или тем более прежним хозяевам думать поздно. Вот вернусь в Гатчину и гляну, до чего они там додумались.

Погостив у Бори день и убедившись, что про радио теперь можно не волноваться, я вернулся к себе. И посмотрел, как там мои гости, все ли у них хорошо?

Сидельцы коротали время в одиночках, снабженных, кроме прослушки и видеокамер, также и динамиками. Потому как тащить их на беседу из подвала, потом привязывать у меня в кабинете к стульям – больно мучительно, а смущать охрану темами наших бесед не хотелось.

Водитель мирно дрых на своем топчане. Начальник нервно расхаживал из угла в угол.

– Ну, и чего у нас с вами новенького? – поинтересовался я.

Он вздрогнул и задрал голову вверх. Потом раздражено спросил:

– А что я вам могу предложить, если вы даже не говорите мне, что это за мир? Я, например, знаю состав пороха, устройство пистолета Макарова и самогонного аппарата. Это вам нужно?

– Спасибо, не очень. А мир... Да почти как ваш, только без компьютеров и двух мировых войн. Россия тут у нас тоже есть, как вы могли уже заметить, но только без президентов или генсеков. На троне сидит Георгий Первый, а я тут всякими деликатными делами занимаюсь, в том числе и порталами в ваш мир.

– Ага, и продаете золото, чтобы закупить электроники... Понятно. Могу, например, присоветовать, как вам это делать получше, чтобы не привлекать излишнего внимания. Только вы уже больно много времени потеряли.

– Ни секунды. Когда меня нет в вашем мире, время там стоит. Вспомните некоторые мои странности, наверняка замеченные вами при слежке. И прикиньте, что в той ситуации, которую я вам только что раскрыл, это вполне нормально.

Собеседник застыл, физиономия его перекосилась и на глазах начала синеть. Некоторое время он так стоял, а потом захрипел и, схватившись за сердце, сполз по стене на пол.

– Восьмой пост мне, – сказал я, беря трубку. – Восьмой? Посмотрите, что там с вашим постояльцем. Вроде ему нехорошо стало, но, может, и симулирует.

Сам же я переключился на другую камеру.

– Друг мой, позвольте мне вас побеспокоить? – поинтересовался я.

– А пошел ты на х.., м...дак, не мешай спать, – отвечал мне друг, не открывая глаз. Своеобразно, подумал я, и сообщил собеседнику:

– Один хрен тебе через полчаса пожрать принесут, лучше объясни-ка мне, ты меня материшь потому что идиот или по какой-то иной причине?

– Потому что из-за тебя, гада, у меня небось уже мать умерла, и меня ты скоро замочишь, по морде твоей глумливой это только дурак не прочтает.

– Вот фигушки тебе по обоим пунктам. Никто там сейчас помереть не может, – сказал ему я и просветил относительно влияния портала на время.

Он мгновенно проснулся и сел на топчане.

– Не врешь? – спросил он скорее себя, чем меня. И сам же себе ответил:

– И ведь не врешь... Слушай, дядя, а что тебе надо сделать, чтобы ты туда вовсе не ходил?

Интересный взгляд на проблему, мысленно признал я.

– Лучше скажи, отчего это она у тебя вдруг помереть-то должна?

– От возраста! Семьдесят ей уже, а год назад ноги отнялись, я оттого и дембельнулся.

– Друг мой, – просветил я своего собеседника, – вынужден с прискорбием сообщить, что среди нас двоих действительно есть один м...дак. И, увы, это не я... Тоже мне, проблема, ноги отнялись. Во-первых, я могу ей туда столько денег переправить, что ее на руках носить будут. А во-вторых, если бы ее сын случайно оказался поумнее и повежливее, ее можно было бы и сюда пригласить. Глядишь, и с ногами поправится, были уже похожие случаи.

В этот момент мне позвонили с восьмого поста.

– Господин канцлер, врач утверждает, что постоялец умер.

– Насмерть? – переспросил я. – Ну, и ладушки, дальше обычным порядком.

Что означало – контрольный выстрел и в крематорий.

И сказал своему собеседнику:

– Начальник ваш вот только что взял и помер. Сам, в процессе беседы со мной. С вами-то можно продолжать говорить?

– Это вы ему небось про время рассказали? – засмеялся водитель.

Надо же, теперь я уже «вы».

А водитель продолжил:

– Это же у него пунтик, его и из комитета через это дело поперли! Он ведь подозревал,

что нас готовятся завоевать пришельцы из параллельного мира... Да тут еще и время. Первый инфаркт у него уже был, а тут, значит, вы его до второго довели. Что, действительно завоевывать будете?

– Да нах... вы нам сто раз упали, завоевывать вас! Тут со своими проблемами не знаешь, как разобраться. Пришел вот к вам культурно загнать золотишко и прикупить полезных вещей, а некоторые почему-то возбудились.

– Жалко, – вздохнул собеседник.

– Почему?

– Да потому что вы такие же русские, я видел. И, значит, просто вместо наших наверху своих посадите, вот и все... Может, и меньше воровать будут.

– А если больше? – поинтересовался я.

– Не получится, это уметь надо.

– Слушайте, Вася... кстати, Акимов – это ваша настоящая фамилия?

– Настоящая, а что?

– Да есть у меня один знакомый с таким именем. Вы случаем не из Серпухова?

– Я – нет, а мой прадед оттуда, меня как раз в честь него назвали.

– Не знаете, как он жизнь-то свою прожил?

– Как-как, как мог, так и прожил. Убит на японской войне, только это мне про него дед и рассказывал. Да, еще он здорово был на Николая Второго похож, вот и все. А зачем это вам?

– А затем, друг мой Вася, что у нас здесь он хоть и был на японской войне, но вернулся оттуда живым и с двумя «Георгиями». Будете хорошо себя вести – познакомлю. Кстати, а не хотите пообедать не в камере, а в моей компании? Только вы уж ведите себя как-нибудь поприличней, что ли.

Глава 33

Как в идеальном или близком к этому обществе решаются проблемы? Возьмем, например, коммунизм, описанный Стругацкими и многими кроме них. Итак, в обществе может что-то стрястись. Наиболее прозорливые это понимают и поднимают тревогу. Вняв этому поднятию, наиболее сведущие именно в данном вопросе сами собой, по велению души собираются в комиссию. Там они со всех сторон обсуждают грядущие трудности и, будучи специалистами высочайшего уровня, принимают опять же со всех сторон оптимальное решение. А так как они не только сверхквалифицированные, но и высокоморальные, обсуждение идет по делу, без отвлечений на склоки или там в рыло непонятливому...

Так вот, практика показала некоторую, мягко говоря, нежизнеспособность данной схемы. Это я не про Собор или оставшуюся после него Конституционную Комиссию, которую некоторые местные остряки без всякого моего вмешательства уже вовсю именовали «Какой», а про реформу правописания. Я решил поставить максимально чистый эксперимент. Телеграфные алфавит и правила существовали уже четыре года, в общем повторяя нашу грамматику, но только без букв «ё» и «э». Последняя попала под ампутацию для того, чтобы не вводить в телеграфном коде пятисимвольную букву – то есть если знаков пять, то это может быть только цифра. А то я еще с армии помнил, что на слух отличить «э» от семерки, когда передает новичок, не всегда получается. Ничего, кстати, страшного не произошло, разве что телеграфистов стало легко отличить по словам «ето», «електричество» и «еволуция». К стати, в пику данной моде среди богемы родилась другая – произносить все непечатные слова, начинающиеся с «е» и «ё», через «э».

Так вот, Гоша обратился к обществу с просьбой – уважаемые, а попробуйте, пожалуйста, решить эту проблему в лучших традициях демократии! То есть придите к конкретному мнению, нужна ли нам реформа правописания и если да, то какая. Обещаю, что власть самым внимательным образом прислушается к мнению народа.

И с нового, 1907 года был дан старт дискуссии, в которой мог участвовать каждый,

имеющий «Права лингвиста». То есть сдавший по русскому языку теорию, практику и заплативший пошлину в двадцать рублей. Результаты не замедлили воспоследовать...

Во-первых, правами тут же начали торговать налево, и сейчас их цена колебалась от двухсот до двухсот пятидесяти рублей. Во-вторых, первые документы начавшейся дискуссии имели отнюдь не филологический характер. Там скучным и местами корявым языком протоколов было описано, кто, кого, когда, по какому поводу и с какими телесными повреждениями для обеих сторон убеждал в своей правоте.

В общем, с экономикой данного процесса все было в порядке – деньги от лицензирования были направлены на дополнительное финансирование комитета охраны короны, то есть бывшего шестого отдела, где образовалась группа, выявляющая причастных к левой торговле правами лиц. Если у них было достойное внимания имущество, оных лиц быстро подводили под статью с конфискацией. Если же нет, то лицу предлагалось продолжать свою деятельность, но с отчислением девяноста процентов дохода. Или идти под суд и получить свои десять лет, потому как на Вилное, например, ощущается большой дефицит рабочей силы с лопатой. Но вот результатов по сути вопроса пока не наблюдалось...

Правда, Гоше пришло коллективное письмо, в котором его авторы просили защитить великую русскую письменность от нападков всяких бездуховных варваров. Ответ императора представлял из себя встречный вопрос – а как, господа, вы себе конкретно эту защиту представляете?

– Повелеть прекратить это поношение основ, – ответили господа.

– Насчет прекращения – это вам к канцлеру! – радостно отписал им Гоша. – Он у нас занимается прекращением, недопущением и так далее, вплоть до искоренения.

Так что теперь мне предстояло принять делегацию от русской интеллигенции, которая в данный момент толпилась в приемной. Состояла она из Соболевского, Ильина, Мережковского, Гиппиус и примкнувшего к ним Розанова. Вообще-то подписантов было раза в три больше, но ко мне пришли только эти.

Ладно, подумал я, что спор идейных противников никакую, даже самую ублюдочную, истину родить не может, это давно ясно. Но вдруг единомышленники напрягутся и что-нибудь родят? Пусть даже мелкое и недоношенное...

Единомышленники вошли, расселись, отведали растворимого кофе и предоставили слово Соболевскому. Некоторое время я слушал, а потом, уловив знакомое слово, прихлопнул ладонью по столу.

– Минутку, Алексей Иванович. Множества бывают разные, в том числе и с нулевым количеством элементов. Или, например, множество корней квадратных из отрицательных чисел. Ах, вы не это имели в виду? Странно, сами послушайте...

Я со своего пульта отмотал запись чуть назад и включил воспроизведение.

– Множество пословиц, поговорок, выражений и крылатых фраз с введением нового правописания станут бессмысленными, – объявили нам динамики голосом Соболевского.

– Или вы просто употребили слово «множество», имея в виду «много»? Тогда полный список мне, пожалуйста.

– Список чего?

– Пословиц, поговорок, крылатых фраз и особенно выражений, которые потеряют смысл в новой орфографии. Господин Ильин, вы что-то хотите сказать?

– Я хочу привести пример¹ – во фразе «Я люблю ее собаку» эти реформаторы предлагают употребить «её», то есть...

– Понятно. Очень удачный пример, лично меня убеждающий в преимуществах именно новой орфографии. Ведь по ней я могу подумать, что вы любите её, собаку... Любя так даму называете, бывает. То есть при желании у меня сохраняется лазейка для веры в человечество.

¹ В реальной истории Ильин действительно приводил именно этот пример.

А по старым правилам я вынужден представлять себе, как вы, значит, эту псину... Тьфу.

– Это демагогия! – пискнул Мережковский и замер, видимо в ожидании репрессий.

– Она самая, – согласился я, – как и то, что мне тут вами говорилось. Потому что когда в обсуждении государственных проблем оперируют словами «много», «невосполнимый» и так далее, это именно демагогия и есть. Не «много», а точную цифру! Не знаете точной – давайте с допуском, по его величине можно будет судить о компетенции. Не какие-то там невосполнимые пословицы и выражения, а полный перечень. Желательно с пометкой напротив каждого, а в чем его особая ценность. Не «лучшая часть российской интеллигенции», а пофамильный список! Вот в таком ключе я готов обсуждать поднятый вами вопрос, а как сейчас – нет.

– Господин канцлер, – поднял голову Розанов, – тем не менее, вы в какой-то мере узнали нашу точку зрения по данному вопросу. Могу ли я попросить вас вкратце изложить вашу?

– Тут вот такая тонкость, – задумался я, – на военных советах ведь не зря сначала дают высказаться младшим. Чтобы, значит, на них начальственное мнение авторитетом не давило. Хотя, действительно, какой я для вас авторитет? Ладно, слушайте.

Я отхлебнул кофе и продолжил:

– Вот тут говорилось о должном сохранении и преумножении духовного наследия. Ну так почитайте...

Я протянул Ильину полгода назад пришедшую Гоше кляузу на Мичурина. Там его безграмотно и косноязычно обвиняли в поощрении бл...ства среди растений и просили принять меры... Гоша, кстати, меры действительно принял – послал Мичурину сто тысяч и императорского комиссара, чтобы Иван Владимирович не тратил свое драгоценное время на общение с местными властями.

– Или вы скажете, что эта бумага представляет собой нечто исключительное? – поинтересовался я.

– Нет, – вынужден был признать Ильин, – но надо ведь ориентироваться на лучшие образцы!

– Системная ошибка, – покачал головой я. – Массовый инструмент должен быть рассчитан именно на массового пользователя, а вовсе не на отдельных гениев или дебилов. Но это совсем не значит, что их надо оставлять без того – просто он будет не массовый, вот и все. Мне кажется, что в качестве языка бесплатного обучения, официального делопроизводства и технической документации надо принять те упрощения, которые предлагаются господами, фамилия которых, кстати, не «варвары», а Корш, например. А в качестве литературного на добровольной основе оставить существующую грамматику. И пусть писатель сам решает, по каким правилам ему писать... Где-то вот так.

В общем, мы договорились встретиться через месяц, за который фанаты буквы «ять» подготовят фактический материал. Честно говоря, их аргументация мне действительно не показалась убедительной – подумаешь, сочетание «ели ели» будет звучать странно. Хотите описать этот процесс – так кто вам мешает написать «кушали елки»? А еще лучше – личным примером показать, как это делается. Опять же творение бородатого графа уже в названии приобретает интригу – то есть «миръ» или міръ» он имел в виду? Глядишь, и станет на одного-двух читателей больше. Потом, правда, их начнет тошнить от вставленных там через одну страниц на французском, но это будет уже потом. Кстати, Лев Николаевич не внял-таки моей просьбе попробовать написать фэнтези, а под впечатлением японской войны сел сочинять роман о самураях. Блин, мне даже страшно подумать, как будут мучиться несчастные наборщики с японскими текстами... Как бы они его не грохнули, а то ведь общественность точно на меня все свалит.

А на ужин ко мне заявился Гоша, причем тоже с сомнениями на грамматические темы.

– Я, конечно, понимаю, – сообщил он, – что чем проще предмет, тем быстрее его выучат. Но вот лучше ли? И, кроме того, защитники существующей орфографии правы – в рамках новых правил многие шедевры русской словесности теряют что-то неувловимое...

Я привстал и посмотрел, как Гоша сидит на стуле.

– Что-то не так? – не понял он, тоже оглядываясь.

– Слушай, а может, тебе лучше в кресло пересесть, оно пониже и с подлокотниками? Прямо с кофеем. Не хочешь? Ну, тогда держись покрепче, что ли – я тебе сейчас дифирамбы петь буду. Итак, ты на редкость широко образованная личность. Хорошо разбираешься в технике, знаешь три иностранных языка, это кроме безукоризненного владения русским письменным и устным, да еще и латынь с греческим. Изучал прорву гуманитарных дисциплин, у половины которых я и название-то не могу написать без ошибок! Прочитал массу книг как со старой орфографией, так и с новой. Кроме того, у тебя от природы мозги хорошо работают, а последнее время из-за усиленной нагрузки на них иногда и вовсе замечательно. И вот ответь мне, пожалуйста, на такой вопрос – много ли в Российской империи людей, которым я смогу, не кривя душой, сказать то же самое?

– Ну, это ты передергиваешь, – возразило величество, – у большинства населения просто нет возможностей получить такое образование.

– Ладно, к этому мы еще вернемся, а пока сузим поле отбора до великих князей. Вот уж у них возможностей было поболее, чем у тебя, несколько лет просидевшего в кавказской глубинке. Ну, и про кого ты мне расскажешь?

Гоша молчал, потому как все эти люди уже по много раз были обсуждены именно на предмет поиска хоть каких-то достоинств.

– Так вот, – продолжил я, – люди рождаются разными. Одни могут до конца жизни учиться, то есть, наверное, и у них есть предел усвоения знаний, но с существующими методами подачи информации до него просто не удастся дойти. Но их мало, вот в чем беда... Другие за всю жизнь способны хорошо если усвоить курс начальной школы. Их, к счастью, тоже не так уж много. А большинство – гимназический курс, пожалуй, оно и осилит. Но подача сведений сверх этого приведет к тому, что они забудут что-нибудь из ранее выученного, да еще и получают отвращение к учебе вообще. Вот тебе яркий пример – дядя Алексей. Учили его древнегреческому, и что? Как он его раньше не знал, так и сейчас не знает, но зато и то небольшое, что у него осталось в голове после уроков математики, тоже куда-то испарилось. Или Полозова возьми – уже почти год, бедняга, с персональным учителем немецким мается. И что? Знает его как бы не хуже, чем я, который этот язык не учил вовсе. Зато летает как! Нам с тобой хоть удавись, все равно так не получится. Ну и чистая экономика – ведь денег у нас элементарно не хватит учить всех всему и наилучшим образом! И ни у кого не хватит, кстати. Так что никуда не денешься, это вынужденная мера. И потом, мы же старую орфографию вовсе не собираемся запрещать. Факультативные курсы, в том числе в некоторых бесплатных учебных заведениях, изучение ее на филологических факультетах... Если она действительно нужна, так найдутся энтузиасты, которые ее сохранят и даже преумножат. А со временем, глядишь, и наступят времена, когда каждый будет сыт, одет, обут и чуть не лопаться от высочайшей духовности. Вот тогда ничего не помешает вернуться, так сказать, к истокам.

– Ладно, но предлагаются ведь совсем радикальные проекты! – возразил Гоша. – Например, убрать из алфавита не только и десятиричное, ять и фиту, но и «э» с «ё», как в телеграфной азбуке. А некоторые и вообще хотят под шумок избавиться еще и от «я» с «ю». Как там у вас в Интернете пишут? Йа креведко!

– Ну, отдельные товарищи излишне увлеклись, так их поправить недолго, на то она и дискуссия, – пожал плечами я. – Хотя мне, например, кажется, что надо внимательно пройтись по исключениям в русском языке на предмет некоторого уменьшения их количества. Мы же не англичане, в конце концов.

В это время в комнату вошла кошка и мяукнула – мол, вы уже поели! А почему мне никто ничего не предлагает?

– Иди сюда, животное, – по новой орфографии позвал ее я. Как и ожидалось, ничего выходящего за рамки приличий кошка в этом не усмотрела.

Глава 34

Вообще-то вся эта возня с правописанием имела своей целью не только подготовить реформу в этой области и заодно дополнительно прояснить, как может развиваться демократия на российской почве, но и создать дымовую завесу. Дело в том, что с января начали происходить и более серьезные вещи, к которым мне не хотелось привлекать излишнего внимания...

На рождество в Киеве был убит государственный (то есть мой) комиссар. Убит левыми эсерами, которые, хоть и сильно сократились в числе, но все же еще продолжали существовать. И было очень похоже, что при содействии полиции. Ну, это уже наглость... Ладно там, пока они отстреливали СТАРЫХ чиновников – нехорошо, конечно, и это жестко каралось, но, если можно так сказать, обычным порядком. Однако тут подняли руку на моего человека...

Немедленно к месту событий была выслана оперативная бригада от Дома, шестого и седьмого отделов под руководством полковника Алафузова. Все хоть сколько-нибудь замеченные в контактах с эсерами в первые же два дня были взяты и допрошены. Большинство потом отпустили с настоятельными рекомендациями не болтать, и почти все действительно не болтали – ибо труп идиота, не последовавшего доброму совету, очень способствовал сдержанности. Так вот, почти все были отпущены, но трое – нет, их препроводили к господам Ли. По результатам интенсивных бесед с этими тремя был взят еще десяток, после допроса которого началась акция.

Два полицейских, причастных к убийству, были оставлены для суда. Еще троих, которые знали о подготовке, но не приняли никаких мер, выгнали из полиции и намекнули местному правонарушительному элементу, что этих людей закон будет защищать без малейшего рвения. И, не особенно заботясь о маскировке, перестреляли всех известных к тому времени левых эсеров в Киеве и окрестностях. А потом операция была расширена на всю Россию и те зарубежные страны, куда мы могли дотянуться. К февралю от партии эсеров-максималистов остался практически только Савинков, в процессе непрерывных допросов которого периодически всплывали новые имена, но уже так, эпизодические, про которые сам-то он почти забыл, да вот старший следователь господин Ли способствовал стимуляции памяти... Кстати, среди них оказались и Мережковский со своей женой Зинаидой Гиппиус. Жалко, конечно, с виду вроде как и ничего люди, и нельзя их прямо сейчас ликвидировать, но чуть позже, пожалуй, придется. Или обойтись воспитательной беседой? Пожалуй, действительно так будет лучше – чтобы не было всяких вопросов типа – почему это они только сейчас померли, времени-то вон сколько прошло. Но беседу надо будет подготовить, чтобы она получилась действительно воспитательной, причем не только для этой пары, но и для всех прочих родственников и знакомых. Ибо я хотел вбить в головы всяких борцов с режимом простую вещь – режим будет бороться с ними теми же методами, что и они с ним. Только у него эта борьба получится эффективней...

Газеты были неофициально предупреждены, что писать про такое не надо. Лучше уж букву ять защищайте, что ли! И большинство вняло. А редакция некоего «Русского вестника», почему-то не проявившего сознательности, была оптом подведена уж не помню под какую статью, и сейчас главред с двумя ближайшими помощниками находились на пути к вилуйским приискам, а остальные радовались, что так дешево отделались, и считали внезапно появившиеся в шевелюрах седые волосы.

Информбюро же всюю распространяло слухи, объясняющие народу суть происходящего. Мол, это вам не забастовка, даже незаконная, и не пьяная болтовня про его величество, за что и побьют-то не всегда. Это на человека самого канцлера руку подняли, а он своих в обиду не дает никогда – если они действительно свои, разумеется. Так что если ни в чем убийственном против власти не замешан, то бояться человека в черном мундире не нужно...

Причем слухи начали распространяться заранее, еще когда первые подразделения

неустановленных лиц только надевали камуфляж, маски и снаряжали магазины.

Пожалуй, настала пора поподробнее объяснить, кто такие комиссары.

Вы случайно не обращали внимание, что чиновники почему-то склонны воровать и взяточничать в среднем несколько больше, чем просто люди? Это связано с системой отбора. Итак, предположим, вы честный человек, искренне желающий улучшить жизнь своего, скажем, района... Итак, вы пришли в управу и заявили об этом. Дальше рассказывать?

Или, если имеет место быть демократия, вы от большой наивности самовыдвинулись в депутаты...

Так вот, в Российской империи предполагалось создать номенклатуру – то есть прослойку профессиональных чиновников. И со временем заместить ее представителями всю существующую бюрократию. Главный вопрос – где брать кадры и как их готовить – решался так. Предположим, вы все тот же самый неглупый и честный человек – но только являетесь подданным Его Величества Георгия Первого. И отслужили в армии. В таком случае путь вам не в управу или на выборы, а школу комиссаров. Их две, одна в Гатчине и готовит государственных, вторая в Питере и готовит императорских. Если вы живете, например, в Тобольске и денег на дорогу в школу у вас просто нет – напишите, скорее всего вам предоставят кредит и возможность его отработать по приезду.

Итак, вы поступили в школу. В зависимости от уровня подготовки (ну и амбиций тоже) вы можете пройти один из трех курсов. Сокращенный полугодовой, после которого вы выйдете комиссаром третьего ранга. И будете три года служить им за сравнительно небольшие деньги, зная, что уж за чем-чем, а за вашей бескорыстностью следят очень пристально. Комиссар – это личный порученец канцлера (в черном мундире) или императора (в синем), а ранг определяет масштаб поручений. Например, в Козлов, присматривать, чтобы никто не обижал Мичурина, был послан императорский комиссар третьего ранга. В случае достижения выдающихся успехов есть надежда получить второй ранг.

Если же ваш образовательный уровень позволяет, можно записаться на полный курс – полтора года – и выйти оттуда комиссаром второго ранга. Или, при достижении больших успехов и наличии способностей, поучиться еще полгода и выйти уже с первым рангом...

То есть комиссарство представляло из себя стажировку лиц, желающих стать чиновниками, и было ограничено сроком в три года. По истечении которого кандидату либо предлагали должность в соответствии с рангом, либо не предлагали – по многим причинам.

Разумеется, наплыв желающих в эти школы быстро превысил их пропускную способность, что позволило ужесточить условия приема. Для иногородних, не сдавших экзамен, но не рвущихся возвращаться домой, было организовано подготовительное отделение с жильем типа казармы и без стипендии, для стимуляции их трудовой деятельности. Кто-то чистил от снега ВПП, а кто-то уже подрабатывал в наружке шестого отдела... Кроме того, в следующем году предполагалось открыть Институт Управления, чтобы система подготовки административных кадров обрела законченность. Ибо, как сказал некто очень умный, «кадры решают все».

Собор все-таки не смог двумя третями избрать министра по делам национальностей. Так что набравший большинство голосов господин Сталин, по многим соображениям официально принявший эту фамилию, стал не министром, а пока только государственным комиссаром первого ранга. И, естественно, в качестве поля деятельности ему были выделены вопросы национального устройства Империи...

Между делом я выполнил и одну просьбу её величества Марии Первой. Племянница уже пару раз приставала ко мне, чтобы я как-то поучаствовал в судьбе Игоря Лотарева, это который будущий Северянин. Да-да, то самый, который «Я, гений Игорь Северянин...». Чем-то его стихи задевали какие-то там струны ее души. Хотя, конечно, про розы он очень даже неплохо напишет лет этак через тридцать. А то, что сейчас – ну извините. «Я в комфортабельной карете на эллипсических рессорах»... Ездил я разок на такой – качает сильнее, чем на катамаране. И рессоры, если уж на то пошло, называются эллиптическими. Тем более, что пока он у нас тут и этого не написал... Поначалу я вообще не понял, почему

она обращается ко мне. Возьми ты его к себе придворным поэтом, и пусть там на здоровье соловьем разливается! Мне он, что ли, будет стихи читать? Пока не прибуду.

– Нет, – ответила мне Маша, – нельзя его ко двору. В такой обстановке он точно свой талант погубит, у нас так уже почти успел, и только революция и эмиграция помогли ему остаться поэтом.

– Так ведь ты же еще и курильская королева! – напомнил я. – При шикотанском дворе ему жизнь точно медом не покажется. А то туда англичане недавно военного наблюдателя послали, следить за выполнением условий мирного договора. Бедному словом не с кем перемолвиться, ибо Пашины моряки по-английски знают только слово «дринк» и наливают ему с утра до вечера, благо Одуванчик выделил на это специальные средства. Вот, значит, и пусть поэт помаленьку набирается жизненного опыта.

В общем, я позвонил в приемную и велел запускать будущего Северянина.

– Позвольте преподнести вам свои стихи! – с ходу взял быка за рога поэт.

– Это смотря про что, – дипломатично ответил я.

– Вот, пожалуйста – на геройскую гибель первой штурмовой эскадрильи.

– От те раз, – удивился я, – вы что, там были? Или хотя бы с летчиками беседовали?

– Я прочитал...

– Где?

– В «Ниве»...

– Ясно. Давайте.

Как я и ожидал, ни малейшей художественной ценности текст не представлял. Про гимназисточек у него куда лучше писать получалось...

Примерно так я ему и сказал.

– Если вы будете писать о том, что совершенно себе не представляете – получится убожество вроде вот этого. Так что или продолжайте писать про этих, как их там... в общем, про этих. Но летчиков моих, пожалуйста, не трогайте своими дрожащими лапками! Или, если хотите, я вам могу устроить командировку к морякам, настоящим героям. Летчики там, кстати, тоже есть. Посмотрите, как на краю света они несут свою нелегкую и опасную службу, глядишь, и действительно стоящие вещи начнете писать. Только, как бы это помягче сказать... в общем, поэты там никому и на это самое не нужны, и уж тем более такие, каким сейчас являетесь вы. А вот в радиотелеграфистах нужда очень большая! Музыкальный слух у вас есть, то есть закончить курсы вам будет нетрудно. Так что, выписывать направление?

Поэт ушел, таки взяв мою бумагу, а я еще некоторое время пребывал в задумчивости, грозящей перерасти в меланхолию. Как он там со временем напишет – «Как хороши, как свежи будут розы, моей страной мне брошенные в гроб». Ну, ему-то, скорее всего, действительно их и бросят, в отличие от некоторых... То есть поначалу и мне, наверное, цветочков подкинут, но зато потом навалят уж столько дерьма! И отнюдь не в качестве удобрения. С одной стороны, начхать, а с другой – как-то несколько грустно.

Но долго пребывать в таком настроении у меня не получилось – мозг как-то независимо от остального организма посчитал ситуацию задачей и начал искать пути ее решения. Итак, имеем могилу и кучу дерьма сверху. Откуда оно там взялось? А всякие защитники общечеловеческих ценностей накидали, в память, например, об операциях наподобие только что закончившейся с эсерами-максималистами. Решение видно невооруженным глазом – не будет защитников, не будет и продукта их жизнедеятельности... А вот куда они денутся – это вопрос чуть посложнее. Можно, конечно, и их под каким-нибудь предлогом заранее... нейтрализовать, так скажем. Но ведь новые вырастут! И никаких спецслужб не хватит на постоянное выпалывание, да у них и кроме того работы будет до и больше. Значит, что? Этим делом должен заняться народ. Как увидел, что какой-то гад уже приспустил штаны с целью выразить свое отношение к кровавому прошлому, так и в ухо ему! А потом кликнуть прохожих и вдумчиво, без неуместной торопливости всем вместе поработать ногами. Кстати, он, гад, ведь не один такой будет. И чем займутся остальные? Тем же самым и в том же месте будет страшно. Но не испражняться-то они не

смогут! Значит, начнут искать другое место и другие объекты... А вот тут им надо будет помочь. Ведь сколько замечательных мест есть на земле – тот же Гайд-Парк, например. Вот уж там найти, что и от кого защищать – это раз плюнуть.

Вроде ничего так картинка вырисовывается, подумал я, теперь при случае и помирать будет не так противно. Но что нам нужно для воплощения ее в жизнь? Первое – преемственность власти. Вот чем мне монархия нравится, так в основном этим. Далее, нужно, чтобы все механизмы, запущенные мной, могли продолжать работу и без меня... Но ведь я и так именно этим и занимаюсь, правда, в основном не из высших соображений, а просто из лени. Хотя хрен его знает, может, это у меня патриотизм такой, под лень маскирующийся? Ладно, потом разберемся. А чего не хватает в моей картинке? Истории. Красивой и правдивой истории о трудном пути великой страны России, где и про нас с Гошей немножко будет... Вот оно, то, что пока упущено. Историю сейчас пишут все, кому не лень, и один похабней другого. Значит, придется заняться еще и этим.

Остаток вечера я провел в раздумьях на еще одну тему о вечном и нетленном. Дело было в том, что Нобелевский комитет в очередной раз насвинячил и не присудил премию Менделееву. Блин, да вы найдите мне открытие, по значимости сравнимое с периодической системой! Ну, закон всемирного тяготения, доказательство гелиоцентричности солнечной системы, исследования Пастера... Может, и еще пара-тройка вещей, но не больше. Однако уперлись и не дают... Кстати, у нас Дмитрий Иванович пока помирать не собирался – во-первых, мы его полгода назад в сонном виде стаскали через портал, а во-вторых, при нем неотлучно находились два комиссара, которые следили, чтобы старик не простужался. Он поначалу немножко возмущался, но Гоша его уболтал – мол, да как же мы без светила-то, ежели оно вдруг простудится и помрет! Вы уж, Дмитрий Иванович, потерпите еще лет пятнадцать, я вас как император умоляю.

И, значит, Гоша возмутился безобразным поведением нобелевцев и даже хотел было выступить по этому поводу, однако я предложил:

– Да и хрен с ними! Учини свою премию. А уж сделать ее престижней Нобелевки – это мы как-нибудь, все равно приемы информационной войны на чем-то отрабатывать надо.

Уже сказав это, я понял, что сейчас сделает величество. И оно не обмануло моих ожиданий:

– Ну, я-то кто? Просто один из императоров... А вот всемирно известный технический гений Найденов, действительно, просто обязан основать сверхпрестижную премию имени себя! Так что ты уж, пожалуйста, не разочаровывай мировую общественность...

И вот я сейчас сидел и думал. Премия? И очень большая, между прочим... За совершенно выдающийся вклад в развитие человечества. Присуждается раз в три года троим. Пока я жив – я председатель найденовского комитета, а потом видно будет. Первые кандидаты – Менделеев и Эдисон. А вот кого бы назвать третьим?

Глава 35

Флагман черногорского Флота Открытого Моря, линкор «Црна Гора», подходил к столице Курильского королевства, городу Порт-Шикотан. Вот он зашел в пролив, ведущий в Дерибасовскую бухту, на берегах которой и стоял город – как писал один проезжий журналист, «красивейший и крупнейший город королевства». Писал он, кстати, чистую правду, ибо никаких других городов в королевстве просто не было.

Линкор прошел между расположенными у входа в бухту островами – слева был остров Дяди Жоры, справа – остров Его Кошки, и направился к пирсу. Благодаря малой осадке – менее трех метров – ему удалось подойти вплотную и пришвартоваться. На берег сошел его светлейшее высочество лорд-протектор Курильского королевства адмирал Пол Маслачак, он же Паша Божий Одуванчик. Окинув взором портовый район, где, кроме палаток и сколоченных на скорую руку бараков, уже имелось полтора кирпичных здания, а еще штук пять пребывали в разной степени недостроенности, Паша направился в Новый Город.

Исторически так получилось, что столица состояла из двух частей, разделенных ручьем Вонючкой. Если смотреть с моря, то по правую руку был порт – то место, куда три года назад высадились первая партия черногорских моряков. Они разбили лагерь у ручья, и посланная на следующее утро картографическая экспедиция, которой пришлось форсировать эту водную артерию ниже лагеря, и дала ему такое название. Хотя от природы вода там была вполне чистая...

Адмирал подошел к мосту через ручей, представлявшему из себя две доски, но не рядом, а примерно в дух метрах друг от друга, покосился на синюю табличку с белыми буквами «р. Благоухань» и совсем было собрался перейти на противоположный берег, но его внимание привлек подходящий с той стороны к мосту моряк. Он шел по математически строгой синусоиде, что не оставляло сомнений в том, какое именно из трех заведений Нового Города – церковь, банк или кабак – было посещено последним. Подойдя к мосту, моряк привычным движением собрался было пасть на четвереньки, но тут обнаружил адмирала. Примерно с минуту он стоял, качаясь и прикрывая то один, то другой глаз, но наконец убедился, что адмирал ему не мерещится, собрал в кулак всю свою волю и решительно двинулся к мосту на двух ногах. Удача сопутствовала смелому – ему удалось пройти по доске, правда, как он не сверзился, адмиралу было решительно непонятно.

В порту действовал сухой закон, и желающие принять чего-нибудь горячительного вынуждены были ходить в Новый Город. Именно из соображений ограничить эффект потребления мост и имел такой вид – превысивший дозу его преодолеть не мог и автоматически принимал холодную ванну. Две же доски лежало потому, что движение через мост было односторонним.

Адмирал прошел по правой доске и оказался на главной (других пока не было) улице Нового Города – Привозном проспекте. Он с удовольствием огляделся – подумать только, год назад тут имелся всего один недостроенный кирпичный сарай и деревянный домик японского консульства, а сейчас уже двенадцать... нет, целых тринадцать домов. И каких! Нет, что ни говори, а рейд на Гонконг пришелся очень кстати. Пока моряки занимались перетаскиванием ценностей, местные китайцы разбирали понравившиеся Одуванчику дома. Поначалу они не понимали, почему это им вдруг надо заниматься таким делом, но русские дружелюбно объяснили, что вон тот корабль – это танкер, и в нем пять тысяч тонн керосина. Не хотите сами – мы разберем, но потом сожжем нахрен весь остров от расстройства! Так что вы лучше поработайте, вам за это и денежку заплатят. Узнав, какую именно, китайцы рванулись работать с таким энтузиазмом, что лимитирующим фактором в операции оказалось не время, как поначалу думал Одуванчик, а грузоподъемность его кораблей.

Напротив кабака прямо посреди проспекта валялся мертвецки пьяный англичанин. Однако, поморщился Паша, ведь ясно было приказано – выкушавшего свое относить к крыльцу британской миссии! Распустились тут без меня, лодыри...

По условиям мирного договора между Черногорией и Великобританией последняя имела право направлять своих наблюдателей на главную базу военно-морского флота, то есть в Порт-Шикотан. И, хотя абсолютно ничего криминального эти наблюдатели тут не могли усмотреть по определению, ибо Паша вершил свои дела в Дальнем, Шанхае и Йокосуки, он все же издал распоряжение, по которому все выпитое в компании с англичанами немедленно компенсировалось в полуторном размере.

Интересно, это тот, что был здесь в прошлый мой приезд, или Лондон прислал нового? – подумал Паша. Но определить визуально не получилось, ибо великобританец лежал мурлом вниз.

Адмирал поправил мундир и зашел в кабак, то есть ресторан «Южная Пальмира». Там обнаружился еще один англичанин, уже в стадии полного остекленения, но еще почему-то за столом, а не под ним. Группа моряков подписывала у бармена чеки по программе «дружба народов». Ясно, понял адмирал, хотят тащить обоих разом, вот тот и лежит пока.

Старший в компании, торпедист с «Бара», подтвердил предположения Одуванчика и заодно объяснил, что вот этот – он новый, прибыл две недели назад, а вон тот – старый, его

даже отзываться не стали...

Адмирал подошел к стойке, взял у бармена тетрадь и прочитал текущий отчет. По нему выходило, что англичане за сегодня откушали на двоих пять с половиной литров водки, а помогавшие им в этом лица общим количеством в пять рыл – еще четырнадцать. Приписки были на грани фола, но, видимо, сегодня лорд-протектор пребывал в хорошем настроении, потому что он, укоризненно покачав головой, просто пожелал бармену быть немного скромнее. И заказал в кабинет аншуад по-провансальски, а к нему двести грамм фишмановки. Моряки завистливо повздыхали – да, эликсир, конечно, но двадцать пять пиастров за стопку! Это при том, что обычная водка идет по двадцать динок за стакан, а китайская рисовая так и вовсе по десять. И, подхватив англичанина, двинулись к выходу.

Как и положено порядочной державе, Курильское королевство имело свою валюту – пиастры. Сотая часть пиастра называлась динарием, каковое невразумительное слово местный народ быстро сократил до «динки». Были попытки и покуситься на сам пиастр, но адмирал, как только услышал от кого-то азартный выкрик «пятнадцать писек!», тут же дал оратору в ухо и предупредил остальных, что лично оторвет упомянутый предмет каждому, кто отныне вздумает исказить звучное название курильской денежной единицы. Правда, немного подумав, слово «динка» он к применению все-таки разрешил.

Проводив взглядом компанию, которая после оттаскивания англичан разделилась – двое двинулись в сторону веселого дома, а трое – к мосту, адмирал вздохнул и принял стопку для аппетита. Да, до такого международного престижа, при котором «Дом» прислал бы сюда своих сотрудниц, было еще далеко, здешний персонал состоял из китайских кикимор, мелких, тощих и страшных. Но Паша верил, что у его города все еще впереди...

До прилета самолета из Владика оставалось часа полтора, и лорд-протектор, закулив, откинулся на спинку стула в ожидании заказа.

Когда адмирал покончил с трапезой, в кабак прибежал вестовой с линкора и передал, что получена радиограмма – самолет подлетает. Паша расплатился и, выйдя, двинулся к пристани Нового Города. Тут глубина была всего метр с мелочью, поэтому сюда могли приставать только катера и гидропланы. У пристани уже стоял инкассатор из банка и его охрана – вооруженная автоматами четверка. Кроме всего прочего, самолет должен был привезти очередную порцию наличности – пиастры печатались в Петербурге, отличаясь невероятно высоким, на опытный взгляд лорд-протектора, качеством. Ряд купюр до сегодняшнего дня состоял из желтой однопиастровой бумажки, зеленого трояка, голубой пятерки, красной десятки и фиолетового четвертного. Сегодняшний самолет должен был привезти вводимые в обращение пятидесятки. А кроме денег, там летела и какая-то странная личность...

Понятно, что все специалисты от Георгия Андреевича, коих при Паше было достаточно, работали на соответствующие службы. Это было настолько очевидно, что не нуждалось ни в объяснениях, ни в дополнительных указаниях, но официально все эти люди не имели никакого отношения к канцлеру. И вдруг сейчас летит телеграфист с личным рекомендательным письмом от него! Это что, будет глава местной резидентуры? Но ведь она, эта глава, и так есть, просто у Паши имелись определенные сомнения, кто именно занимает эту должность.

Самолет – широкофюзеляжная «Кошка» на поплавках – уже появился и, сделав круг над бухтой, начал заходить на посадку. Вот он коснулся воды и, постепенно замедляясь, приблизился к причалу. Взрыкнув напоследок, остановились моторы, причальная команда принайтовила самолет, и оттуда на землю королевства ступили двое с баулом и высокий молодой человек в форме телеграфиста.

Для начала Одуванчик разобрался с финансовым вопросом. Расписавшись в документах, он принял баул, вскрыл печать, сосчитал пачки, еще раз расписался. Потом взял одну пачку, надорвал и вытащил купюру. Она была зеленого цвета, но несколько отличного от трояка оттенка, да и заметно больше его. Картинка, в качестве сюжета для которых на пиастрах фигурировали корабли, изображала линкор «Црна Гора». На обороте полтинника,

как и у всех, был курильский герб – двухглавый попугай на фоне вулкана. В одной из лап попугай держал автомат, в другой – толстенную пачку денег.

Паша взял специально захваченную лупу и присмотрелся к картинке. Так и есть, стоящего на мостике линкора вполне возможно узнать... Спрятав довольную улыбку, он положил в карман надорванную пачку, велел нести остальные в банк и повернулся к телеграфисту:

– Я адмирал Маслачак, слушаю вас.

Молодой человек протянул лорд-протектору аж два пакета и начал восторженно озираться.

– О, – удивился Паша, – и от королевы тоже письмо!

Быстро прочитав его, он вскрыл пакет от канцлера. Там имелась небольшая бумажка, в общем повторяющая то, что написала её величество, и еще один пакет с печатями и грифом «совершенно секретно». Адмирал сунул секретный пакет за отворот кителя и обратился к гостю:

– Рад знакомству, господин Северянин. Мой вестовой поможет вам перенести вещи, покажет город и проводит на линкор. Приглашаю вас на ужин, там мы поговорим подробнее. Послезавтра – выходим в море.

Адмирал был доволен. В Питере начали серьезно относиться к его детищу! А то куда это годится – корреспонденты столичных газет сочиняли свои путевые заметки, не выходя из редакции. Нет, жаловаться грех, писали они неплохо, но при этом столица Курил имела какой-то... как это королева говорила... а, «виртуальный характер». Зато теперь – прислали поэта! Это ведь не корреспондент, который сегодня что-то нацарапал, а послезавтра все всё забыли. Это поэт, причем, по словам ее величества, очень талантливый! И, значит, слава королевства и его первого лорд-протектора останется в веках.

Северянин за десять минут обошел Новый Город (вообще-то на это хватило бы и трех, но поэт не спешил). С некоторым удивлением поглядел на аккуратно лежащих на крыльце английской миссии двух господ – они были положены валиком, мордами вниз, дабы случайно не захлебнулись чем-нибудь неудобоваримым, и, выслушав от вестового «дикиарис, пить не умеют совершенно», прошел в конец проспекта, где стояли все магазины Порт-Шикотана общим числом два. Один почему-то очень напоминал китайскую пагоду, но назывался «Колониальные товары Каплана». Другой представлял из себя низкое бревенчатое сооружение с корявой надписью «Рыба» и, на всякий случай, чуть менее корявым рисунком ее же. Это местные айны, пояснил вестовой, у них на противоположном конце острова есть рыбацкая деревушка. Называется Си-Котан, что по ихнему означает Большой Город... Как же у них тогда выглядит маленький, интересно? Потому что этот – мелкая и захудалая деревушка, не более того, в которой живет несколько семей.

Поэт продолжал озирать окрестности. Ему не мешала некоторая, так сказать, незаконченность города – перед его мысленным взором у подножия сопки уже вставали огромные стоэтажные здания из стекла и бетона, виденные им на рисунках во время аудиенции у королевы-императрицы. Про понятие «сейсмически опасная зона» он был не в курсе... Потом поэт посмотрел на ручей. Если его перегородить плотиной, получится озеро ничуть не хуже Женевского, недавно оным поэтом воспетое. То, что Игорь ни разу не видел его даже на фотографиях, полету поэтической мысли нисколько не помешало. Потом Северянин зашел в колониальные товары, купил шляпу модного цвета «камуфляж» с кокардой в виде курильского герба, а также, к великой радости хозяина, пистолет «Маузер С-96». Это устройство валялось в магазине с момента открытия без малейшей надежды продаться, ибо черногорские моряки признавали почти исключительно изделия Георгиевского оружейного завода. Правда, некоторые эстетствующие носили браунинги, но не этот же «Маузер»! Который стоил в четыре раза дороже «ПФ»-а и был во столько же раз хуже.

Перед тем, как покинуть Новый Город, Игорь зашел в стоящую в самом начале проспекта и чуть в стороне от остальных домов церквушку, где побеседовал с ее

настоятелем. Отец Сергей, бывший боцман с «Халзана», раненый в последнем бою с японской эскадрой, в процессе выздоровления сильно окреп в вере и, рукоположенный только что образовавшимся патриархом всея Японии Николаем, принял Шикотанский приход, где и нес свет веры черногорским морякам и местным айнам. Что интересно, среди последних его миссионерская деятельность имела большой успех, и теперь каждое воскресенье сюда приплывали две лодки с прихожанами из Си-Котана. Моряки же отличались несколько меньшей набожностью, тем более, что в храм можно было заходить только до посещения кабака – зашедшие после уже убедились, что от посвящения в сан кулаки боцмана как бы даже и окрепли. Впрочем, отец Сергей не унывал.

– Знаете, юноша, – сказал он на прощание Северянину, – неверие – это только до первого серьезного дела. Рейд на Гонконг – это так, прогулка, а вот после чего-нибудь наподобие нашего боя в Желтом море тут будет не протолкнуться от прозревших.

Бумаги, отправленные мной Одуванчику, содержали предложение купить у России списанные по причине износа и общей устарелости миноносцы Краб, Рак, Мангуст и Комар. Смысл же этого был вот в чем...

Итак, имеется давно уже борющаяся за свою независимость страна Ирландия. Борцов там много, а последнее время стало и еще больше, деньги у них тоже появились. Теперь следовало позаботиться, чтобы они смогли превратить эти деньги в оружие. Но англичане не такие дураки, как хотелось бы, и пароход с оружием просто так, блин, в Дублин не пригонишь. Поэтому Паше предлагалось освежить в памяти свою основную профессию, но теперь уже на существенно более высоком техническом уровне. Для начала я просил смету на переоборудование подлодок и на установление связей с нужными людьми. Ибо я не хотел повторять ошибку немцев в нашей истории, которые спохватились только после начала войны и отправили ирландцам два парохода с оружием. Они и в мирное-то время еще неизвестно, дошли бы, а тут были перехвачены на счет раз. Ну, и в рассуждении еще более отдаленного будущего я советовал лорд-протектору озаботиться знакомствами в Индии.

Глава 36

После рождения дочери директриса ДОМ-а даже похорошела, хотя раньше мне казалось, что дальше хорошеть ей просто некуда. На службе она теперь проводила чуть меньше времени и не ездила в командировки, но на результативности ее работы это никак не сказалось. Как всегда, все, что она делала – делалось хорошо.

– Шеф, анекдот хотите? – как-то спросила меня Татьяна после очередного доклада. И, дождавшись моего кивка, положила передо мной небольшой документ, сложенный так, что видно было только шапку и последние две фразы с подписью. Ну, шапка-то была обычной, «директрисе ДОМ-а госпоже Т.В. Князевой от дежурного секретаря А.В. Тарасовой», то есть документ шел по каналам Танечкиной легальной конторы. А вот концовка представляла из себя просто крик души: «Татьяна Викторовна, умоляю! Помогите мне! Я не знаю, что мне говорить этим людям и куда девать их деньги! Только побыстрее, пожалуйста...»

– Это не та Анечка, ваша машинистка, за которой еще адвокат увивался?

– Она самая. Решила тут в отпуск на родину съездить.

Я припомнил прошлогоднюю историю, когда за крыской из официальной детозащитной конторы решил приударить некий адвокат. Мы поначалу раскатали губы – а вдруг он от Пакса! – но оказалось, что он мало того что от Сюртэ, так еще и дурак. В общем, ему подвели нормальный источник дезы, потому как Анечка на эту роль решительно не подходила, и дальше дело шло обычным порядком. Правда, секретарша очень расстраивалась, что ее бросили, но как-то оно там утряслось...

Я развернул документ прочитал его весь.

Итак, Аня Тарасова решила провести очередной отпуск дома, в Кашине. Она там не была уже несколько лет – в войну и год после отпусков не было, потом она ездила в Крым со своим адвокатом. Но деньги присылала исправно, а теперь вот решила, значит, навестить родителей. Набрала гостинцев и явилась...

И сразу оказалась в центре внимания местного общества. Модные платья, независимое поведение, совершенно явное финансовое благополучие... Вокруг потихоньку начали увиваться женихи, Анечка уже помаленьку задумывалась – а не ответить ли кому-нибудь взаимностью, но тут, на свою беду, ей заинтересовался полицмейстер. Господин Парфенов был уверен, что молодая девушка в столице может зарабатывать такие деньги одним единственным способом, и не придумал ничего умнее, кроме как поделиться этими мыслями с Анечкой. И намекнул, что мзду он, козел, может принять не только деньгами, но и натурой. Анечка обиделась. Полицмейстер – тоже, и велел предъявить документы. Ну, секретарша и предъявила свое служебное удостоверение, где было ясно написано, что она является сотрудником второго отдела Департамента охраны материнства. Почему-то это вызвало у полицмейстера совершенно неадекватную реакцию. Он покраснел, потом посинел, и наконец, продышавшись, с писком «не извольте гневаться, неотложные служебные дела!» исчез. Анечка пожала плечами и отправилась домой, где с удивлением обнаружила, что женихи тоже куда-то испарились, как будто их никогда и не было. Зато начиная с обеда и вот уже два дня подряд непрерывной чередой пошли гости, начиная с градоначальника и далее по нисходящей. Все они несли деньги, в зависимости от служебного положения, уверения в безграничном почтении к его светлости Канцлеру и особенно к госпоже Князевой, а также доносы друг на друга. Анечка попыталась обратиться за консультацией к родителям, но получила ее от своего младшего брата-гимназиста. Он ей объяснил, что, оказывается, в Питере существует ДОМ, и если кто чего-нибудь против детей сделает, то в этом ДОМе его по головке не погладят. Но это так, мелочи... Главное – там есть еще и ДОМ-2.

Тут я не выдержал и заржал. Танечка несколько удивилась – почему именно в этом месте – но, естественно, промолчала. Я же продолжил увлекательное чтение.

Итак, там есть еще и Дом-2. И если кто, не дай Бог, начнет умышлять против императора или канцлера, тут же приедут машины с людьми в черных масках, всех виновных расстреляют из автоматов (а ты правда умеешь стрелять из настоящего автомата? – допытывался у старшей сестры гимназист), а тем, кто знал про черные замыслы, но ничего не сделал, устроят такую жизнь, что лучше бы уж сразу застрелили, что ли. Вот как в Киеве зимой было...

– А ведь правда, – усмехнулся я, – слухи-то мы распустили, а указать точное название занимающейся такой деятельностью конторы забыли. Вот народ и пустился в творчество... Ладно, пусть будет Дом-2, только тогда свой второй отдел вы уж, пожалуйста, во что-нибудь другое переименуйте. Девочке напишите, что деньги надо складывать в один чемодан, а доносы – в другой. На днях пошлю туда начинающего комиссара, пусть придумает, как эти жертвоприношения можно употребить с пользой для города. А по вечерам нехай доносы читает, пригодится.

Пора, пожалуй, обдумать еще одну проблемку, – подумал я, проводив Танечку. Небольшую такую проблемочку, всего мегатонн на сорок... До падения Тунгусского метеорита оставался год, и следовало заранее подготовиться к этому событию. Причем не только заблаговременно заслать пару-тройку экспедиций к месту событий, но и извлечь из этого красочного шоу пользу. Итак, за что его можно выдать? Ну, например, за испытания супер-пушки. Но не как у Жюль Верна, а посерьезней – электромагнитной или даже ионной. Действительно, где-то почти за сутки до события начали наблюдаться какие-то странные атмосферные явления – вот и объявить, что это мы приступили к закачке заряда. Кстати, Тесла в этой проблеме тоже отметился... С ним я никак не мог прийти к однозначному мнению. С одной стороны, выдающийся ученый-изобретатель. С другой, все, что мог полезного, он уже изобрел, а эти его лучи смерти, атмосферно-халевные электростанции, беспроводная передача электроэнергии... У меня таких специалистов своих достаточно,

сидят и пишут даже более дикие проекты за скромные деньги, на страх агрессору. И ведь тот иногда действительно пугается, что характерно. С третьей же стороны, как раз на почве чего-то такого очередного у Теслы сейчас нешуточные финансовые трудности вплоть до закрытия лаборатории и распродажи имущества, так что переманить обойдется недорого. Может, действительно, сюда его, пусть возится потихоньку с чем-нибудь охренительным, глядишь, один-другой полезный побочный эффект и образуется. А мы, пользуясь тем, что Тесла известен как гениальный ученый, и объявим о пушке. Но он же, зараза, визг поднимет... Нет, лучше не так. В Америке уже начал разворачиваться сбежавший от русского деспотизма Альперович, вот пусть он Теслу и профинансирует. Тот, значит, займется своими стоячими волнами, на основе которых он и собирался передавать энергию. И при нем будет лаборант или там инженер, который в самый ответственный момент окажется найденовским шпионом и сбежит, собака, в свою Россию с важнейшими чертежами, расчетами и еще чем-нибудь, что в два чемодана влезло. Мы тут же в глубоком, то есть доступном всем интересующимся секрете начнем строить гигантскую электромагнитную пушку по идеям Теслы, а у того начнутся трудности – чертежей нету, денег Альперович дает мало, отговариваясь тем, что у него они тоже кончаются... И тут тунгусский бабах. Саша, то есть тьфу, Мося по лучшим мировым образцам вроде Тибета, МММ и Аввы тут же организует могучий концерт по претворению в жизнь идей гениального сербоамериканца...

Наверное, пока остановимся примерно на таком плане, подумал я.

Думал я про это не просто так – на следующий день должно было состояться заседание политбюро в сокращенном составе, то есть без Мари. Все-таки на восьмом месяце лучше не про политику собачиться, а заняться чем-нибудь более успокаивающим...

Попытки установления мирового господства делались в течение всей истории человечества. Сначала – от Александра Македонского и до Наполеона – они были военными. Ни одна из них не привела даже к подобию результата. Будем считать всех их вместе первой попыткой.

Вторая была основана на торговле, и тут у англичан почти получилось. Но почти, как известно, не считается...

Третья, базирующаяся на финансовых механизмах, в нашем мире кончилась полным успехом. Но в этом она пока находилась в стадии подготовки, а значит, у нас оставался шанс.

Заседание началось в два часа дня у Гоши. Перед отъездом я посадил в дежурный режим группу аналитиков из комиссарской школы, Татьяну и Алафузова – чтобы в случае чего можно было быстро прояснить любой вопрос. Аналогично поступили и оба величества.

– Итак, – открыла совещание королева-племянница, – нам надо решить вот что. У нас сейчас идет одна тысяча девятьсот седьмой год, месяц май. В нашем мире как раз тогда начался очередной финансовый кризис, приведший к созданию Федеральной резервной системы США. В этом он тоже начался и протекает аналогично, потому как наша деятельность пока не затрагивала факторов, причастных к его развитию. Отсюда вопрос – мы так и дальше будем их не затрагивать, по крайней мере до решения вопроса с Англией? Погреть руки нам такой образ действий несколько не помешает. Или, памятуя, кто является нашим главным врагом – я имею в виду не США, а международную финансовую олигархию – уже сейчас попытаться получить доступ к ее уязвимому звену? Потом это будет гораздо труднее, если не вообще поздно. Дядь Жор, твое слово.

– Да запросто – я же с вопросов начну. Итак, предположим, мы ничего делать не стали. Чем это нам грозит?

– В ближайшие годы – ничем, – утешил меня Гоша. – Но, как сказал Конфуций, «того, кто не задумывается о далеких трудностях, в ближайшее время поджидают близкие неприятности».

– Второй вопрос – как я себе представляю, у этой самой финансовой олигархии есть два способа доить мир – отказ от привязки стоимости пакета акций предприятия к стоимости его активов и торговля долговыми обязательствами. И один инструмент – эмитируемая этой самой олигархией мировая валюта. Я прав?

– Почти. На самом деле названные тобой два способа – это одно и то же. Просто вид сбоку, и все.

– Тогда еще проще. Из инженерной практики я знаю, что способ – это производная от инструмента. Будет другой, похуже – придется изобретать новый способ. А вообще без инструментов можно только ковырять в носу.

– Вот! – поднял палец Гоша. – И чем дольше этот инструмент существует, тем более он совершенствуется! Сейчас его пока нет, так, заготовка.

– В том-то и дело! – подалась вперед Маша. – Им еще лет десять до первых результатов применения осталось! А мы, если сейчас влезем... Сильно это дорогостоящая операция. Даже при удаче мы вынуждены будем воевать с Англией без штанов. А при неудаче – с Англией и Штатами, причем не только без штанов, но и без винтовки... Я пока не вижу причин так рисковать.

– Стоп, стоп, – поднял руку я. – Дорогостоящая – это как? Мы вывезем туда все свое золото? Или заводы? Чего нам не хватит, объясните!

– Денег, – «объяснила» Маша.

– В виде бумажек?

– Разумеется, нет. В виде овеществленного доверия. То есть после этой операции ни один здравомыслящий человек не даст нам в долг ни копейки.

– Почему?

– Потому что сумма долга уже будет сравнима с ВВП России.

– Ага, – почесал в затылке я. – Сколько вот сейчас у нас всех в карманах денег? У меня – три тысячи.

– У меня есть рубль, – сообщила Маша. – У Гоши – ничего.

– Итак, – продолжил я, – наш ВВП составляет три тысячи один рубль. И это значит, что сумму, много превышающую эту, нам не дадут. Так?

– Примерно, – согласился Гоша.

– Ладно, а если я тебе дам в долг три тысячи – абсолютно честная сделка, вот они, у меня в кармане. Ты их ссудишь Маше, тоже все честно, теперь и у тебя деньги есть. Маша – мне. Деньги где лежали, там и лежат, их никто даже не доставал, но теперь наш ВВП учетверился. Мало? Поехали по второму кругу...

– Дядя, но это же азы, – покачала головой Маша.

– Дальше слушайте. Это не азы, а доказательство, что современные финансы никакого отношения к реальному состоянию дел в экономике не имеют! А, между прочим, нечто вымышленное и существующее только в воображении собеседника исказить гораздо проще, чем реальное и нагло торчащее перед глазами. Вы сейчас воюете на финансовом фронте финансовыми же инструментами. А мне почему-то кажется, что здесь куда больше подходят методы информационных войн... Не размышляли на эту тему?

– Та-ак, – задумалась Маша, – а ведь действительно, при линейной связи какого-то американского банка с Россией добиться его влияния на один из двенадцати невозможно. А вот если встроить этот банк в заемное кольцо Россия – Германия – Япония, да подать это как триумф американской системы...

– Что за один из двенадцати? – не понял я.

– Региональных банков, образовавших ФРС, – объяснил Гоша.

– А что за триумф?

– Якобы он сможет влиять на политику остальных участников кольца, то есть нас, немцев и японцев.

– Если на руководство какого-то банка заранее собрать компромат, это поможет?

– Разумеется.

– Тогда список мне, пожалуйста. На все двенадцать. И, возвращаясь чуть назад... Мне тут все Тунгусский метеорит покоя не дает. Как сделать из его падения военно-техническую дезу, это даже думать не надо. Как хорошо заработать на этом – я думаю, оно вам нетрудно. А вот как превратить его в инструмент виртуального раздувания ВВП России в десятки раз –

я не знаю, но нутром чую, что это возможно! А вы?

– Можно, вот только как на экономике это скажется... – усомнился Гоша.

– Да никак не скажется! Ерунда это, как же вы в такое верите? Для дураков ведь придумывалось! Валовый продукт. А измеряется в денежных единицах! Девятый вал рисованной бумаги. Ну ведь ежу же понятно, что если я объявляю вес самолета в процентах от его же массы – это я кому-то лапшу на уши вешаю. А когда мне объявляют количество штук товара в рублях, это называется экономика! В которой деньги – тоже товар. Двадцать рублей ВВП – это и произведенный «ПФ», и сто раз перепроданная горсть семечек, и два раза перепроданная бумажка с надписью от руки «десять». Тоже мне, показатель... Такой и до триллиона раздуть не грех, при условии, конечно, что сами мы в эту херню верить не будем.

– Все это неплохо, – заметил Гоша, – но я хотел бы предложить тебе еще один эксперимент. Весьма знаковый, кстати... Что является движущей силой истории – люди или тенденции? Сейчас тут складываются очень неплохие условия для проверки. Дело в том, что решение, определившее судьбу твоего мира более чем на сто лет вперед, принимало, по доступным нам сведениям, очень небольшое число человек. Всего шесть... У нас один уже выведен из игры. Что будет, если такая же участь постигнет оставшихся пятерых? Э, не то говорю... Не такая же. У Ротшильда нужно было отобрать Баку. Ну и часть денег заодно... У оставшейся пятерки не нужно отбирать ничего, кроме их жизней.

– Ну вот, а я только хотел испугаться. С жизнью тут пока особых сложностей не наблюдается. Никого мы еще из снайперских винтовок не исполняли, так что методов защиты практически нет. А интересно вообще получается – у нас этот способ впервые применили прямые потомки тех самых людей, которых мы сейчас и собираемся малость нейтрализовать. И правильно, нефиг в Кеннеди стрелять! Я, блин, до сих пор помню, как расстроился, когда мне из телевизора сообщили о такой гадости. Вот только уточните мне – как говорится, мы можем работать быстро, дешево и качественно, выберите любые два пункта.

– Первый и третий! – выбрало его величество.

– Можно и так, – задумчиво сказала Маша, – но я бы, если можно, выбрала бы два раза первый пункт.

– Ах, да, – спохватился я, – огласите весь список, пожалуйста. А то я из этой гопы только троих знаю...

Глава 37

Придя к себе после совещания, я по инерции еще продолжал прокручивать в голове некоторые его моменты. И обратил внимание на интересный факт, который уже и раньше вроде присутствовал, но в менее заметных количествах.

Гоша с Машей в моем присутствии старались употреблять специфические финансовые термины как можно реже! И не для того, чтобы облегчить мне понимание беседы – большую часть их я все-таки знал. А потому, что чувствовали – это язык профессиональных мошенников, если не грабителей! Кажется, им было несколько неудобно... Ведь практически любой финансовый термин, если к нему присмотреться повнимательней, описывает способ снятия процента с чужой работы. Ну вот, например, слово «фьючерс».

Почему-то большинство не считает его синонимом слова «развод»...

Итак, пусть я что-то делаю – сварочные аппараты, например. Ко мне приходит мужик, которому они нужны – пусть даже с целью перепродать. У него есть магазин с соответствующим оборудованием. Мы договариваемся – он мне какой-то процент сейчас, а я ему через полгода столько-то аппаратов по такой-то цене. Оформили мы свое соглашение на бумаге или нет – на суть сделки это не влияет.

Теперь представим себе финансиста. Делать этот гад ничего не умеет и не хочет, сварочный аппарат не видел ни разу в жизни. Но сам факт – кто-то работает и не отстегивает

ему – приводит его в состояние повышенной мозговой активности. Рождается мысль – главное – не быть, а казаться! За это тоже платят. И он добивается, чтобы правительство приняло решение, что договором между мной и владельцем магазина можно ТОРГОВАТЬ. Нормальное правительство тут же законопатило бы его лет на десять, а подумав, добавило бы и конфискацию, чтоб другим не повадно. Но так как все правительства давно куплены его собратями по духу, предложение гада проходит на «ура». Он тут же берет своего кореша, и они заключают между собой точно такой же договор, как мы с владельцем магазина. Разница только в том, что у одной стороны нет и не будет магазина, а у второй вообще ничего материального быть не может, ибо он гигант мысли. Все? Нет, не все. Надо пойти в газету и попросить, чтоб написали – этот Найденев со своим партнером работают по старинке, а вот мы! Приходите, и мы от доброты душевной не только сами заработаем, но и вам дадим.

Приходит еще один такой же, покупает бумагу и перепродает ее третьему. Думаете, выгода только в марже? Если бы! В результате этой «деятельности» возникает капитализация их фирмочек. Слово это означает, что финансовым паразитам удалось убедить народ, что какое-то предприятие стоит не столько, сколько его активы (в нашем случае ноль), а совсем другую цифру. Так потом лохов доить удобнее. Все, процесс пошел...

И мне надо завтра же, не откладывая, навестить «Вольфшанце», посоветоваться со знающим человеком.

Сразу после завтрака я туда и поехал, благо недалеко, восемь километров. Под этим названием скрывался недавно построенный особняк с территорией в четверть гектара, обнесенный бетонным забором и хорошо охраняемый. Жил там один человек, прислуга приходила только днем. По документам это объект являлся тренировочной базой для десантников, и это был не самый частый случай, когда наименование соответствовало истине. Название же свое объект получил по фамилии жильца. Водитель «БМВ», бывший снайпер-контрактник Василий Акимов, в этом мире принял девичью фамилию матери и стал Волковым. Сейчас он натаскивал избранных бойцов, чтобы они потом развернули более широкую подготовку. К тому, что прямо сразу я ему полную свободу предоставить не могу, он отнесся с пониманием. Про его мать было решено, что, как только я туда соберусь более чем на несколько часов, по пути обратно захвачу и ее. А специально – зачем? – покачал головой Василий. – Так же она не стареет...

Я приехал до учеников, так что никаких занятий отменять не пришлось. Достал план Уолл-стрита с помеченным домом, три фотографии улицы с разных точек, крупный план окон кабинета на четырнадцатом этаже. Хоть решение и было принято только вчера, но уж на самого-то богатого человека Америки материала у нас не могло не быть.

Я объяснил ситуацию – мол, мы уж постарались, чтобы все пять клиентов собрались на совещание. И, значит, в процессе оно... Секретарей желательно тоже.

– Это надо минимум шесть хороших снайперов с двух точек, – вынес вердикт Василий, – и чтобы они были вооружены самозарядками. Которых у вас пока нет... А зачем вообще так сложно? Тут же народ непуганый! Трудно пушку втащить на последний этаж вот этого дома? Да и его сосед, он на фото не полностью, тоже скорее всего подойдет. Потому что после вашей акции всяко начнут принимать меры – так пусть принимают их против пушек. Успеете еще народу снайперов показать...

А ведь действительно, подумал я. Пушку наподобие сорокасемимиллиметровки Гочкиса достать не проблема и на месте бросить не жалко. Боеприпасы, конечно, нужны будут специальные – с ослабленным зарядом и специальной рубашкой, чтобы давали тучу мелких осколков. И ядом их намазать, причем не синтетическим, а из какого-нибудь мексиканского таракана или кактуса. На стволе орудия написать «смерть поработителям Мексики!» или что-нибудь аналогичное, она же сейчас за свободу борется. Или не за свободу? Ладно, потом спрошу. Правда, люди с мозгами зададут вполне естественный вопрос – а чем это вдруг той Мексике помешал Морган? Значит, заранее брошюру надо будет написать и распространить среди тамошних борцов – о том, что все коварные планы против их родины вынашиваются на Уолл-стрите. Да, кроме осколочно-ядовитых, надо

будет еще и пару зажигательных снарядов в то окошко презентовать, глядишь, что-нибудь и загорится.

Надо заранее снять в нужном доме офис или квартиру, обставить ее мебелью в стиле Людовика с номером побольше, чтобы в те шкафы легко пушка поместилась, и ждать, пока клиенты соберутся. А сделают они это обязательно, потому что уже писалась статья «заговор банкиров», где американскому народу в общих чертах разъяснялся пока еще совершенно не готовый план Моргана и компании. Но сделать все это надо будет осторожно, ибо покушаться на святое, то есть возможность делать из воздуха деньги, многократно превышающие стоимость всех реально произведенных человечеством товаров – это вам не плохо лежащий пролив прикарманить. Как только поймут, что это системная акция – сразу начнут искать, кто за ней стоит... В этом ключе приобретала особую ценность одна из второстепенных Танечкиных операций. Глава боевого отдела разгромленной партии социал-бонапартистов, Жозефина де Вилье, она же ликтор Ефросинья Вилкина, в процессе своего побега из Франции познакомилась с путешествующим по миру писателем Джеком Лондоном. А у того уже помаленьку начинается творческий кризис, не знает, о чем писать... Надо помочь. И этот, как его, Джон Рид – он вроде сейчас еще молодой, но наверняка тоже левый. Пора приучать к борьбе, однако. А вот наших брайтоновских ребят к этой возне привлекать не стоит, Россия тут вообще не должна быть замешана никоим боком. То есть приглашать надо не Алафузова, а Татьяну.

Отдав по телефону соответствующее распоряжение, я поехал к себе.

Танечка быстро вникла в суть проблемы.

– Шеф, – спросила она, – а не пострадать ли нам за компанию с Морганом? Причем даже на денек раньше него? Якобы мы тоже чем-то мешаем делу свободы Мексики, вот она нас и того...

– И кто у нас будет страдальцем?

– Вы, значит, не хотите...

– Хочу, но не могу – больно уж неубедительно получится. А вот наша акула капитализма, королева-императрица, пожалуй, сможет... Особенно если перед этим будет проворачивать какую-нибудь аферу в Америке. Я ей, пожалуй, прямо сегодня же вечером предложу подумать. А вы прикиньте, как это у нас организовать, чтобы почерк при внимательном рассмотрении оказался похож на тот, что днем позже будет в Нью-Йорке. Но только при внимательном, грубые подставы тут не пройдут.

При вечернем визите в Зимний я, как и обещал, поделился с племянницей своими планами.

– Замечательно! – восхитилась она, – а то на всех уже покушались, кроме меня! Прямо дискриминация какая-то получается. Но только способ чтобы выбрали красивый! На отравление дустом я решительно не согласна.

– Стрелять будут, – пояснил я.

– Из чего?

– Из пушки.

– Класс! – оценила идею Маша.

– Снаряд даст тучу ядовитых осколков. Один попадет в тебя, и только присутствие во дворце великого медика Найденова спасет тебя от неминуемой смерти.

– Куда попадет? – поинтересовалась Маша и начала вертеться перед зеркалом. – Это я к тому, что надо же фасон окровавленной повязки продумать и пошить ее заранее... в плечо? Или лучше в грудь?

– В попу, – предложил Гоша.

– Ладно, это мое дело, разберусь. Сколько у меня времени на подготовку?

– Три месяца.

Следующий день я начал с сочинения письма Генри Форду. Чем больше я изучал его биографию, тем с большим уважением относился к этому человеку. Даже развитие нашей автопромышленности я старался строить так, чтобы не наносить Форду лишнего ущерба.

Например, он вынужден был купить лицензию на свой конвейер. Но деньги для этого ему ссудили мы, а потом Гоша с Машей какими-то непрямыми махинациями смогли сделать так, чтобы увеличение прибылей от производства в три раза перекрыло траты Форда на лицензию. В том, что этот мир увидел «Форд-Т» на три года раньше, чем наш, была и немалая моя заслуга.

Официальным поводом для письма было уже объявленное мной желание учредить Найденовскую премию за наибольший вклад в развитие человеческой цивилизации – я предлагал ему принять участие в обсуждении статуса этой награды.

Разумеется, столь занятый человек вряд ли поедет черт знает куда, чтобы только обсуждать какую-то премию, поэтому я полторы страницы распинался о том, что готов поделиться с ним своими последними разработками, такими, как гидроусилитель руля, шарниры равных угловых скоростей и многое другое, в обмен на его советы по организации автомобильного производства в Георгиевске и Москве. Ну и намекнул про то, что занимаюсь не только естественными науками, но и их приложением к трансцендентным – в частности, получены определенные результаты в изучении реинкарнации. Да и вообще, писал я, всякие политики почем зря катаются на всевозможные встречи, а мы с вами, инженеры, чем хуже? Посидим, пивка попьем, глядишь, и еще чего придумаем.

Закончив письмо, я отложил его к отправке и нацарапал короткую записку Рябушинскому. В ней я спрашивал, не надоела ли крупным промышленным кругам, в качестве выразителя их интересов, гучковская партия. Клоуны ведь! И не создать ли им свой рабочий орган, чтобы прямо, без всяких лишних передаточных звеньев отстаивать свои интересы передо мной и императором? Для начала я предлагал собраться у меня – ему, Прохорову, Коновалову и Диксону, который, хоть и американец, но давно уже обрусел. Можно еще кого-нибудь по вашему усмотрению, писал я. Поговорим о вашем участии в реформе российского экономического законодательства.

Тут я как раз надеялся создать действительно рабочий орган, а не говорильню наподобие пресловутой «Каки», которая уже девятый месяц исходила энтузиазмом и вот-вот должна была что-то родить. Причем я хотел, чтобы промышленники составили еще и проект банковского кодекса – потому что доверять это банкирам или купленным ими экспертам означало пустить в огород голодное стадо козлов.

После написания своих документов я начал читать чужие. На сегодня у меня была пухлая папка из Аничкинова дворца – от канцелярии Мари. Там обстоятельно, нудно и бестолково описывались проблемы, проистекающие из нашего с вдовствующей императрицей бракосочетания.

Первые три листа освещали вопрос – а теперь-то она кто? Княгиня Найденова? Дальше шло рассмотрение каких-то плюсов и минусов этого.

Не дочитав даже до середины, я наложил резолюцию:

– Какая еще императрица-мать?! ВДОВСТВУЮЩАЯ ИМПЕРАТРИЦА ЕЙ ЖЕ И ОСТАЕТСЯ! Сомневающиеся приглашаются в Гатчинский дворец, кабинет 315, старший следователь господин Ли, прием круглосуточно.

Еще три листа посвящалось будущему ребенку. Типа, что будет, если он родится женского пола? А если мужского?

– Ваше счастье, что хоть возможность появления бесполого рассматривать не стали, – написал я. – Кто родится, тот и родится, тогда и думайте.

Последняя страничка была про меня – в смысле, как меня теперь называть? Принц-консорт – не годится, это супруг правящей императрицы... Принц-недоконсорт, написал я. Произнес про себя, прислушался – нет, что-то не то. Может, лучше недопринц-консорт? Пожалуй, так еще хуже. Подумав, я зачеркнул «недоконсорта» и написал «князь-консорт». Парадное обращение – «ваше неимператорское величество», повседневное прежнее. Потому что на самом деле это без разницы, как нам с Мари называться внутри России – кто мы такие, тут уже и так неплохо знают. А если придется выходить на международную арену, то ближе к делу можно будет и подкорректировать названия под текущие реалии, все равно

сейчас всего не предусмотритишь. Но вот вопрос, кого сватать ирландским революционерам в качестве конституционного монарха, нужно было начинать обдумывать уже сейчас. То, что на этом троне окажется Мари, объявлять, пусть и строго секретно, было еще преждевременно. Пусть пока знаменем борьбы станет еще кто-нибудь, а ближе к финалу он тихо отойдет в сторонку. Мол, форс-мажор, так что извините и принимайте королеву Дагмару. Какой-нибудь немецкий принц без надежды на престол? Что-то оно не очень... Русских и вообще славянских даже не рассматриваем. Так ведь и нет больше никого, не испанцев же сюда приплетать! Стоп, а почему не французов? Причем не этих, сынов людовиковых, а потомков Бонапарта! Он ведь был горячим сторонником независимости Ирландии и даже успел что-то там начать, но вот закончить у него не получилось. Первый раз такое слышите? Обратитесь через недельку, к тому времени информбюро уже успеет найти соответствующие документы. Надо только подумать, какой будет лучше – написанный еще в Версале или уже на святой Елене? Оба, подумал я. Не будем мелочиться, а то вдруг возникнут какие-нибудь сомнения в подлинности! Кстати, тогда, может, на эту роль и Фрося сойдет, она ведь позиционирована как праправнучка Жозефины Богарне? Надо проконсультироваться со специалистами, почесал я в затылке. А кто у нас тут главный по Наполеону? Разыщу-ка я Тарле, пригодится, надо прямо сейчас в блокнот записать.

Но все-таки, а под каким предлогом уже почти сидящий на ирландском троне кандидат вдруг от него откажется? Хотя бы та же Фрося. Можно, конечно, сказать, что она подорвала здоровье в борьбе... Нет, не годится, на трон лезут независимо от подагры или диареи, бывает, что иногда и вовсе не приходя в сознание. Тогда что? Патриотический порыв! Мол, в процессе борьбы я поняла, что не смогу мирно править Ирландией, в то время как моя прекрасная родина стонет под игом продажных демократов! И, если у Франции действительно хватит мозгов ввязаться в войну с Германией, то ведь после войны на трон нашей из оставшихся от той Франции двух половинок все равно придется кого-то сажать.

Так что завтра же повышаем Фросю до центуриона и садимся писать развернутые инструкции. Кстати, в них надо не забыть указать, что у Джека Лондона теперь есть богатейший выбор, чьей борьбе за свободу он будет сочувствовать. Ну не мексиканской же, в самом деле...

Глава 38

В городе Гелиболу, что находится на Галиполийском полуострове, появилось два странных господина. Они приплыли туда на маленькой яхте под названием «Пенелопа-гну» и сразу же развернули кипучую деятельность. Старший из них, лицо с неясным гражданством и сын турецкоподданного Остап Ибрагимович Бендер, во всеуслышание объявил, что он является прямым потомком Одиссея, а здесь намерен отыскать запряганные его хитромудрым предком сокровища, в свое время украденные тем у Лернейской гидры. И показывал всем желающим самолично нарисованную Одиссеем карту с крестиком. Причем делал он это не и любви к искусству, а с целью основать акционерное общество – по его сведениям, сокровищ тут много и одному не унести.

Его младший двоюродный брат, Егор Тимур-оглы, тоже был чьим-то сыном и имел какое-то гражданство, а данным tandemом занимался тем, что проводил разъяснительную работу с более или менее перспективными клиентами. Он объяснял им, что сокровища допотопной гидры – оно, конечно, неплохо, но мелко. Действительная цель акционерного общества гораздо масштабней и прибыльней. Ведь посмотрите, что делается! Англичане того и гляди сцепятся с русскими, и начнется. Босфор у России, и никого из союзников англичан туда в случае чего не пустят. А Дарданеллы – у англичан, а, значит, тут не светит уже русским и их друзьям. Нейтралов же вообще не пустят ни туда, ни сюда, и это значит что? Правильно, колоссальные убытки. И, чтобы их избежать, многие будут готовы раскошелиться. А в процессе поиска сокровищ здесь нетрудно и прорыть канал в обход Дарданелл, всего-то шесть километров при низком рельефе. Остается Босфор. Тут младший

брат делал значительное лицо и показывал цветную фотографию, на которой он был снят с Найденовым в Александровском саду, на фоне какой-то статуи. И объяснял, что с русским канцлером его связывает нежная дружба, в силу чего договориться о проплыве Босфора будет не очень дорого, а для акционеров так и вовсе почти бесплатно. Главное же (тут оратор прикладывал палец к губам) в том, что этот канал тому самому Найденову и нужен! Для того, чтобы его флот в любой момент мог оказаться в Средиземном море, минуя Дарданеллы и засевших там англичан. Но афишировать свое участие канцлер не хочет, поэтому на начальном этапе и нужны акционеры. Ближе к делу он выкупит их паи по десятикратной цене! Не верите? И зря, спросите кого хотите – Найденов человек не бедный и не жадный. Вон, немец Цеппелин, до знакомства с Найденовым и на один-то дирижабль денег не имел, а сейчас богатейший человек Германии! Разве что Крупп богаче его, да и то потому, что недавно он тоже с русскими связался. В общем, уважаемые, не упустите свой шанс, такое бывает далеко не каждый день.

Смысл этой деятельности состоял в постоянно ухудшающемся состоянии нашего хлебного экспорта. Не то чтобы я сильно надеялся, будто мне дадут прорыть эту канаву, но нужно было что-то, от чего я, движимый стремлением к миру, так уж и быть, готов отказаться, если попросят. Ну и сделают встречные шаги, разумеется...

Пятнадцатого июня произошли, так сказать, массовые роды. Сначала, почти с самого утра, «Кака» разродилась-таки проектом конституции. Проект был практически мой, главное – ни про какое всеобщее и равное избирательное право там не было и речи. Даже на уровне местного самоуправления грядущему Крестьянскому съезду было поручено продумать, как не допустить в избиратели откровенных бездельников, люмпенов и просто пьяниц. На губернском уровне избирательные права мог получить каждый, прошедший специальный курс политграмоты и сдавший экзамен. Причем для отслуживших в армии этот кус предполагался бесплатным, а по ходатайству командира части еще и со стипендией. Остальным же желающим принять участие в реализации своего избирательного права предстояли расходы. Наконец, при выборах в высшие имперские органы был предусмотрен еще и имущественный ценз. Проект был отправлен нашим экспертам – отличия от исходного варианта хоть и были малозаметными, но их предстояло проанализировать – а не является ли какое-то из них хитро замаскированной миной? После чего проект будет либо подписан императором, либо возвращен на доработку.

А вечером, то есть уже почти ночью, вдовствующая императрица родила дочь по имени Анастасия. Опять дочь, подумал я, велел срочно нарвать каких-нибудь цветов на клумбах и помчался в Зимний.

В комнате роженицы уже толпились Маша, две явные кормилицы (а иначе зачем им такие сиськи) и еще какая-то пожилая тетка. Меня заставили надеть халат и отобрали цветы. После чего запустили...

Мари выглядела весьма неплохо. Я поздравил ее, наябедничал про цветы и попросил дать посмотреть дочку. Пожилая тетка протянула мне сверток с торчащей оттуда сморщенной рожицей. Весил этот сверток килограмма три с небольшим. Оказавшись у меня на руках, рожица открыла глаза, окинула меня вполне осмысленным взглядом и разоралась.

– Хорошая дочь, – кивнул я и вернул ее тетке. – Только вы ее тут не перекормите? А то как бы ей много не оказалось...

Я еще раз покосился на внушительное вымя ближней ко мне дамы.

– Я же тебя не учу, как правильно к чему-нибудь прикрутить гайку или кому-нибудь открутить голову? – осведомилась Мари. – Вот и не надо тут нас учить. И смотреть, кстати, следует уж точно не туда, куда ты... В общем, займись, пожалуйста, чем-нибудь полезным, а я устала, да и вообще нам с Настей спать пора. Завтра приезжай, и желательно не на ночь глядя.

Я поехал к себе – у меня еще оставались недочитанные бумаги на хлебную тему. Специфика же состояла в том, что поручить это экспертам было нельзя. Дело в том, что наметились явные расхождения истории нашего мира и этого, причем в той области, куда я

почти не вмешивался.

Итак, в нашем мире Россия голодала три года подряд – 1906, 1907, 1908. Максимум пришелся на седьмой год. Здесь же этого не было! И, как это ни странно, помогла в этом черноморская война. Обидевшиеся англичане различными методами резко сократили нам фрахт судов для хлебного экспорта, создавали нашим кораблям препоны в проливах, гадили по дипломатическим каналам... В результате хлебный экспорт упал в четыре с половиной раза. Чтобы не допустить обвала цен, правительство скупало часть хлеба для создания стратегических запасов – и, кажется, помогло... Более того, хотя седьмой год только начался, но эксперты, хотя и неуверенно, предрекали нормальный урожай.

А ведь действительно, подумал я, если после голодной зимы наступает не менее голодная весна, то часть крестьян ведь будут еле таскать ноги! А часть и вообще помрет. Вот вам и причина для грядущего неурожая...

Пока наши потери от сокращения хлебного экспорта перекрывались поступлениями от продаж лицензий и хайтека. Но только для государства, а не для частных лиц... Дело в том, что с хлеба государство имело только налоги, основные суммы оседали в карманах хлеботорговцев. А с техники большая часть шла, наоборот, государству...

В общем, по прочтении у меня сложилось впечатление, что признаков катастрофы в этом вопросе не просматривается.

С Крестьянским съездом все было нормально, зимой прошли выборы, и делегаты уже начали съезжаться в Питер.

Гоша слегка поумерил реформаторский пыл Столыпина, и теперь у нас реформа шла плавнее, чем в известной мне истории. Она началась не по всей России, а в избранных губерниях, там, где затевались большие стройки. Далее крестьянский съезд должен был обсудить получившиеся результаты, внести необходимые коррективы в курс и освятить продолжение реформы своим авторитетом. То есть этот съезд должен стать не цирком, как первый Собор, и не водевилем, как второй, а по возможности рабочим собранием. Ну, посмотрим, зевнул я. Ладно, пока перерыв в сельскохозяйственных вопросах, послезавтра ко мне приезжает Генри Форд.

Встречать его в порт я поехал лично, причем не на бронированной, а на обычной «Оке». Мне хотелось произвести впечатление высокой (по местным меркам) удельной мощностью машины – сорок пять лошадей на восемьсот килограмм веса, а также ее отличной (опять же по местным стандартам) управляемостью. И это удалось – по приезду в Гатчину Форд отказался отдыхать с дороги – мол, уже больше недели только этим и занимается – а попросился за руль. В результате вокруг дворца час происходили покатушки – на обычной «Оке», на бронированном лимузине, на армейском броневишке, на «Чайке», нормальный выпуск которых уже начался, потом на всех трех имеющихся в России разновидностях мотоциклов. Вообще-то их тут было больше, но свою «сибиэрку» я ему показывать не стал.

Как и следовало ожидать, Форд, хоть и восхитился отличными ездовыми качествами «Оки», наиболее внимание обратил все же на «Чайку» и самый маленький из мотоциклов. Это был скорее зародыш скутера, с вариатором, автоматическим сцеплением и рамой вроде как у дамского велосипеда – он отличался феноменальной простотой управления. Ручка газа, два тормоза – вот все, что должен был освоить водитель. За обедом я рассказывал об особенностях конструкции моих машин, а после него мы отправились на аэродром. Там Форду предстояло ознакомиться с еще одной разновидностью автомобиля – воздушной.

Как я уже упоминал, наш «Тузик» был модернизирован путем замены двухтактного мотора на трехцилиндровую четырехтактную звезду и теперь занимал у нас примерно ту же нишу, что и По-2 в СССР – маленький универсальный самолетик на каждый день. В числе прочего имелась разновидность с закрытой кабиной, которую я и собирался показать.

Как выяснилось, моему гостю уже доводилось летать на самолете – американском аналоге нашего «Святогора». Ну что же, подумал я, тем разительнее будет контраст, и пригласил автомобильного гения Америки в кабину. Дождался, пока тот закроет дверь,

качнул рычаг подсоса, нажал кнопку электростартера... Как офигел Форд, это надо было видеть.

Взлетев после короткого разбега, самолетик начал бодро набирать высоту. Я полетел на юг, там у меня был приготовлен небольшой сюрприз.

В закрытом салоне вполне можно было разговаривать, и я, полуобернувшись к пассажиру, поинтересовался:

– Ну, как оно вам? Себе такое приобрести не хотите?

– Сколько он стоит?

– Тысячу двести долларов.

– Что!? Или это цена специально для меня?

– Почему, для всех... А чего это вы малость охрипли, не простудились ли, может, печку включить?

– В горле пересохло, – признался Форд.

Это как раз было понятно, меню обеда и составлялось для достижения примерно такого результата.

– Да, и мне что-то пить захотелось, наверное, после селедки, – поддержал его я. – Может, кваску отведаем? Что там у нас внизу...

На самом деле я точно знал, что внизу московское шоссе и через километр будет трактир, владелец которого был уже предупрежден о грядущем визите, агенты сообщили мне точные ориентиры посадочного участка и озаботились безопасностью спектакля.

– Ага, – продолжил тем временем я, – вот это очень похоже на трактир! Может, сядем, кваску выпьем? Как, вы еще кваса не пробовали? Тогда точно надо сесть.

Я довольно резко свалил машину на крыло, и через минуту, пробежав по земле метров пятьдесят, она уже стояла перед трактиром. Я вылез и подождал, пока Форд последует моему примеру. Его слегка качало, но держался он хорошо.

Владелец заведения был уже предупрежден, что выпрыгивать из шкуры в приступе подбострастия не нужно, и спокойно осведомился, чего желают господа. Правда, полную достоверность картины малость портили до предела выпученные глаза трактирщика и легкое заикание речи, но в остальном он успешно делал вид, что мимоходом залетевший выпить кваску канцлер для его заведения обычное дело. Типа и не такие прилетали. Зал был почти пустой, только в углу пара из шестого отдела изображала из себя случайных посетителей.

Выпив квасу, мы взлетели и легли на обратный курс.

– Ваш самолет может пользоваться огромным спросом в Соединенных Штатах, – заявил мне Форд еще по дороге с аэродрома. – Это фантастика, практически он может взлетать с любого двора и в нем же приземляться... А каков ресурс его мотора?

– Пятьсот часов.

Цифра была убойной, ибо американские авиационные двухтактники имели максимум пятьдесят. Когда же Форд узнал, что дальность полета «небесного автомобиля» составляет пятьсот километров, он был добит, как ему казалось, окончательно. Но я невинным тоном продолжил, что мы летали на люксовой модели, а простейшая, без электростартера, печки и с открытой кабиной, стоит всего восемьсот пятьдесят. Так дорого – это потому, что они пока выпускаются малой серией, по две штуки в день. Но через пару месяцев заработает малый конвейер на Московском авиазаводе, где их смогут штамповать в двадцать раз больше и как минимум в полтора раза дешевле.

– Если бы вы хотели просто торговать этими машинами, – поделился своими мыслями Форд, – так вы бы уже торговали, я вам для этого не нужен. А раз я здесь, то, скорее всего, вы хотите организовать совместное с «Форд мотор компании» производство в Соединенных штатах... Я согласен.

– С чем?

– С вашими предложениями, которые вы наверняка сейчас собираетесь сделать. Перед визитом к вам я внимательно изучил схемы вашего сотрудничества с господином Цеппелином, и меня такое вполне устраивает.

Эх, подумал я, правильно говорили, что Форд не акула капитализма, а просто талантливый инженер и организатор. Ведь с Цеппелином все было несколько не так! В момент нашего с ним знакомства граф был почти разорен, а фордовские заводы сейчас вполне успешны. Но, как говорится, желание клиента для нас закон, так что как он хочет, так и сделаем. А вообще с ним приятно иметь дело, схватывает все буквально на лету – только успели приземлиться, а он уже сам предлагает мне сотрудничество..

Теперь предстояло учинить развод клиента на бабло. Не надо гнусно ухмыляться, в этом мире данное понятие означает вовсе не то, что вы подумали! А всего лишь вход клиента в бабловую зону.

Представьте себе, что вы изобрели, например, новую мышеловку и хотите развернуть ее серийное производство, а денег на это у вас нет. До недавнего времени перед вами было два пути: взять кредит в банке или основать акционерное общество. Второй путь при отсутствии у вас начального капитала приведет к тому, что через весьма короткое время вы в своем предприятии будете хорошо если главным инженером. Первый в принципе может и привести к успеху, но надо быть готовым к тому, что крови из вас тот банк попьет так, что мало не покажется – от души, с причмокиванием и выделением кишечных газов. А если ваша мышеловка покажется ему перспективной, так он оставит в ране катетер в виде принудительно подсунутого члена совета директоров.

Но все будет несколько не так, если вы войдете в бабловую зону. Правда, кого попало туда не пускают, вам сначала придется убедить его контрольный совет в том, что предлагаемая мышеловка очень нужна странам-участницам. Итак, они убедились, и вам выделяется бабловый кредит. Процент по нему невелик, фиксирован и зависит от степени важности финансируемого проекта – для особо важных он просто равен нулю. На эти деньги вы можете покупать продукцию входящих в зону предприятий. А в качестве ответной меры вы будете обязаны продавать часть будущих мышеловок за то же бабло...

И дело для меня было вовсе не в прибылях от продажи самолетов в Америке. Я собирался устроить на тамошних заводах обучение наших рабочих, как это уже делалось на некоторых предприятиях Цеппелина и Круппа. Ну и ввести там широко используемую нами фордовскую практику, при которой рабочие являются акционерами своего предприятия.

Потому что хорошие отношения между Россией и Германией были только немного облегчены тем, что Вилли подружился со мной и увлекся Танечкой. Базировались же они на постоянно растущем числе мелких акционеров совместных предприятий. И теперь, если какая-нибудь газетенка, например, начинала что-то вякать против русско-германской дружбы, достаточно было подчеркнуть наиболее выразительные места, приписать пару комментариев и отнести это на соответствующий завод. Все дальнейшее рабочие делали сами – что у нас, что в Германии.

Поэтому Форд мог потребовать у меня и заметно более выгодных условий. Но, как я уже говорил, акулой капитализма он не был. Впрочем, подумал я, это, наверное, и хорошо – не в шкурном смысле, а именно в долговременном плане.

Уже поздним вечером мы вскользь затронули и тему профсоюзов.

– Зря вы терпите на своих заводах эти ненужные наросты, – сказал мне Форд.

– Ну почему же? Всегда возможны трения рабочих с администрацией, так пусть они происходят по заранее созданному регламенту. Зачем мне еще куча управленцев, с функциями которых рабочие справляются не хуже и на энтузиазме? Тут, наверное, дело в том, что при ваших реалиях руководство любого профсоюза будет мгновенно куплено и начнет под видом интересов рабочих отстаивать нечто совсем другое... У нас в России несколько иные условия.

Вообще-то эти условия отличались от штатовских наличием ДОМ-а, шестого и седьмого отделов. Любой желающий купить или как-то иначе повлиять на руководство георгиевских профсоюзов неизбежно наталкивался на представителей этих структур. И потом он становился либо горячим, до конца жизни, сторонником свободы профсоюзов по георгиевскому образцу, либо тихо и бесследно исчезал. Впрочем, внедрять такую систему на

американских предприятиях было несколько преждевременно...

Глава 39

Я слушал кайзера, и меня помимо воли одолевали воспоминания ранней юности. Вы представляете себе, как организуют день рождения ребенка в еврейских семьях? В общем случае я тоже не очень, потому как могу судить только на примере одной семьи – а именно моего соседа по коммуналке Бори Фишмана.

Боре, кажется, стукнуло семь лет. Были приглашены важные тети с маминой работы (а она трудилась замом главбуха «Красного октября») и не менее важные дяди с папиной. Где трудился его папа, Боря мне тогда не говорил, и я был искренне убежден, что тот либо космонавт, либо разведчик – а иначе почему нельзя говорить про его работу, да и где его носит по два-три месяца каждый год. Правда, со временем выяснилось, что Боря просто не мог запомнить название папиного института – я, например, это и гораздо позже не смог. Гипро нии что-то там фармахим... Но вернемся к тому дню рождения.

Итак, дядей и тетей там было достаточно. Из детей же был один я, и то только потому, что жил в соседней комнате и не пригласить меня было ну никак нельзя.

Дяди с тетями откушали чего-то из бутылок и приступили к беседе. И тут я сделал страшное открытие, подорвавшее в моих глазах устои до того ясного, светлого и прекрасного мира. Потом я таких открытий делал много – когда сам, а когда и с чьей-то помощью, и в результате стал тем, кем стал – то есть старым циником. Но тот шок я запомнил, ибо он был первым.

Оказывается, коллектив фабрики «Красный Октябрь» работал вовсе не для того, чтобы обеспечить нас с Борей, ну и других детей Советского Союза прекрасными конфетами! На вкус конфет персоналу фабрики было глубоко наплевать, они даже и в рот не собирались брать эту дрянь. А волновала их – вы только подумайте – какая-то КВАРТАЛЬНАЯ ПРЕМИЯ! И еще трудности с коньячным спиртом. Помнится, я потом две недели переживал, да еще год после этого не мог есть шоколадные конфеты...

Так вот, я слушал Вилли и вспоминал себя полвека назад. Во всяком случае, обида кайзера на несовершенство мира была почти столь же детской.

А случилось всего лишь то, что образованное с нашей подачи гестапо наконец-то представило ему развернутый доклад об источниках финансирования проанглийских и антироссийских настроений в германском обществе. С нашей, кстати, помощью представило, без нее они бы еще колупались не меньше года.

Нет, кайзер, конечно, знал об отдельных случаях принятия весьма крупных сумм его политиками. Но считал их именно отдельными, единичными примерами моральной нечистоплотности отдельных людей. Представленные же ему материалы доказывали, что это система, причем давно налаженная и отлично работающая.

Ну, раз уж Вилли до таких лет продолжает страдать идеализмом, подумал я, то будет просто грешно этим не воспользоваться – естественно, с пользой для обоих. Потому в ответ на его недоумение, как это вообще может быть, я пояснил:

– А в Англии очень удобное политическое устройство. Для контактов с республиками наподобие Франции или Штатов они демократы с вековыми традициями парламентаризма. А в общении с монархиями имеют полную возможность прикинуться точно такими же, хотя действительности это не соответствует. Я, например, уверен, что Эдуард вообще не в курсе всей этой мерзости...

Тут я беззастенчиво лакировал действительность. Точных сведений о том, что знал и чего не знал король Эдик, у меня не было в силу полной неинтересности данного вопроса. Но я видел его хитрую морду и даже имел с ним краткую беседу, так что теперь был убежден, что уж в чем-чем, а в идеализме его подозревать никак нельзя.

– Видите ли, дорогой Вилли, – продолжил я, – на троне в принципе может оказаться любой человек. Умный или глупый, смелый или не очень, честный как вы или проходимец

как не будем говорить кто. При демократии на самый верх тоже может пролезть и умный, и глупый, и смелый, и трус... Вот только честным человеком он не может оказаться никогда. Вы только послушайте, чего обещают политики в своих предвыборных речах! До такой степени идиотов, чтобы самим в такое верить, в природе быть не может. Или рассказ Марка Твена почитайте, «как меня выбирали губернатором»... Поэтому две монархии могут строить долговременные отношения, основываясь на доверии к друг другу. Если, конечно, во главе них стоят достойные люди. А вот верить демократиям – это... В общем, это ни к чему, все равно надуют, особенно если у них в этом вековые традиции. И не пойти ли нам им навстречу?

– Сделать вид, что между нами пробежала черная кошка?

– Вот именно. И еще я вас хотел попросить... Понимаете, они же все-таки профессионалы и все деньги на одну лошадку ставить не будут никогда. Мало ли, вдруг что сорвется? Поэтому надо подстраховаться. Вы не обращали внимания, что круг знакомств вашего старшего сына несколько расширился?

– Что?! – привстал кайзер.

– А вот то самое. Нет, вербовать его никто не вербует и даже намекать про то, что с вами может случиться несчастный случай, никто не будет. Просто помаленьку направляют мысли в нужную сторону, и все.

– У вас что, есть материалы о готовящемся на меня покушении?

– Только косвенные. И, предваряя ваш вопрос, я готов вам их показать. Но только – поймите меня правильно! – они получены от действующего агента. И, если англичане догадуются, от кого именно, будет очень нехорошо. Поэтому вы уж, пожалуйста, постарайтесь ни с кем не делиться своим возмущением.

– И подробности покушения на вашу супругу, при котором погиб Ники, вы тоже не обнародуете по этой причине?

– Совершенно верно, – кивнул я.

Действительно, Рейли сидит давно и плодотворно, признаться готов где угодно и в чем угодно, а уж в действительно имевших место событиях тем более. Но еще один Рейли вдохновенно трудится на юге России, создал уже две партии и резидентуру в Николаеве, так что отвлекать его от этой деятельности на какие-то признания совершенно не хочется. Ничего, это все можно будет устаканить со временем...

Про подготовку же покушения на кайзера я, мягко говоря, слегка преувеличил, но почему-то мне шестое чувство говорило, что в правильном направлении. Судите сами – есть у нас в Генштабе некто Янушкевич. И у него есть племянник, дурак, завербованный англичанами, причем не Паксом, а Форин Офис. Ведет он себя так нагло, что не взять его – это значит навлечь на себя подозрения в какой-то игре. Ну, и взяли идиота. Никакой ценности он сам по себе не представлял, нам был на всякий случай нужен для подготовки дела его дяди, но на одном из допросов он вдруг упомянул, что ему предложили съездить в Берлин. Зачем, он не знал, и был тут же опущен этажом ниже, то есть в седьмой отдел. Еще когда его туда вели, он вопил, что сотрудничает со следствием от всей души и готов признаться во всем, так что к нему даже не пришлось применять физических мер. В общем, голубчик под диктовку накатал признание, что ему поручили съездить в Берлин и убить кайзера. Именно эти бумаги я Вилли и показал.

– Не факт, что у него получилось бы, – прокомментировал я, – но даже в случае неудачи выгода несомненная. Ведь русский же! А уж в случае удачи... Так что еще раз прошу обратить самое серьезное внимание на вашу охрану.

– Послать специалистов на стажировку к вам, разумеется, можно?

– Вне всякого сомнения, только лучше нелегально, как шпионов. Мы их тут арестуем, подучим и отправим к вам, в обмен на наших – я вам собираюсь пару человек выделить для инспекции и консультаций на месте. Тоже нелегально, и вы их тоже арестовывайте... А потом обменяем тех на этих. И, значит, как договорились – визит сокращаете до двух дней, на аэродром вместо меня вас провожает Михаил, вы же всем видом демонстрируете

раздражение. По рукам?

Мы пожали друг другу руки, и Вилли отправился к Танечке, а я – спать, потому что на встречу с кайзером мне пришлось идти чуть ли не прямо с самолета, я только утром вернулся с севера, куда меня занесло на предмет торжеств по присвоению поселку Найденовка статуса города Найденовск. Вообще-то это был Мурманск, но поселок на его будущем месте так обозвали без всякого участия сверху, и Гоша решил, что не стоит разводить путаницу. Ну и вообще...

Назвать это городом пока было некоторым преувеличением, но вот морской порт, аэродром и железная дорога там уже имелись. Так что мне пришлось толкать речь о том, что отсель Россия будет произрастать богатствами Сибири на страх агрессору, в силу чего город ждет невиданное процветание. Потом – ругаться с Макаровым, который опять плавал куда-то на «Ермаке» и вернулся совершенно больным. Ну пожилой же он и раненый японцами вдобавок, куда же его черти несут на старости лет! Молодые пусть плавают, тот же Вилькицкий, например. Степан Осипович вяло отбrehивался в том смысле, что некоторые уж во всяком случае не моложе и тоже раненые тем не менее сюда не на поезде приехали, а прилетели на «Кошке», причем не пассажирской, а армейской. Потом махнул рукой и познакомил меня с последним докладом Вилькицкого. Оказывается, в Ледовитом океане уже появились земля Макарова, Георгиевская земля и остров Маслачак. По его пометкам на карте я сделал вывод, что именем Макарова обозвали Северную землю. Что из известного скрывалось под именами величества и светлейшего высочества, я так и не понял.

Пока это была разведка Севморпути, но уже достраивалась серия линейных ледоколов по типу «Сталин» – два в Питере и один в Японии, причем первый из питерских обещали спустить на воду этой осенью, а японцы свой – и вовсе на днях. Так что скоро нашим английским друзьям придется чесать в затылке на тему того, что японский флот при необходимости может оказаться в Атлантике, а наша Балтийская эскадра – на Тихом океане, причем без всякой возможности вмешательства с их стороны.

С утра я отправился в Зимний, где первым делом навестил Мари – теперь в число моих обязанностей входило минимум раз в неделю повосхищаться дочкой. Прodelав этот ритуал, я предложил Мари пройти в кабинет, где спросил:

– Ты со своей сестрой, которая замужем за Эдиком, вроде еще поддерживаешь какие-то отношения?

– Поздравляем друг друга два раза в год. А что?

– Да вот думаю, не написать ли тебе ей письмишко. Мол, мне тут доложили, что расследование показало непричастность королевской четы к гнусному преступлению трехлетней давности. А мы все-таки сестры, может, как-нибудь встретимся? Только не в Англии.

– Она действительно ничего не знала?

– Да, это мы уже можем сказать почти наверняка. Да и неважно оно, по большому счету...

– Тогда ты лучше расскажи, чего хочешь достичь, а там уж и будем про письмо думать.

– По моим сведениям, королю Эдику осталось жить два года и десять месяцев. А потом помрет...

Мари пристально посмотрела на меня, но ничего не сказала.

– А нам это не очень нужно, – продолжил я, – потому как его наследник Георг для нас хуже. Так что надо как-то донести до короля, что известный я уж не знаю кто Найденов прозрел дату его смерти, список текущих болячек для доказательства серьезности этого прилагается. И видит в том, чтобы такого исхода не допустить, хороший повод для улучшения русско-английских отношений, а то их нынешнее состояние буквально терзает его миролюбивую душу.

– Может и пройти, – задумалась Мари, – во всяком случае, когда Вильгельм начал как-то работать парализованной с детства рукой, это произвело серьезное впечатление. Да и про мой вид сестрица уже спрашивала, и я ей, змее, написала, что ты изобрел лекарство от

старости.

Кстати, легенды про это ходили уже года два – больно уж заметно помолодела Мари. Причем данные легенды понемногу конкретизировались – оказывается, для обретения молодости с этим Найденовым надо переспать! Пришлось даже создать в шестом отделе специальную группу, которая отлавливала претенденток на дальних подступах и давала им хорошего пинка в направлении от Гатчины, а информбюро озадачить распространением контрслухов. Мол, излечение от старости происходит вовсе не так, как вы, идиоты и идиотки, думаете, а путем облучения из специального аппарата наподобие рентгеновского. Вон, генерал-адмирал как цветет, так что, по-вашему, Найденов и его тоже?! Это, знаете ли, тянет на червонец по статье «оскорбление величества». Но вообще такие слухи несколько затрудняли контрразведывательную работу – поди разберись, эта конкретная дура рвется к канцлеру по личной инициативе или по заданию руководства.

– А ведь может получиться интересно, – продолжила Мари. – Дело в том, что сестра давно еще мне писала, что ее благоверный боится смерти несколько более, чем считается приличным для джентльмена... Но с письмом – это, пожалуй, будет излишне прямолинейно. Знаешь, а пришли-ка ты ко мне Танечку.

Вызванная мной Татьяна перед отъездом в Зимний, к Мари, вручила мне интересный документ. Оказывается, Паксу пришла докладная записка от некоего Уолтера Фрира из Корнуолла. В ней говорилось о желательности установления контактов между православной и англиканской церквями, и Пакс, оценив эту идею, родил свою концепцию.

Согласно его размышлениям, давить Россию по стандартной методике, то есть путем провоцирования войны с кем-нибудь из соседей с одновременной стимуляцией революции внутри страны, получается не очень хорошо. Значит, нужно разнообразить арсенал воздействия! Ведь, согласно многим авторитетам, одной из основ неколебимости России является православие. И, значит, необходимо разработать комплекс мер, направленных на приобщение руководства российской церкви к западным ценностям. Что интересно, тут уже упоминался экуменизм.

А ведь точно, подумал я, чего это они нашим епископам денег-то не шлют? Нехорошо. Во-первых, эти чистосердечные взносы никак не окажутся лишними в нашей экономике. Во-вторых, те из них, что не будут сразу же пожертвованы на различные богоугодные дела, сослужат ничуть не меньшую службу. Ибо сейчас высших иерархов церкви при необходимости можно было привлекать в основном за спекуляции землей, разврат и мужеложество, что было не всегда удобно в идеологическом плане. А теперь, значит, Пакс их мне любезно подводит под пятьдесят восьмую статью... Какой приятный человек, надо будет, пожалуй, некоторое время воздержаться от пакостей в его адрес. А насчет сути вопроса – это они пускай себе на здоровье развлекаются. Я отлично помнил, что в нашем мире при активнейшей поддержке сверху подобные настроения были с трудом привиты только в некоторых приходах больших городов, а сельский батюшка за слово «экуменизм» запросто мог и благословить в рыло.

Надо сказать, что вся моя текущая, если так можно выразиться, дипломатия была направлена на то, чтобы англы по-прежнему продолжали сколачивать военный блок из Франции, Австрии и Италии, не теряя надежды поссорить нас с немцами. Потому что как только они поймут недостаточность этого, они тут же, забыв мелкие разногласия, упадут в объятия Соединенных Штатов.

Так вот, тут я ошибался. Лондон придумал стратегию получше, но узнал я о ней, к сожалению, значительно позже и уже по результатам первых ее шагов...

Глава 40

В конце июня в Москве открылся Крестьянский съезд, и мы с величием слетали на эту премьеру. С аэродрома Гоша поехал в Кремль, а я на катере поплыл к себе в Нескучный. Встретились мы на следующее утро, когда император произносил речь, я же наблюдал за

общей обстановкой.

Уже само место проведения съезда – Александровский зал Большого Кремлевского дворца – должен был показать всему народу, какое значение придает император этому событию. Речь же величества только еще более подчеркнула это.

– Господа, – заявил он, – я рад приветствовать здесь достойнейших представителей русского крестьянства – сословия, веками являющегося стеной хребтом России.

Я со своего балкона наблюдал, как достойнейшие представители были полностью деморализованы сложнейшим выбором – то ли им пялиться во все глаза на окружающую со всех сторон роскошь, то ли на императора в парадном мундире... Внимательно слушали немногие, и специально выделенные для этого сотрудники фиксировали их как наиболее перспективных.

Гоша тем временем продолжал:

– Вопреки традициям я начну не с пожеланий успеха, а с того, что еще раз обрисую стоящие перед вами трудности. Первая из них состоит в том, что вам придется принять судьбоносные для страны решения. Ошибаться тут нельзя, и вовсе не потому, что я, не думая, буду утверждать любой принятый здесь документ.

Император помолчал, чтобы сконцентрировать внимание аудитории на сказанном далее:

– На мне лежит ответственность за нашу страну, и я буду утверждать только те ваши решения, которые заведомо не нанесут ей вреда. Но конфронтация власти с людьми, которым крестьянство доверило стать выразителями его интересов, тоже нанесет России немалый вред... Подумайте об этом. Требования же власти просты. Съезд должен найти такие способы решения крестьянского вопроса, которые удовлетворяют следующим двум требованиям:

Первое. От их принятия товарность сельского хозяйства должна повыситься. Сейчас она находится на недопустимо низком уровне, который ставит под сомнение дальнейшее существование России как великой державы. Поэтому вариант отобрать землю у помещиков и просто распределить ее по общинам я прошу вас даже не рассматривать, ибо он обязательно приведет к снижению товарности.

Второе – и, пожалуй, более трудное. Не надо увеличивать количество нищеты! Ее и так у нас более чем достаточно. То есть проекты реформ без социальной защиты лиц, оставшихся в результате них без средств к существованию, тоже рассматриваться не будут. А такие лица обязательно появятся, даже если дележ будет всего лишь между двумя деревнями...

Гоша сделал глоток воды из стакана и улыбнулся собравшимся:

– А вот теперь позвольте мне пожелать вам успеха в вашей нелегкой работе. Поверьте, я буду с огромным вниманием следить за происходящим в этом зале... До свидания на заключительном заседании, господа.

Чтобы господа немного пришли в себя, им был предоставлен пятнадцатиминутный перерыв, после которого должны были начаться выборы руководства съездом, а мы с величеством поехали ко мне в Нескучный – Гоша до сих пор так и не удосужился побывать в моем московском доме.

– А ничего тут у тебя, я ожидал худшего, – сообщило величество по окончании осмотра. – Мне говорили, что канцлер в Москве вообще чуть ли не в собачьей конуре живет! Да и то делит ее с тремя кошками.

– Плюнь в рожу своим информатором, – посоветовал я, – кошек у меня тут только две. Причем в силу отсутствия мышей одна ловит белок, правда, пока безрезультатно, а вторая – рыбу, и у этой, говорят, пару раз уже получалось.

– Тебе денег на мышей не хватило? – удивился Гоша.

– Они, во-первых, начнут провода грызть, собаки серые. А во-вторых, ты знаешь, какие это кошки? Дочки моей московской, которая сейчас в Гатчине живет. Вот, значит, я и изучаю помаленьку свойства деток от родителей из разных миров. На мышках плохо, очень уж они

тупые, даже если интеллект усилится в разы, все равно незаметно.

– Э... так тот драный рыжий котенок, которого ты вместе с барахлом в «Форд» засунул, тоже участник эксперимента?

– Разумеется, в Нескучном я смотрю за детьми тамошней кошки и тутошнего кота, а в Георгиевске – наоборот.

– И какие лучше? – заинтересовался Гоша.

– Все хорошие. Гораздо умнее своих родителей, это уже твердо можно сказать. И реакция у них лучше. И красивее, сам погляди.

На Гошином лице отразилась работа мысли.

– Та-ак, – протянул он, – твоя Настенька, если все пойдет без перекосов и наши планы не изменятся, сядет на ирландский трон. А кто при Владимире Первом канцлером будет? Так что ты... это... не очень перетруждайся на работе. Не забывай, что у тебя еще и семья есть.

– Ну, и каково твое впечатление о съезде? – поинтересовался император за обедом.

– Могло быть хуже. Человек пятнадцать все поняли, еще когда ты говорил, но вообще-то основной итог будет завтра утром, когда все твою речь прочитают.

Делегатам в перерыве раздавали листочки с Гошиной речью, причем там имелись сноски на незнакомые слова. А сама речь представляла из себя продукт осмысления им административного раздела теории изобретательства, а именно постановку задачи большой группе. Тут требовалось конечный результат обозначить в самом общем виде, (от вас требуются судьбоносные решения), но четко указать граничные условия.

После десерта Гоша не торопился вставать, а с интересом смотрел на меня.

– Не забыл, не думай, – усмехнулся я, – шампанское уже несут.

Дело в том, что сегодня было двадцать восьмое июня.

Восемь лет назад цесаревич Георгий не стал, как ему было предопределено, помирать от чахотки после падения с мотоцикла на месте будущей часовни, а на несколько секунд доверил себя инженеру Найденову. Ну, а потом помаленьку оно и началось...

Император повертел в руках принесенную бутылку и осведомился:

– И почему, интересно, французское?

– А я знаю? Сказал – шампанского, мне его и принесли. Да и какая разница, собственно?

– Уж не меньше, чем между жигулевским и баварским. Минутку, я тут своего порученца озадачу...

Вскоре нам принесли из Гошиной машины настоящего шампанского, то есть из Нового Света, и закусь по мелочи.

После первого, традиционного тоста «за следующую годовщину!» Гоша спросил:

– Про Вильгельма-младшего что-нибудь придумал?

– А как же, уже договорился с японцами насчет него. Как же офицеру – и без стажировки в только что воевавшей армии? Ито обещал, что лично проследит за тем, чтобы стажер попал в часть с правильными настроениями. Это не так сложно, много там сейчас прорусски настроенных генералов. Вилли, кстати, предлагал подумать и по поводу следующего сына, то есть Эйтель-Фридриха. Сейчас вот помаленьку сведения об его интересах собираю...

– Мне, кстати, Столыпин уже начал на мозг капать, что нынешняя система управления заточена под конкретные личности, надо, мол, сделать ее более универсальной.

Вообще-то Петр Аркадьевич был совершенно прав. Дело в том, что к моменту воцарения Гоши все управление в Российской империи можно было описать двумя словами – агония и гниение. Если бы тут знали выражение «забить болт», то никаких других и вовсе не понадобилось бы... Поэтому нам нужно было срочно, на ходу сделать хоть что-то работающее, пока не настал кирдык, а уж под личности оно получится заточенным или под задницы, разбираться потом. И, пожалуй, к этому уже можно приступать...

– Посоветуй Столыпину кого-нибудь в Георгиевск послать на предмет изучения тамошнего самоуправления, – предложил я. – Работает же, я уж и не помню, когда

вмешиваться приходилось. А вообще-то он что-нибудь конкретное предлагает или пока только морщится от произвола наших комиссаров?

– Себе просит, – захохотал Гоша. – Помнишь, первые комиссары назывались правительственными? Это потом мы школы сделали и разделили их на государственных и императорских. Ну так Петр Аркадьевич и говорит, что это дискриминация и надо, значит, третью школу и третью разновидность. Чтобы там происходил отбор будущих правительственных чиновников...

– Светлая мысль, – согласился я. – Будут, значит, мои черные комиссары, твои синие и его совсем зеленые. А то в какой цвет их еще одевать?

– Нет в тебе художественной жилки, – сокрушенно покачал головой Гоша. – Разумеется, в белый! Как символ непорочности – главного качества правительственного чиновника. И сразу анекдот можно будет запускать на тему «и я, весь в белом...».

– Да, – вспомнил я, – хотел тебе предложить еще один орден учредить, только ты сам посмотри, имени кого. Нужен святой, которому всю его жизнь предлагали взятки, а он только и делал, что посылал искusstелей! Для вознаграждения длительной беспорочной службы. Трех степеней, с цифрами «5», «10» и «25», то есть бронзовый, серебряный и золотой.

– Тогда уж и бриллиантовый, за пятьдесят лет без халка, – расширил мою мысль Гоша, – ладно, поручу найти достойного святого. И, между прочим, помнишь, ты сомневался, что мои комиссары без энтузиазма отнесутся к длительной командировке на Лену, золотодобычу организовывать? Так вот – ничего подобного, желающих даже больше, чем вакансий. А у тебя с этим как?

– Аналогично. Романтика сама по себе очень хорошая вещь, особенно при грамотном использовании. Ну и карьерные стимулы... В общем, всю по картам бассейн Колымы изучают. Только это самое, давай все-таки назовем Магадан Магаданом?

Гоша согласился, и мы выпили за будущую столицу Колымского края. Потом император спросил:

– А что это за объект мы будем строить в Чите?

– Ну, это с какой стороны посмотреть. И в какое время. То есть если из заграницы и в течение года, то это будет электромагнитно-ионная пушка. А с нашей стороны да года через два там окажется всего лишь штаб Забайкальского военного округа.

– Тунгусский метеорит? – догадалось величество.

– Он самый, только неизвестно, что это такое было на самом деле. Посмотреть-то мы посмотрим, но и готовиться к производству нужного впечатления уже пора. Тунгусское диво же примерно со стороны Читы летело.

– А вдруг это космический корабль, – размечтался Гоша.

– И что, ты его на abordаж предлагаешь брать еще в воздухе, пока не взорвался? Говорю же – будем посмотреть.

– Ладно, допиваем, и что у нас там дальше в программе? Автозавод Рябушинского-Найденова? Небось «Чайку» подарят...

– Хотел отвертеться? Не выйдет, как же мы ее продавать будем без лейбла «поставщик двора», это неприлично. Сфоткаешься за рулем, а потом отдашь эту трещотку на кухню или еще куда... Я свою Циолковскому передал, а то как-то неудобно, когда главный теоретик космонавтики на велосипеде ездит.

– Ладно, с заводом понятно, – кивнул Гоша, – а что там еще? Опять слово забыл, и кто его только выдумал.

– Твой же комиссар, между прочим. Нельзя же говорить «супермаркет», зачем нам выражаться на языке вероятного противника? Так что большой магазин самообслуживания, ты уж запомни, в России называется «Гросслабаз». Вот на открытие первого мы и заедем, заодно и купим чего-нибудь. Или у тебя опять денег нет?

Эпилог

От Государственного Канцлера Российской Империи князя Найденова
Г.А
Его Императорскому Величеству Георгию Первому
Докладная записка.

Просил по случаю юбилея своими словами подвести предварительные итоги трех лет твоего императорства и моего канцлерства? Пожалуйста, вот они.

Главные достижения – революции не было и в ближайшие годы не предвидится, это раз. Все твои родственнички и думать боятся вякнуть что-нибудь поперек императорской воли, это два. Ну и с немцами мы всерьез подружились, это три...

Всякие ростки демократии пока если и можно отнести к достижениям, то пока к весьма сомнительным.

Еще один момент, который я считаю положительным – это то, что у России сейчас почти нет союзников, за которых надо воевать. Почти – это кроме Черногории, но, согласись, она значительно лучше, чем Франция с Англией, которые требуют одного неподготовленного наступления за другим, а сами втихую договариваются, как им делить Россию после войны.

А еще можно сделать вот какой вывод.

Ники не имел ни своей политики, ни способов проведения ее в жизнь. Чем оно кончилось, мы помним...

Мы политику очень даже имеем, и, главное, есть неплохо работающие механизмы ее реализации.

А надо, чтобы эту политику имела Россия, и реализация происходила в близком к автоматическому режиме, а ты мог спокойно посиживать на троне и присматривать, все ли хорошо.

Вот как только это получится, тут же накатаю прошение об отставке, выйду на пенсию, куплю Канары и уеду туда разводить кошек.

Конец третьей книги.